

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

*Памяти доцента Виталия Николаевича Даниленко,
в связи с 80-летием со дня рождения.
Часть 2*

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016**

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Технический редактор и переводчик аннотаций на английский
язык – Прохорова Т. А.

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. **Непомятый Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. **Манаев Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. **Герцен Александр Германович** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. **Ишин Андрей Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. **Латышева Елена Владимировна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. **Науменко Валерий Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. **Петрова Элеонора Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. **Платонова Надежда Игоревна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. **Романько Олег Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. **Тихонов Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. **Тункина Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Филимонов Сергей Борисович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. **Храпунов Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. **Щевелев Сергей Стефанович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Подписано в печать . . . 2016.

Формат 70x100 1/16. ____ усл. п. л.

Заказ № НП/34.

Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 930 (38) «18/19»

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ФИЛОСОВОВ – ВЫХОДЦЕВ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: indrik-u-blues@rambler.ru*

Рассматривается вопрос о том, как отражены в историографии XIX–XX вв. античные свидетельства о двух знаменитых выходцах из античного Северного Причерноморья: Биона Борисфенита и Сфера Боспорского; в частности, предположения о варварском происхождении этих философов эллинистической эпохи. Несмотря на то, что ни один античный биограф не говорит о негреческом или смешанном этническом происхождении Сфера и Биона, соседство их родных полисов со скифами и «мираж Анахарсиса» породили мало подкрепленные источниками, но в достаточной мере закрепившиеся в литературе нового и новейшего времени версии о негреческом происхождении стоика и киника, прибывших в Афины с берегов Понта. Особенно стойкой оказалась эта версия по отношению к Биону: Бион-скиф появляется не только в специальных исследованиях и энциклопедиях, но и в художественной литературе, а также в произведениях жанра, называемого «фольк-истори».

Ключевые слова: античная литература, историография, история античных государств Северного Причерноморья.

Северное Причерноморье в античную эпоху – это периферия, окраина ойкумены во многих отношениях, в том числе в культурном. В то же время и археологические памятники, и литературная традиция свидетельствуют, что этот край сохранял прочную культурную связь с Элладой (тут достаточно вспомнить Борисфенитскую речь Диона Хризостома: кинический философ и оратор настаивает на том, что вынужденные непрестанно сражаться с варварами ольвиополиты сохраняют в чистоте отеческие нравы, греческий язык, все как один знают Гомера, любят Платона, жадны до бесед с приезжими учеными людьми, – в общем, в культурном отношении остаются настоящими эллинами (Ог. XXXVI, 9–18, 24, 27).

Поэтому даже беглое упоминание в литературных источниках о знаменитых выходцах с берегов Северного Понта вызывает интерес у исследователей. Это неудивительно: если свидетельства античных авторов более или менее подробны, тогда возможно реконструировать черты биографии философа, ученого или поэта, в том числе ее «причерноморскую» часть; определить, какое образование и опыт он получил на родине, следовательно, получить некоторое знание о культурной жизни североPontийских колоний в то или иное время. Возможно и обратное: исследователь предпринимает попытку осмыслить какое-либо явление в духовной жизни всего античного мира, и сведения о выходцах из периферии играют значительную роль в таком осмыслении. Тем более неудивительно, что степень исследовательского вни-

мания к выдающимся личностям античного Северного Причерноморья возрастает по мере того, насколько подробны и распространены сведения о них в нарративных источниках. Так, например, краткое замечание Диогена Лаэртского о Дифиле Боспорянине, ученике мегарика Стильпона (II, 11, 113–114), не дает возможности для сколько-нибудь обоснованных интерпретаций и реконструкций. Вполне естественно, что невозможно найти и специальных работ, посвященных личности и учению философа Дифила: его почти непременно упоминают, когда говорят о культуре Причерноморья в эллинистическое время [15, с. 219; 64, с. 152; 64, с. 159; 71, с. 140; 72, с. 233], но не более.

Когда же свидетельства античных авторов достаточно подробны, появляется богатая почва для интерпретаций. Пример тому – интерес к Биону Борисфениту и Сфере Боспорскому. Оба этих философа неоднократно упоминаются у ряда античных и раннехристианских авторов¹, а также в средневековом византийском словаре «Суда».

¹ Известны следующие свидетельства о Сфере:

Афиней, Пир мудрецов, IV, 19 b; VIII, 50 e-f.

Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 1, 38; 1, 139; 6, 177–17.

Керкид Мегалопольский, Мелиамбы, Фрагм.5.

Плутарх, Параллельные жизнеописания, Клеомен, 32-33.

Цицерон, Тускуланские беседы, IV, XXIV.

Иногда относят к источникам о Сфере спорное упоминание о сферах: Павсаний Описание Эллады, III, 14, 6.

Свидетельства о Бионе:

Афиней, Пир мудрецов, IV, 162; XIII. 61.

Гораций, Письма, II, 2, 60.

Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, II, 11, 117; IV, 1, 5, 10, 23; 7, 46-58.

Дион из Прусы. Речь 66, 26.

Евсевий Кесарийский, Евангельское приготовление, 14, 6.

Климент Александрийский, Строматы, 7, 4; Протрептик, 4.56.1.

Олимпиадор. Комментарии к «Федону» Платона: О припоминании, 26μ; Силлогизмы, 18κδ.

Плутарх: Почему божество медлит с воздаянием, 19, 561с; Об уме животных, 7, 965AB; О пифийских оракулах, 5, 396 E; Как оценивать совершенствование своих учеников, 11.82E; О суеверии, 7, 168 D; Как отличить льстеца от друга, 16, 59A; О ложном стыде, 18, 536A; Как юноша должен слушать поэтов, 4, 22A; Влюбленный, 24, 770 B.

Псевдо-Плутарх. О воспитании детей, 17, 7C—D.

Сенека, О спокойствии души, 15, 4, О благодеяниях, 7, 1,

Стобей, Антология, 3, 40, 8; 4, 29a13; 2, 31, 97; 4, 5, 23; 3, 38, 50; Эклоги, 2, 1, 20; 2, 31, 97.

Страбон, География, I, 2, 2.

Суда, под словом «Apsop», 249.

Суда, под словом «Symboion», 1377.

Телет из Мегар, Об автаркии (II); О бедности и богатстве (IV A).

Цицерон, Тускуланские беседы, III, 26.

Согласно приведенным нарративным источникам, Сфер был философом-стоиком, фило-

Несмотря на то, что ни Бион, ни Сфер не являлись философами первой величины, к известиям о их жизни и учениях обращались многие исследователи классической древности. Наиболее ранняя русская работа, посвященная Сфере – очерк И. А. Стемпковского «Исторические изыскания о жизни и писаниях боспорянина Сфера, философа стоической секты», опубликованный в 1828 г. в журнале «Московский вестник». Именно И. А. Стемпковскому принадлежит аргументированное утверждение, что Сфера следует считать Боспорянином, как о нем писал Диоген Лаэртский, а не Борисфенитом, как его называл Плутарх; кроме того, под Боспором в данном случае вполне возможно понимать Пантикапей, «ибо греческие писатели часто под названием Веспора разумели сей город, по причине положения онаго на Веспоре Киммерийском» [73, с. 204]. С доводами, приведенными в статье, согласились и позднейшие авторы [72, с. 216; 18, с. 151]. В работе «Очерки греческой философии» Э. Целлера [80, с. 176] Сфер также назван Боспорянином. В то же время автор одного из самых обстоятельных разборов вопроса об участии Сфера в реформах Клеомена, Ф. Олье, не предпринимал попыток выяснить, какой из этниконов корректнее, он просто привел оба мнения: «философ родился на периферии греческого мира в Ольвии или Пантикапее» [9, р. 543–544]. Точно так же поступили издатели «Фрагментов ранних стоиков», указав оба этникона: «Βοσπορίανος – т. е. из Боспорского царства (Сев. Причерноморье); ср. Βορυσθενίτης – т. е. с берегов Борисфена (= из Ольвии?)» [79, с. 210]. Оба варианта происхождения Сфера указывает и М. В. Скржинская [71, с. 32]. Не называл ни одного из этниконов исследователь стоической философии М. Поленц, указавший, что Сфер из «южной России прибыл в Афины» [67, с. 49]. Но нередко вслед за Плутархом Сфера называют Борисфенитом, никак, впрочем, этого не объясняя [30; 65; 66].

К сведениям о жизни и учениях Биона и Сфера обращались не только для изучения истории Северного Причерноморья. Бион интересовал исследователей как достаточно яркий представитель кинической школы, по некоторым данным, создатель жанра кинической диатрибы [59, с. 88, 172–187, 404]. В монографии «Греки и иррациональное образование получил в Афинах у Зенона Китийского, после слушал его ученика Клеанфа. Следующим периодом его жизни был спартанский, где Сфер участвовал в проведении реформ Клеомена, пытался возродить идеал спартанского полиса путем воспитания юношества в старых спартанских традициях. После трагической гибели Клеомена Сфер жил в Александрии при царе Птолемеи (скорее всего, Птолемеи II Филадельфе или же Птолемеи III Эвергете). Сфер написал ряд произведений (тридцать по перечню Диогена Лаэртского), в том числе о государственном устройстве Спарты, на его «Лакедемонскую политику» ссылались Афиней и Цицерон.

Бион Борисфенит происходил из Ольвии. Приехав в Афины, он слушал академиков, киников, Феодора Безбожника. Преподавал в Афинах, на Родосе, много путешествовал. Некоторое время жил при царе Антигоне Гонате. Бион считается создателем жанра кинической диатрибы. Известно немалое количество упоминаний о Бионе, из которых видно, что отношение к философу было далеко не однозначным: для Диогена Лаэртского Бион – одиозный выскочка, для Плутарха и ряда других авторов (Стобея, Афиней, Климент Александрийский) – тонкий и остроумный мыслитель. Его учениками были Телет из Мегар (продолживший традицию кинической философии своего учителя) и Аристоник Хиосский (известный как стоик).

ное» (1949 г.) Э. Доддс привлек свидетельство Плутарха о Бионе для иллюстрации противостояния «религии философов» и «народной религии»: «Бيون из Борисфена все еще полагает нужным указать, что наказывая сына за причиненную отцу обиду, бог действовал как врач, который должен дать лекарство ребенку, чтобы исцелить отца; и набожный Плутарх, который цитирует это остроумное замечание, пытается, тем не менее, найти защиту для старой доктрины в обращении к известным в его время фактам наследственности.... Если верить Диогену Лаэртскому (4. 46), Бюн имел личную причину для резкого высказывания об идее наследственной вины: он и вся его семья были проданы в рабство из-за того, что отец нанес кому-то оскорбление» [31, с. 58].

А. Л. Верлинский объяснял феномен раннеэллинистических философских школ появлением в Афинах значительного количества любителей мудрости из отдаленных уголков ойкумены, но уже на примере стоика Сфера: «Сфер со своим причерноморским происхождением хорошо вписывается в круг ранних стоиков, который даже на фоне общего преобладания уроженцев окраин над коренными афинянами в философских школах эллинизма выделяется обилием выходцев из отдаленных полисов со смешанным населением... Появление к началу III в. среди известных в греческом мире философских имен сразу трех выходцев с северопричерноморских окраин свидетельствует, что и там духовная атмосфера побуждала к решению экзистенциальных проблем. В то же время, возможно, именно «провинциальный» характер полученного ими на родине образования препятствовал занятию первых мест в тогдашнем философском движении: и мегарик Дифил..., и стоик Сфер..., и Бюн... – в равной степени незначительны как мыслители» [18, с. 151, 177].

Сфер был интересен исследователям и в связи со «спартанским миражом», как автор и участник реформ в Спарте при юном царе Клеомене [9; 17, с. 319, 148–149; 31; 65; 66].

Мы же остановимся только на одном вопросе, получившем несколько неожиданное освещение в историографии: вопросе о том, каким было этническое происхождение Биона и Сфера.

Ни один известный источник на него не отвечает: античных авторов не интересовало, являются ли эти философы этническими греками (на наш взгляд, у них просто не было сомнений в эллинском происхождении Сфера и Биона), происхождение северопонтийских философов становится проблемой уже в рамках историографии.

Диоген Лаэртский, пожалуй, наиболее негативно настроенный к Биону из всех его биографов, передает разговор философа с Антигоном Гонатом, в котором выясняется, что Бюн – выходец из социальных низов Ольвии (IV, 7, 46–47). Но о варварском происхождении Борисфенита никак не упоминается. В саркастической эпитафии Биону Лаэртский называет его уроженцем скифской земли, но это никак не характеристика этнического происхождения (Diog. Laert. IV. 7. 55). Стобей в «Антологии» также приводит беседу философа и царя, но в данной версии о корнях Биона не говорится вовсе: кинизирующий философ отвечает на вопрос царя с помощью меткой хрии (4. 29a13). Есть упоминание о семье Борисфенита в «Пире мудрецов»: со ссылкой на

Никия Никейского Афиней рассказывает о том, что матерью Биона была лаконская гетера по имени Олимпия¹ (IV, 162).

Остальные упоминания о Бионе у античных авторов относятся не к фактам биографии, а к его высказываниям «с едкою черною солью» (Hoc., Epist. II, 2, 60). Как видно, нигде в известных источниках нет даже намека на то, что Борисфенит – варвар по рождению.

В точности то же мы вправе сказать и о Сфере, который у Диогена Лаэртского назван Боспорянином, а у Плутарха – Борисфенитом². Ни одно свидетельство о Сфере невозможно интерпретировать как сообщение о варварском его происхождении.

Тем не менее уже в очерке И. А. Стемпковского Сфер впервые в историографии становится то ли варваром, то ли миксэллином: «достойно замечания, что человек, принадлежащий рождением племенам, которые греки едва отличали от диких варваров Скифии, и пришедший из глубины пустынь Киммерийских, сделался главнейшим орудием в преобразовании народа Спартанского...» [73, с. 209]. Чтобы проиллюстрировать близость скифов и причерноморских колонистов, И. А. Стемпковский привел ссылку на речь Эсхина «Против Ктесифонта о венке» без указания точной цитаты³. Указав на «почти варварское» происхождение Сфера на основании не со-

¹ Сообщению Афиней сложно доверять: исследователи отмечают, как вольно поэт обращался со своими источниками и биографиями «участников пира». В ряде случаев Афиней попросту называл громкое имя философа, поэта или художника, вводя его в повествование, и приписывал ему не только необходимые реплики, которых тот никогда не произносил (что, бесспорно, было широкой практикой для многих авторов, и не только античных), но и черты биографии, совершенно не присущие названному имени [52, с. 374]. Но заметим, что В. Д. Блаватский совершенно доверял свидетельству Афиней и поместил гетеру Олимпию с мужем и знаменитым сыном в число тех двадцати пяти вольноотпущенников и рабов из северопонтийских колоний, чьи имена известны из нарративных, эпиграфических и археологических памятников [14, с. 50].

² Мы будем и далее придерживаться версии Диогена Лаэртского. В пользу этника «Боспорянин» говорит то, что источники Диогена Лаэртского были куда более точными и подробными, происходившими от стоической школьной традиции. Кроме того, Диоген был внимателен к разночтениям в этниконах, и приводил различные версии, как только подобные разночтения возникали. Диоген Лаэртский указал и названия трудов Сфера, между тем как у Плутарха биография и философские сочинения стоического философа не рассматриваются, Сфер интересует автора «Сравнительных жизнеописаний» лишь в той мере, в какой он влиял на молодого царя Клеомена и на процесс реформ по восстановлению отеческих обычаев. По всей видимости, источник Плутарха куда как менее надежен. Такие ошибки встречаются в литературной традиции: достаточно вспомнить, как в «Мириобиблионе» Фотия авторство пространного труда по истории Иудеи было приписано Гекатею Милетскому (раннему логографу) вместо Гекатея Абдерского (автора эллинистического времени, имевшего возможность лично познакомиться с описанными в книге местами) [29, с. 34–35].

³ Возможно, имелось в виду то место в речи, где Эсхин обвиняет в скифском происхождении своего противника, «хлопотуна и сутягу» Демосфена. Но этот пассаж в речи Эсхина не может быть окончательно признан достоверным: известно, что Демосфен все же был законным афинским гражданином. Предполагают, что он имел родственников на Боспоре, но правдивость всех частей рассказа Эсхина крайне сомнительна [69, с. 171]. Да и введен сюжет

всем ясной аналогии, И. А. Стемпковский к вопросу о происхождении философа более в статье не возвращался.

Спустя девяносто лет мысль о том, что Сфер, как выходец с Боспора, мог происходить из этнически смешанного населения, была повторена в статье Д. С. Спиридонова «Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли»: Сфер Боспорский был «*hominis novi* из колонистов и едва ли чистой крови» [72, с. 203]. Статья представляла собой первое комплексное исследование о северо-понтийских философах, в ней автор продемонстрировал прекрасное знание источников, каждый свой шаг в реконструкции жизни и учения Анахарсиса, Дифила, Сфера и Биона он подробно аргументировал («обстоятельной и остроумной» назвал эту работу А. Л. Верлинский [18, с. 147]). Но предположение о происхождении Сфера осталось, как ни странно, без пояснений.

Впрочем, в дальнейшем стойка Сфера не записывали в варвары, если не считать замечание А. Л. Верлинского о смешанном населении тех окраин, откуда философ был родом [18, с. 151] (но на негреческом происхождении Сфера исследователь не настаивал).

По всей видимости, факт взаимовлияния греков и варварского (в первую очередь, скифского) населения на Боспоре дал повод И. А. Стемпковскому и Д. С. Спиридонову совершить никак не подкрепленный источниками шаг от общего к частному и предположить негреческое происхождение Сфера.

Если Сфер выступил в качестве варвара-мудреца только в трудах двух русских авторов XIX и начала XX века, то близость родины Биона Борисфенита к населению лесостепной Скифии имела более масштабные последствия в историографии.

Как и в случае со Сфером Боспорским, в XIX веке происхождение Биона стало объектом внимания исследователей классической древности. Уже в первой трети XIX в. находим сведения о нем в энциклопедических изданиях Нового Света. В «Универсальном биографическом словаре, содержащем жизнеописания наиболее выдающихся личностей всех времен и народов...», изданном в Хартфорде в 1828, Бион назван скифским философом («*Scythian philosopher*») [3, р. 71]. В «Словаре греческой и римской биографии и мифологии», изданном Уильямом Смитом в Бостоне в 1867 г., Бион также назван скифским философом. В статье о Бионе приводятся подробные сведения о месте его рождения: названа и Ольвия, в устье реки Борисфен («*Bion, a Scythian philosopher, surnamed Borysthenites, from the town of Oczacovia¹, Olbia, or Borysthenes, near the mouth of the Dnieper*»). С заметкой о Борисфените соседствуют еще десять биографий, посвященных деятелям античности по имени Бион, в ряде случаев указывается их происхождение: «*Greek rhetorician...a native of Syracuse*», «*Greek sophist*» Значит, в статье о Бионе под этниконом «*Scythian*» читателю следует

о скифской родне Демосфена в речь для того, чтобы убедить слушателей в худородности и порочности Демосфена: «по деду он – враг народа, так как предка его вы приговорили к смертной казни; по матери же он – скиф, то есть варвар, лишь говорящий эллинским языком. От этого чуждого происхождения и пороки его» (Aesch., in Ctes. III, 171–173).

¹ В известных нам работах этот топоним используется для обозначения самой Ольвии Понтийской [11, р. 255] или местности возле устья Борисфена [6, р. 307].

понимать все-таки варварское происхождение философа [1, р. 489]. Интересно, что в следующем издании словаря (Нью-Йорк, 1884) Бион уже перестает быть скифом: «Bion, of Borysthenes, near the mouth of the Dnieper» [2, р. 143]. Вполне вероятно, что в новом издании, исправленном и дополненном профессором Ч. Антоном, использование этника было признано некорректным, и ошибка (вызванная, по всей видимости, упоминанием о «скифской земле» у Диогена Лаэртского) была исправлена.

Немецкие лексиконы XIX века, содержащие сведения о философе Бионе, были более точными в определении его происхождения. Так, в третьем томе «Энциклопедии Брокгауза» (13-е издание) Бион предстает перед просвещенным читателем в качестве «греческого философа из Борисфена» [4, р. 70]. В русском издании «Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», первые восемь томов которого в основном представляют собой перевод 13-го издания немецкого лексикона, вошел без изменений перевод этой статьи о Бионе: «Бион философ (Bion), греч. философ из Борисфена (в Скифии) на реке того же названия, нынешнем Днепре...» [84, с. 37–38]. В других популярных немецких словарях, издававшихся в XIX – нач. XX в., таких, как «Meyers Großes Konversations-Lexikon» и «Pierer's Universal-Lexikon», Бион также представлен выходцем из Скифии, но не скифом [8, s. 889–890; 10, s. 803].

Кроме справочных изданий, на рубеже XIX–XX веков Бион появляется в трудах немецких антиковедов, в частности, в монографии «Греческие мыслители» и сборнике лекций «Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы» Т. Гомперца, «Очерке греческой философии» Э. Целлера; но эти авторы также только указывали на то, что Бион – выходец из периферии, и не предполагали никакого «скифского следа» в его происхождении [25, с. 147–148; 26, с. 133–135; 80, с. 97].

Д. С. Спиридонов, посвятивший подробный раздел статьи «Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли» Биону, «этому бродячему учителю и авантюристу, кинику, не чуждому гедонизму» [72, с. 189], в отдельных вопросах опирался на труды немецких антиковедов (в том числе Т. Гомперца), а в целом – следовал данным античных источников. Поэтому удивительно, что первые неудачи в афинской философской карьере Борисфенита в статье Д. С. Спиридонова объяснены так: «некрупный философ и, как варвар, владевший небезукоризненным произношением, он едва ли пользовался учительским успехом» [72, с. 196]. Здесь мы видим в точности то же, что и в пассаже о происхождении Сфера: обычная для автора стройная аргументация не приводится, дотошный разбор источников отсутствует.

Негреческое происхождение Биона было обстоятельно аргументировано лишь восемьдесят лет спустя. В статье «Человек в античной Ольвии» В. П. Яйленко высказался в пользу того, что родители Биона были выходцами из ойкетов ольвийской хоры, происходивших из туземного (скифского) или метисного (эллино-скифского) населения, и принадлежали к социальным низам Ольвийского полиса [86, с. 119–122]. Это предположение основано на выводах В. П. Яйленко о широком применении слова «борисфенит» для жителей Березани, Ольвии и соседних территорий. По мнению ученого, борисфенитами называли и скифов, живших вдоль нижнего и среднего течения Борисфена на его левобережье. В качестве захоронений этого

негреческого населения, по мнению В. П. Яйленко, следует рассматривать все подбойные могилы, находящиеся на ольвийской хоре, а отсутствие негреческой антропоники в эллинистическом некрополе города следует объяснять тем, что «имена этих скифов и полукровок не попадали в лапидарную эпиграфику города» вследствие бедности их носителей. Таким образом, В. П. Яйленко пришел к выводу, что «процентное равенство подбойных могил с захоронениями греческого импорта на городском некрополе эллинистического времени свидетельствует, что примерно половина Ольвии была негреческого или смешанного происхождения». На основании биографии Биона В. П. Яйленко судил о положении ольвийских ойкетов: «...именно из этой среды вышел Бцион Борисфенит, живший в раннеэллинистическую эпоху. Его отец был отпущенником, т. е. происходил из числа туземного или метисного населения, видимо, того же происхождения была и мать, городская проститутка. Как торговец рыбой отец жил в Ольвии или прибрежном поселке. Попавшийся на расхищении откупных налогов, он был возвращен в прежнее состояние – продан в рабство со своим ойкосом, т. е. включая жену, сына и имущество. Данные об ойкетах и биография Биона дают нам представление о градации социальных состояний и занятиях ольвийских низов: 1) городские и сельские рабы; 2) занятые в частных и полисных сельских хозяйствах ойкеты, в основном, лично свободные 3) ведущие собственное дело и имеющие ойкос вольноотпущенники» [86, с. 121–122].

Выводы В. П. Яйленко впоследствии были оспорены¹. Но здесь показателен,

¹ В. М. Зубарь и Н. А. Сон, в частности, привели аргументы в пользу того, что борисфенитов не следует считать варварским населением (исходя, например, из сообщения Макробия (Macr. Sat. II. 11, 33) об отпуске борисфенитами рабов на волю в условиях осады Ольвии Зопирионом); также нельзя однозначно судить о негреческой этнической принадлежности жителей Ольвии и ее округа, погребенных в скорченном положении; а захоронения с бедным инвентарем (только лепная керамика) может указывать не на этнос, а на социальное положение умершего. Исследователи пришли к выводу, что в регионе наблюдались не этническое смешение и варваризация греков, а напротив, эллинизация местного населения [41, с. 84, с. 124]. Вопрос о том, что понимать под Борисфеном или борисфенитами, неоднократно рассматривался. С. Д. Пападимитриу [60, с. 104] считал Борисфеном не Ольвию, а Березань. В. И. Гошкевич пришел к выводу, что Ольвия переняла на себя имя Борисфена (эмпория) [27, с. 144]. Специальная работа «Что понимать под Борисфеном в IosPE. I2, 24» принадлежит С. А. Жебелеву: в ней указано, что Геродот в основном понимал под этим именем Ольвию, но в некоторых местных источниках (IOSPE. I2, 24, декрет Каноба о денежном обращении) под Борисфеном понимается весь Днепро-Бугский лиман (хотя издатель надписи, В. В. Латышев, отмечал тождество значений для названий Ольвия и Борисфен). Вообще же, по мнению С. А. Жебелева, Ольвия – это первое название города, а имя Борисфена Ольвия получила «с легкой руки» Геродота, вслед за которым город стали называть Борисфеном и другие авторы (Скимн Хиосский, Арриан, Лукиан, Птолемей, Дион Хризостом, Стефен Византийский) [33, с. 291, 295]. С выводами С. А. Жебелева не согласился П. О. Карышковский, понимавший Борисфен декрета Каноба как название Ольвии. Ю. Г. Виноградов также указал на то, что Борисфен – это Ольвия, а декрет Каноба является по всем признакам памятником ольвийской палеографии [21, с. 37–38]. Вопрос о составе населения Ольвии и ее округа порождает еще больше споров.

как и в случае с попытками выяснить происхождение Сфера, слабо подкрепленный источниками шаг от общего (предполагаемая этническая принадлежность жителей ольвийской округи) к частному (варварское или смешанное происхождение Биона), совершенный не «любителем истории»¹, а серьезным исследователем.

С. И. Капошина однозначно интерпретировала скорченные погребения Ольвии (а также Херсонеса) как принадлежащие туземному негреческому населению [46, с. 161–174]. Выводы С. И. Капошиной, которые разделил С. А. Жебелев, уже вскоре вызвали критику [61, с. 58]. Помимо скорченных погребений, известны и негреческие имена жителей северопричерноморских полисов; возможно, и некоторое количество носителей греческих, а затем римских имен происходило из варварской или же миксэллинской среды [20, с. 37–39; 23, с. 249–309; 41, с. 45; 50, с. 226–233; 56, с. 86–89; 74, с. 88–112; 75, с. 178–199]. Но даже если мы станем считать Биона и Сфера представителями этого негреческого населения, это никак не поможет разрешить вопрос о количестве такого населения в Ольвии и на Боспоре и его социальном положении.

¹ Яркая личность Биона, захватывающий сюжет биографии философа в пересказе Диогена Лаэртского и близость его родины к племенам лесостепной Скифии не оставили равнодушными и писателей, публицистов, а также представителей жанра, условно называемого «фольк-хистори» [22, с. 16–24].

Так, в историческом романе Н. М. Коробкова «Скиф» (роман вышел в 1930 г., был переиздан в 1992 г.), Бion – эллинизированный скиф, который даже имел последователя среди скифов-земледельцев в окрестностях Ольвии [48]. Заметим, что Н. М. Коробков – ученый и писатель, археолог, он приводил в романе тексты исторических источников, а в конце книги поместил исторический очерк и достаточно подробный справочный аппарат. В историческом очерке дана краткая история скифов согласно свидетельствам Геродота и археологическим данным (материалам археологических раскопок курганов Куль-Оба, Чертомлык, Цымбалка), история Ольвии и Херсонесского государства. По сути, это добротная, хотя и не блестящая, популяризация истории, археологии и краеведения. Достоверные факты, как и следует ожидать, соседствуют с авторским вымыслом. Неудивительно и желание автора «скифизировать» Биона и его последователя, тем более, книга была написана в период особенного интереса в отечественной науке к истории и археологии скифов северопричерноморских степей.

В книге В. Е. Шамбарова «Русь – Дорога из глубин тысячелетий: Когда оживают легенды», притязавшей на то, чтобы быть «неофициальным», но серьезным историческим исследованием, Бion так же оказывается скифом, попавшим в Афины в качестве раба, вопреки биографии, описанной Диогеном Лаэртским. Впрочем, в своем труде В. Е. Шамбаров рассматривает «Велесову книгу» в переводе А. И. Асова в качестве подлинного источника, а при описании степных народов руководствуется, главным образом, трудами Л. Н. Гумилева, поэтому неточности в рассказе о Бione не должны быть поставлены в укор автору «неофициального исследования». Куда более удивительным представляется то, что В. Е. Шамбаров, как ему кажется, решил сложный вопрос о культурных взаимовлияниях эллинов и скифов Северного Причерноморья: «... для сторонников теорий греческого влияния на скифскую культуру стоит отметить и то, что, неоднократно блистая своей мудростью, скифы были отнюдь не склонны перенимать чужую. Тот же Анахарсис сверкал лишь до тех пор, пока выступал достойным представителем своего народа, глубоким и острым умом опровергая среди эллинов их традиционные представления о дикости и темноте скифов. Но как только сам пошел на поводу у греков, начал перенимать их обычаи и попытался вводить их в Скифии, свои же сородичи во главе с братом Савлием его тут же прикончили... «Велесова Книга», рассказывая

Вернемся к известным письменным источникам о Бионе Борисфените и Сфере Боспоряnine. Ни один источник не говорит прямо о негреческом их происхождении, ни один источник не содержит и намека на плохое владение греческим языком и варварское произношение этих философов. При этом известно, каким скрупулезным было в античной литературе отношение ко всякого рода «ненормативным» фактам биографии того или иного видного деятеля: совершенно невозможным для ряда авторов было не упомянуть фракийские корни Антисфена (Diog. Laert. VI, 1, 1), криминальное прошлое Диогена Синопского и его отца (Diog. Laert. VI, 2, 20), бабу-скифянку Демосфена (Aesch., in Ctes. III, 172; Libanius. Demosth., 2), бедность и слабую научную подготовку Клеанфа (Diog. Laert. VII, 5, 168-170). Подобные сведения часто носили характер слухов, тем не менее они обязательно сообщались читателю. Конечно же, варварское происхождение не мешало стать истинным философом или ритором. Дихотомия «эллин – варвар» была не расовой, а социальной и культурной (19, с. 34). Общеизвестно, каким огромным авторитетом пользовался образ скифа Анахарсиса: к примеру, Платон приписывал ему не только природную мудрость и не развращенный цивилизацией нрав, но и множество полезных технических изобретений (Resp. X, 3). В эллинистическое время возникают тексты писем, приписываемых авторству скифского философа: так, анонимный киник эпохи эллинизма пытался освятить авторитетом одного из Семи мудрецов собственную фило-

о племенах, живших в скифское время в лесах в верховьях Днепра и по Припяти, упоминает, что они «скот водили в степи и там были хранимы богами» (II, 5a)» [82].

Скифским философом [39, с. 79] назвал Биона доктор исторических наук П. М. Золин, профессор Новгородского государственного университета, в материалах, разработанных для преподавания курсов «История культуры и этики (в России)», «История философии (в России)». Нам неизвестно, преподавались ли указанные дисциплины по методическим разработкам П. М. Золина, но даже названия разделов курса совершенно обескураживают: «Любо-мудры Митры; Основные периоды прошлого отечественной философии до Рюрика; Предки Зар-ат-уст-Ра...» [39, с. 3–28]. Имя Биона стало для П. М. Золина поводом к применению одного из основных приемов «любительской лингвистики» [37, с. 8–9]: в статье о Бионе для проекта «Энциклопедический Фонд России» П. М. Золин намекнул на связь Биона с праславянами, указав на созвучие имен Бion, Боян и Воин [40].

Как видно, увлечение «нетрадиционными» методами исторических исследований в последние годы свойственно не только любителям истории, но и профессионалам, хотя и в редких случаях. Так, относительно «новой хронологии» А. А. Зализняк указывал, что «профессиональных историков, филологов и лингвистов не нужно убеждать в неприемлемости построений А. Т. Фоменко». Мне не доводилось встречать в их среде его поклонников» [38, с. 162]. Но по меньшей мере еще одно исключение нам известно: это последняя работа музыковеда Е. В. Герцмана, специалиста по истории античной и византийской музыки. Если его монография «Античное музыкальное мышление» (1986) и другие работы до сих пор являются актуальными, то в книге «Тайны истории древней музыки» (2004) автор, неоднократно ссылаясь на труды А. Т. Фоменко, утверждает, что все античные сочинения по музыкальной теории на самом деле были написаны не ранее IX века новой эры. Следовательно, историю античной музыки, да и античную историю вообще нужно пересмотреть и сократить по меньшей мере на тысячелетие [24, с. 520–528; 34, с. 130–135].

софскую проповедь [59, с. 35]. Можно вспомнить сирийца Лукиана Самосатского, ставшего эллином настолько, что слово «варвар» часто встречалось в его речах исключительно в качестве ругательства [36, с. 5]; иудеев Филона Александрийского и Иосифа Флавия, согласовывавших достижения эллинской учености с религиозной мыслью своего народа (пример толкования Филоном Священного Писания: «И сказал Каин Авелю, брату своему: “Выйдем на поле”. И случилось, когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт.4:8). Желание Каина таково: вызвать Авеля на спор и с помощью правдоподобных и убедительных софизмов сделать его своей добычей» (Quod deter. potior. insid. sol. I); Марина Неаполитанского – иудея, ставшего неоплатоником; ливийца или африканца Публия Теренция Афры (Suet., Vita Teren., 1); Марка Корнелия Фронтонa, родившегося в Цирте, столице Нумидии, и именовавшего себя «ливийцем из ливийских номадов» (Ad M. Caesarem 2. 3. 5); Апулея, родившегося в Мадавре (провинция Африка) и называвшего себя полунумидийцем-полутетулом [28, с. 357]; Помпея Трога, чьи предки происходили из племени воконтиев в Галлии [53]; и целый ряд снискавших славу в Риме III–IV вв. галльских ораторов и поэтов [81, с. 33–38].

Существует в античной литературной традиции и объяснение того, при каких условиях варвар может стать настоящим философом. Ему необходимо владеть эллинской речью и быть знакомым с эллинской культурой: об этом писали, в частности, Геродот (IV, 78) и Исократ (Paneg. 50). Интересное замечание об иудее-философе встречаем у Клеарха из Сол, ученика Аристотеля (в пересказе Иосифа Флавия): он был истинным мудрецом, не в последнюю очередь оттого, что знал греческий язык и «был греком в душе» (Cont. Arion. I, 176–183). О Клитомaxe Карфагенском, возглавившем Новую Академию, писали, что он и до прибытия в Афины занимался философией на родине на родном языке; сообщается даже прежнее имя Клитомакха – Гасдрубал (Diog. Laert. IV. 10, 67).

Но даже те авторы, которые были склонны порицать Биона или Сфера или сообщать что-либо из «ненормативных» черт их биографий, молчат об их варварском происхождении. Плутарх сдержанно укоряет Сфера за то, что проповедуемое им стоическое учение оказало губительное влияние на характер и судьбу царя Клеомена (Cleom. 34). Биона Борисфенита Плутарх в большинстве известных текстов хвалит за остроумие и соглашается с бионовыми сентенциями (Quom. adol. poet. aud. deb. 4 22 A; De vit. pud. 18, 536 A; De soll. anim. 7, 965 AB; De Pyth. Orac. 5. 396E; De superstit. 7, 168D; Quom. adul. ab amic. intern. 16, 59A), лишь дважды порицая за бестактность (Amat. 24, 770 B; De ser. numin. vind. 19, 561c). Афинея рассказывает о том, что мать Биона была лаконской гетерой: подобные слухи зачастую тщательно собирались эллинскими авторами. Но ничего не сказано в «Пире мудрецов» о том, что Бцион был неэллинского происхождения (IV, 62). Если бы Афинею или его источникам были известны подобные свидетельства, то следует признать, остроумный автор не умолчал бы о них: различными анекдотами из жизни знаменитых людей буквально переполнено его пестрое сочинение. Крайне критично относился к Бциону автор наиболее подробной его биографии, Диоген Лаэртский. Бцион был настолько несимпатичен

Диогену, что последний завершил биографический очерк, в отличие от большинства других жизнеописаний, не кропотливым перечислением книг, составленных философом, а едкой сатирой собственного сочинения, где он высмеивает последние дни жизни одинокого и больного Борисфенита (IV, 7, 46–58). Тем не менее варваром Бион в «Жизнеописаниях...» не назван.

Обращает на себя внимание тот факт, что варварское происхождение неоднократно приписывалось двум выходцам из Причерноморья, известным из тех литературных памятников, которые значимы для всей античной культуры. Из тех представителей северопонтийского интеллектуального слоя, которые известны только из местных источников, к примеру, по надгробным памятникам (в их числе: Смикр, (КБН 118), Саббион, сын Стефана (КБН 146), Гекатей (КБН 121), Стратоник, сын Зенона (КБН 145), – все это боспоряне), исследователями никто не назывался скифским философом, несмотря на то, что эти любители мудрости жили на Боспоре с его сложным этнокультурным составом.

Среди причин, по которым эллинистическим философам – выходцам с берегов Северного Причерноморья было приписано варварское происхождение, можно назвать не только живой интерес исследователей к истории и археологии региона (находки из скифских курганов поступали в частные коллекции и музеи России уже с XVIII в. [76., с. 361]). Немаловажным представляется влияние на общественную мысль литературного образа ученого варвара с берегов Понта: книга Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие Анахарсиса младшего по Греции» (вышедшая во Франции в 1788 г. и в 1803–1809 гг. изданная на русском языке), была чрезвычайно популярна именно в то время, когда И. А. Стемпковский обратил внимание просвещенного читателя на «философа стоической секты» Сфера Боспорянина¹.

С помощью «варваризации» Биона и Сфера исследователям представлялось возможным решать ряд дискуссионных вопросов истории Причерноморья и древнегреческой истории вообще. Варварским или периферийным происхождением многих кинических и стоических философов неоднократно пытались объяснить сам феномен философии кинизма и стоицизма, вначале тесно связанных между собой: Т. Гомперц писал о том, что стоическая школа прямо происходит от киников, поскольку основатель стоицизма Зенон Китийский учился в Афинах у киника Кратета Фиванского [25, с. 177]. Периферийное происхождение Биона (равно как и других киников, включая Антисфена, Диогена Синопского, Метрокла и Гиппархию, Мениппа) с возникновением и развитием кинизма связывал Теодор Гомперц. В лекциях, посвященных истории античной философской мысли, он утверждал, что ставшее популярным в Афинах и разработанное не-афинянами учение, отрицавшее все привычные устои греческой жизни, произошло далеко не вследствие пресыщенности эллинов культу-

¹ Сочинение Бартеlemi, близкое к жанру травелога, знакомило читателя с достижениями культуры и политической мысли Эллады классического периода, а главным героем повествования выступал потомок мудреца Анахарсиса. Из русских читателей высоко оценили «Путешествие Анахарсиса...» Н. М. Карамзин, М. Н. Муравьев, А. С. Грибоедов. Ф. Н. Глинка считал необходимым создание отечественного аналога сочинения Бартеlemi, «хождения славяно-русского Анахарсиса» [47, с. 413–415; 57, с. 109; 78; 55, с. 171, 175, 182, 187, 188, 192].

рой и гражданскими институтами, как многие полагают. Напротив, кинический негативизм происходил от противоречия между эллинской культурой и полуварварским окружением, – словом, той средой, в которой воспитывались будущие философы (например, об Антисфене Т. Гомперц писал так: «что он был только наполовину греком, есть очень важный факт для истории кинизма. Во всяком случае, это облегчало ему разрыв с существующими религиозными и социальными нормами» [26, с. 129]). Ученый даже нашел возможным сравнить кинический дух с чувствами русского литературного героя Пьера Безухова, ведь, как и греческие окраины, Россия, по мнению Т. Гомперца, не могла испытывать чувства пресыщенности развитой культурой: «Чтобы проникнуть в самое ядро кинизма, недостаточно, однако, познакомиться со взглядами его основателя. По тому же пути катятся и другие повозки, движимые иными силами. Нам нужно подсмотреть эти силы и ознакомиться с ними. Чтобы открыть это основное настроение киников и тот ряд мыслей, из которого выросло все это направление, нам нет нужды покидать ни Европу, ни современность. Герой романа «Война и мир» в известный момент своей жизни испытывает «невыразимое, исключительно русское (!) чувство», «чувство презрения ко всему условному, искусственному, ко всему, что большинство людей считает высшим благом»... Если подобное настроение возникает в современной России и получает здесь широкое распространение, то это не есть только результат пресыщенности культурой. Иначе такое движение имело бы место скорее на Западе, чем на Востоке, более бедном в культурном отношении. Можно, правда, предположить, что и менее развитая культура ощущается как пресыщенность, если она внешним образом привита к не вполне однородному с ней стволу или если элементы культуры и элементы, противоречащие ей, – будет ли то первоначальная природная склонность или общественное положение – соединены в индивидуальной душе или душе народа скорее внешне, чем внутренне» [26, с. 133].

Спустя почти полвека подобный тезис, только относительно стоицизма, повторил Б. Рассел: «стоицизм наименее греческая идея», поскольку его основатели – едва окультуренные варвары, столкновение с высокой афинской культурой породило в них внутренний конфликт и отрицание общественного порядка. Что до киников, Б. Рассел вспомнил уже не героев Л. Н. Толстого, а самого писателя в связи с характерным для кинизма духом отрицания собственности и прочих общепринятых благ: «Антисфен был замечательной фигурой и в некотором отношении напоминал Толстого... Диоген ... напоминает последователей даосизма, Руссо и Толстого, но более устойчив во взглядах, чем они» [68, с. 169–170].

О «выраженном семитском типе» Зенона и, возможно, Хрисиппа в связи с характером стоической философии, подробно писал также М. Поленц (его книга «Стоя: история духовного движения» написана в 1942 г., издана в 1947 г.). Автор добросовестно сообщал читателю, что о культурной и уж тем более философской жизни финикийско-греческого Кития времени Зенона известно крайне мало, но тут же приводил аналогии стоического учения с «наследственными чертами его (Хрисиппа) расы», «семитским образом мысли», «ярчайшими формами фатализма у семитских арабов», и даже с «изошренной казуистикой, приводящей на память дух Талмуда»

[67, с. 104, 136, 231, 349]. В итоге М. Поленц выявил ряд особенностей стоической философии, по его мнению, имевших причиной «национальное чувство Зенона». Это зеноново учение о наследственности; смешение логики и грамматики («грамматика Зенона определена строем семитского языка»); восприятие стоиками «глубоких душевных процессов как чувственно воспринимаемых и телесных»; особый интерес стоиков к мантике; антропоцентризм стоической физики и теологии («чужд греческому духу был и антропоцентризм стоической веры в Провидение, создавшее все ради человека. И, напротив, этот же антропоцентризм мы можем найти в Ветхом Завете»). В конце концов, даже учение о логосе понималось М. Поленцем как вызванное представлениями о «семитском трансцендентном Боге» [67, с. 42–45, 60, 90, 135–136, 140, 183, 232]. Практически всю раннюю Стою (III — II вв. до н. э.) исследователь считал не совсем «греческой по духу», поэтому для описания эпохи Панэция и Посидония (II—I вв. до н. э.) ввел понятие «эллинизация Стои» [67, с. 403]. Кроме того, М. Поленц специально подчеркнул, что в «эллинизаторе»-Панэции текла «кровь дорийских поселенцев» и продолжатель традиции Посидоний также никак не семит [67, с. 438]. На проблеме стоиков предположительно варварского, но не семитского происхождения исследователь не останавливался, ограничившись только напоминанием, что большинство представителей ранней Стои «пришли с периферии греческого мира, из областей с весьма смешанным населением» [67, с. 59]. Потому и Сфер Боспорянин, прибывший из «южной России», сравнению состава крови и состава философии не был подвергнут.

Такие широкие обобщения, приводящие к выводу о «варварском» происхождении кинической и стоической философии, безусловно, нельзя признать удовлетворительными.

Лев Шестов так оспаривал Т. Гомперца: «объяснять направления философии Антисфена тем, что он не был чистым афинянином по крови и затем принадлежал по своему общественному положению к обиженным и обездоленным. Я не думаю, чтобы это было правильно. Среди циников и даже среди выдающихся циников впоследствии были и чистые афиняне, и богатые люди, которые раздавали свои богатства, чтобы “освободиться” от материальных уз...как в наши дни сделал Лев Толстой»; «из наших современников очень близко подошли к Антисфену Толстой, Достоевский и Нитше. Достоевский восхвалял страдание; Толстой с отвращением относился к удобной, устроенной жизни, а что до Нитше, то тот больше всего, почти на каждой странице своих сочинений, говорил чуть ли не словами Антисфена, что он готов на какие угодно муки, но не примет блаженства среднего человека» [83, с. 198–199, 206].

Важное замечание о характере кинического отрицания сделал П. Видаль-Наке. Он показал, что ряд текстов, в том числе принадлежащих киническим авторам, показывает, что отрицание киниками (и ранними стоиками) благ цивилизованной жизни и даже оправдание ими каннибализма и инцеста — это далеко не только эпатаж и выражение недовольства существующим устройством. Киники проповедовали возврат человека к своему естественному, дикому состоянию, мыслящемуся как золо-

той век. А в век Кроноса не существовало классических общественных институтов, и человеческие жертвоприношения, и людоедство были, по мнению греков, распространены (Diog. Laert. VI. 34. 72–73; Dion Chrys. X. 29–30; Julian. Or. VI. 191–193) [19, с. 49].

Периферийным или варварским происхождением пытались объяснить роль Биона и Сфера в истории эллинистической школы. Так, к примеру, выглядят объяснения Т. Гомперца и А. В. Верлинского. Авторы даже указывали на некоторую «философскую несостоятельность» Биона и Сфера. Д. С. Спиридонов и В. П. Яйленко, по сути, всего лишь развили эту мысль: успехи и неудачи философской проповеди уроженцев северного берега Понта они объяснили, кроме прочего, полуварварским их происхождением; и вот уже Бцион приобретает предков из негреческого населения лесостепной Скифии и варварский выговор, а Сфер становится «*hominis novi* ... едва ли чистой крови».

Но можно ли и впрямь говорить о неудачах Биона или Сфера?

И кинический (точнее, кинизирующий) софист Бцион, и стоический философ Сфер много писали; судя по всему, они имели достаточное количество учеников и приверженцев. Спустя столетия их сочинения или фрагменты этих сочинений остались востребованными. Плутарх, например, не только цитировал Биона, но и хвалил его остроумие. Полезными находили сентенции Биона и христианские авторы Климент Александрийский и Евсевий Кесарийский (Clem. Alex. Protr. 4.56.1, Strom. 7, 4; Euseb. Praep. Evang. 14, 6). Биона принято считать автором жанра диатрибы – своеобразной кинической проповеди, переданной как диалог, зачастую вымышленный, в котором автор опровергает ложные мнения своего собеседника и утверждает мнения правильные. Эта литературная форма оказалась востребованной и античными авторами (так, диатриба прослеживается в «Сатирах Горация», «Письмах» Сенеки, «Беседах» Эпиктета, речах Диона Хризостома), и авторами новозаветных текстов (например, черты диатрибы видим в Первом послании к Коринфянам, Послании к Галатам), и деятелями гуманизма (одно из сочинений Эразма Роттердамского – «Диатриба, или рассуждение о свободе воли») [12 с. 160; 13, с. 197]. Несмотря на споры о первой диатрибе еще в античности (изобретателем диатрибы называли также Антисфена. Начало жанру было положено еще в диалогах Платона и Ксенофонта. Бцион же, скорее всего, первым занялся литературной обработкой диатрибы), авторство Биона остается общепринятым, и без рассмотрения философского метода выходца из Ольвии не обходятся и новейшие исследования по истории диатрибы [5, р. 9–15, 106].

Сфер также неоднократно упоминался античными авторами как признанный знаток спартанских обычаев. Он участвовал в реформах спартанского царя, жил при дворе Птолемея. В конце концов, письменная традиция сохранила разнообразные сведения из биографии Биона и Сфера. Эти неполные и отрывочные сообщения, конечно, несопоставимы с литературными биографиями Пифагора, Сократа, Платона, но не следует забывать, что жизнеописания многих философов – в том числе, ранних киников и стоиков – среди известных нам текстов практически отсутствуют. Например, что нам известно Дионисии Перебегичке, кроме того, что он не смог вынести

стоического учения о физической боли как об адифорном (безразличном) и ушел к киренаикам, объявившим высшей целью наслаждение? Что можно сказать о биографии перипатетика Аристона Кеосского, которого уже античные авторы не всегда различали с Аристоном Хиосским (возможно, приверженцем нашего Биона) (Plut. Fem. 3.; Arist. 2.; Diog. Laert., VII. 2; VII. 4, 167; Strab. X. V, 6) [77, с. 23]? Все-таки сведения о жизни Биона и Сфера куда как более пространны, и нет никакой необходимости пояснять их «неудачи» на философском поприще, тем более, пояснять якобы негреческим происхождением. Можно с уверенностью сказать, что Бion и Сфер в своей философской проповеди были намного успешнее целого ряда современников. Интересно, что Б. В. Варнеке связывал отъезд Биона и Сфера в Афины с тем, что полуварварская среда им была чужда, ведь для «ученой и литературной деятельности тогда еще вовсе не было надлежащей почвы в таких местах вывозной торговли» [16, с. 24].

С другой стороны, именно переданная Диогеном Лаэртским и другими авторами биография Биона стала поводом к реконструкции социальной (у В. Д. Блаватского) или этносоциальной (у В. П. Яйленко) ситуации в Ольвии и Северном Причерноморье в эллинистическую эпоху. В. Д. Блаватский, исходя из сообщений Диогена и Афиней, воссоздавал картину рабовладения и его основных источников в эллинистическом Северном Причерноморье, несмотря на то, что биография Борисфенита является в значительной степени литературной мистификацией¹. Но как уже было указано, оба исследователя полностью доверяли и Афиней, и Лаэртию.

Мы все же можем говорить о некоторых выходах из варварской среды, участвовавших в культурной и интеллектуальной жизни северопричерноморских полисов. Известен по строительной надписи архитектор из Танаиса Навак, сын Мевака. В 220 г., при царе Рескупориде, как говорится в ней, на средства эллинарха Басилида, сына Форгабака была восстановлена рыночная площадь «для города и для купцов» архитекторами Диофантом, сыном Неопола, Аврелием Антонином, Наваком, сыном Мевака (КБН, 1245). Аврелий Антонин известен и по другим надписям Танаиса: на протяжении почти двух десятилетий ему поручалось строительство и восстановление важных объектов. Он восстановил ворота на средства Хофрасма, сына Форгабака, пресбевта царя Ининфимея; а в 236 г. выполнил три проекта – восстановил заброшенную башню, отстроил источник и построил башню (КБН, 1259, 1250, 1252). Сотрудничество Навака с таким специалистом показывает, что выходец из негреческого населения мог быть инкорпорирован в образовательную и профессиональную

¹ Рассказ Биона Антигону (когда царь потребовал дать отчет о происхождении философа) по-разному передан у различных авторов; в самом рассказе просматривается характерная для Биона сатирическая манера, игра со смыслами, специфическое использование цитат в речи. Те образы из бионовых диатриб, которые передает Плутарх, совпадают с рассказом о самом Бионе у Диогена Лаэртского: у Плутарха Бion высмеивает суеверного человека, у Диогена же – сам становится таким суеверным в конце жизни. Кроме позднейшей литературной традиции, приписывавшей киникам яркие черты биографии, можем предположить здесь и автобиографический миф самого Биона, желавшего всеобщего внимания. Скандальная история, которую он рассказывал о своих молодых годах на родине, как нельзя лучше подходила для такой цели.

среду. В таких условиях Навак мог получить достаточное образование, чтобы стать архитектором-профессионалом, ведь он представлен в надписи не в качестве «подмастерья» архитекторов-эллинов, а как их коллега, ведь архитектор должен был быть по-настоящему образованным человеком, ему требовались обширные познания в разных областях. Так, Витрувий называл необходимыми для специалиста арифметику, геометрию, оптику, астрономию, музыку, знания по юриспруденции, медицине, даже истории и философии, опыт рисовальщика (Vitruv., I, I, 3). Примечательно все же, что Навак, сын Мевака, – это единственный пока известный архитектор Северного Понта с негреческим именем (остальные имена из эпиграфических памятников: упоминавшиеся Диофант, сын Неопола, Аврелий Антонин, а также Евтих – КБН 1112).

В римское время на Боспоре известны по двум надписям выходцы из варварской среды, работавшие переводчиками (КБН 698, 1053). Первая надпись относится к надгробной стеле из Пантикапея. В ней упомянуты Перисал, сын Саврофа, переводчик, и его сын Ревсинал. В этой надписи видят переводчика на боспорской государственной службе, происходящего из племени ревксиналов и, по-видимому, вполне эллинизированного (КБН, с. 404). В другой надписи, происходящей из Фанагории, идет речь о главном переводчике алан – Гераке, сыне Понтика. В. В. Шкорпил считал его начальником переводчиков, служивших в царской администрации на восточном берегу Меотиды (КБН 1053, с. 614). С Боспора происходит значительное количество посвященных надписей культовых союзов – фиасов или синодов. Кроме отца синода, филагата, парафилагата, секретаря упоминаются должности гимнасиарха и неанискарха. Характерно, что в надписях возрастных союзов из греческих городов Малой Азии также почти во всех случаях упоминаются эти должности. Это дает возможность заключить, что кроме культовых функций боспорские фиасы выполняли гражданские функции воспитания молодежи. Нельзя ставить знак равенства между известной нам должностью гимнасиарха, так сказать, светского (такие гимнасиархи в античном Северном Причерноморье известны: Агасикл и Демотел, сын Феофила, из Херсонеса, Деметрий Юлий из Пантикапея – IOSPE. I2, 418; 436; КБН 706) и гимнасиархом фиаса, но вряд ли будет опрометчивым предположение о том, что и гимнасиархи культовых боспорских союзов должны были обладать авторитетом среди сограждан и быть высокообразованными. Среди гимнасиархов и неанискархов Танаиса встречаются и негреческие и смешанные имена: неанискарх Саванон, сын Хофрасма; неанискарх Фанн, сын Фанна; гимнасиарх Фазином, сын Фазинома, неанискарх Афенотор, сын Фадинома; гимнасиарх Фадином, сын Каллистиона. Упоминаются варвары и среди секретарей танаидских фиасов: сын Дада, сын Зотома (КБН 1263, 1264, 1268). Значит, некоторая часть ираноязычного населения Танаиса получала эллинское образование и могла не только принимать участие в воспитании юношества и ведении важных документов, но и руководить этой работой. Но на этом заканчиваются известные нам негреческие имена представителей интеллигентных профессий в Северном Причерноморье. Можно предположить, что еще какая-то часть выходцев из варварской среды была задействована в сфере искусства (τέχνη), работников которого античные авторы ставили далеко не так высоко, как философов,

«подобных богам», причисляя даже выдающихся художников к ремесленникам (32, с. 142–156). Исследователь искусства Северного Причерноморья А. С. Иванова в работах «Искусство античных городов Северного Причерноморья» (1953) и «Скульптура и живопись Боспора» (1961) допускала, что определенная «сарматизация» в искусстве рельефа, которую можно наблюдать в первые века новой эры, происходила не только от того, что аттические образцы упрощались непрофессионалами, но и потому, что в мастерских Боспора работали выходцы из варварской среды, учившиеся у греческих мастеров. Памятники живописи также создавались «как греками, так и местными мастерами, которые часто работали по греческим образцам, иногда воспроизводившим оригиналы знаменитых греческих художников», при этом «греческие и местные мастера зачастую работали в одной и той же мастерской».

Безусловно, все эти факты сами по себе не дают оснований считать Биона Борисфенита и Сфера Боспорянина варварами по рождению. Очень заманчивым было бы объяснять их происхождением целый ряд вопросов: этносоциальную ситуацию в Ольвии и на Боспоре, успехи или неудачи Биона и Сфера на философском поприще, в конце концов, феномен ранних кинической и стоической школы. Но такое объяснение неизбежно будет вольной интерпретацией источников, ничего не сообщающих о варварском происхождении этих эллинских философов с эллинскими именами и судьбами, вполне характерными для мудрецов, вовлеченных в бурные события эллинистической эпохи.

Список использованных источников и литературы

1. A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology / Ed. by W. Smith. – Boston: Little, Brown and co., 1867. – Vol.1. – 1093 p.
2. A new dictionary of Greek and Roman biography and mythology: partly based upon the Dictionary of Greek and Roman biography and mythology / Ed. by W. Smith. – New York: Harper & Brothers. 1884. – 1039 p.
3. Baldwin Ch. N. A universal biographical dictionary containing the lives of the most celebrated characters of every age and nation. – Hartford: S. Andrus and Son, 1828. – 444 p.
4. Brockhaus' Conversations-Lexikon. – Leipzig: F. A. Brockhaus 1882, – Bd. 3. – 954 s.
5. Burns A. Diatribe and Plutarch's practical ethics: a thesis...for the PhD. – Iowa: The University of Iowa, 2015. – 119 p.
6. Denina C. Della Russiade canti dieci tradotti dall'originale Greco. – Pavia, 1799. – 314 p.
7. Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Societatis Archaeologicae Imperii Russici. – Vol. 1. – Petropoli, 1885. – 598 p.
8. Meyers Großes Konversations-Lexikon. – Leipzig und Wien: Bibliographisches Institut, 1905. – Bd. 2. – 913 s.
9. Olliers F. Le philosophe stoïcien Sphaïros et l'œuvre réformatrice des rois de Sparte Agis IV et Cleomène III // Revue des Études Grecques Année. – 1936. – Vol. 49. – Num. 233. – P. 536–570.
10. Pierer's Universal-Lexikon der Vergangenheit und Gegenwart oder Neuestes encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe. – Bodmer, Altenburg: Verlagsbuchhandlung von H.A. Pierer, 1857. – Bd. 2. – 951 s.
11. Scriptores Rerum Hungaric. Veteres Ac Genuini / Cur. J. G. Schwandtneri. – Vindobona: Typ. J. T. Nob. De Trattner, 1768. – P. III. – 419 p.
12. Аверинцев С. С. София-Логос. – Киев: Дух и Литера, 2000. – 912 с.
Averintsev S. S. Sofiya-Logos. – Kiev: Duh i Litera, 2000. – 912 s.

13. Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение. – СПб.: Российское Библийское общество, 2000. – 271 с.
Auni D. Novyj Zavet i ego literaturnoe okruzhenie. – SPb.: Rossijskoe Biblejskoe obshchestvo, 2000. – 271 s.
14. Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – № XX. – С. 31–56.
Blavatskij V. D. Rabstvo i ego istochniki v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya // SA. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – № XX. – S. 31–56.
15. Блаватский В. Д. Ученые, поэты, архитекторы, скульпторы и другие мастера, работавшие в Северном Причерноморье // Античные государства Северного Причерноморья / Серия: Археология СССР. – М.: Наука, 1984. – Т. 9. – 392 с.
Blavatskij V. D. Uchenye, poety, arhitektory, skulptory i drugie mastera, rabotavshie v Severnom Prichernomor'e // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya / Seriya: Arheologiya SSSR. – M.: Nauka, 1984. – T. 9. – 392 s.
16. Варнеке Б. В. Из культурной жизни греческих колоний на юге России // ЗООИД. – Одесса, 1916. – Т. 33. – С. 21–24. Varneke B.V. Iz kul'turnoj zhizni grecheskih kolonij na yuge Rossii // ZOOID. – Odessa, 1916. – T. 33. – S. 21–24.
17. Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. – СПб.: Печ. В. Головина, 1869. – 329 с.
Vasil'evskij V. G. Politicheskaya reforma i social'noe dvizhenie v drevnej Grecii v period ee upadka. – SPb.: Pech. V. Golovina, 1869. – 329 s.
18. Верлинский А. Л. К Боспорской просопографии: стоик Сфер // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А. К. Гаврилов. – СПб.: Глагол, 1992. – С. 146–177.
Verlinskij A. L. K Bosporskoj prosopografii: stoik Sfer // Ehtyudy po antichnoj istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya / Otв. red. A. K. Gavrilov. – SPb.: Glagol, 1992. – S. 146–177.
19. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с фр.; под ред. С. Карпука. – М.: Ладомир, 2001. – 419 с.
Vidal'-Nake P. Chernyj ohotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire / Per. s fr.; pod red. S. Karpyuka. – M.: Ladomir, 2001. – 419 s.
20. Виноградов Ю. А. О курганах варварской знати V–III вв. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // Скифия и Боспор: Тез. докл. конф. памяти М. И. Ростовцева. – Новочеркасск, 1989. – С. 37–39.
Vinogradov Yu. A. O kurganah varvarskoj znati V–III vv. do n. eh. v rajone Bospora Kimmerijskogo // Skifiya i Bospor: Tez. dokl. konf. pamyati M.I. Rostovceva. – Novocherkassk, 1989. – S.37–39.
21. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. – М.: Наука, 1989. – 285 с.
Vinogradov Yu.G. Politicheskaya istoriya Ol'vijskogo polisa VII-I vv. do n. eh.: Istoriko-ehpigraficheskoe issledovanie. – M.: Nauka, 1989. – 285 s.
22. Володин Д. М. Феномен фольк-хистори // Отечественная история. – М.: РАН, 2000. – № 4. – С. 16–24.
Volodihin D. M. Fenomen fol'k-histori // Otechestvennaya istoriya. – M.: RAN, 2000. – №4. – S. 16–24.
23. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 624 с.
Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – 624 s.
24. Герцман Е. В. Тайны истории древней музыки. – СПб.: Нота; Азбука-классика, 2004. – 576 с.
Gercman E.V. Tajny istorii drevnej muzyki. – SPb.: Nota; Azbuka-klassika, 2004. – 576. s.
25. Гомперц Т. Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы / Пер. И. Давыдова и С. Салитан. – СПб.: Изд-е Тов. «Общественная польза», 1912. – 309 с.
Gomperc T. Zhizneponimanie grecheskih filosofov i ideal vnutrennej svobody / Per. I. Davydova i S. Salitan. – SPb.: Izd-e Tov. «Obshchestvennaya pol'za», 1912. – 309 s.
26. Гомперц Т. Греческие мыслители / Пер. Д. Жуковского и Е. Герцык. – СПб.: Алетея, 1999. – Т. 2. – 272 с.
Gomperc T. Grecheskie mysliteli / Per. D. Zhukovskogo i E.Gercyk. – SPb.: Aletejya, 1999. – T. 2. – 272 s.

27. Гошкевич В. И. Древние городища по берегам низового Днепра // ИИАК. – СПб., 1913. – Вып. 47. – С. 117–145.
Goshkevich V. I. Drevnie gorodishcha po beregam nizovogo Dnepra // ИИАК. – СПб., 1913. – Вып. 47. – С. 117–145.
28. Грабарь-Пассек М. Е. Апулей // Апология: Метаморфозы: Флориды. – М.: АН СССР, 1960. – С. 357–365.
Grabar'-Passek M. E. Apulej // Apologiya: Metamorfozy: Floridy. – М.: АН СССР, 1960. – С. 357–365.
29. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме / Введ. и комм. М. Штерна. Русск. изд. под ред. Н. В. Брагинской. – М. – Иерусалим: Гешарим, 1997. – 632 с.
Grecheskie i rimskie avtory o evreyah i iudaizme / Vved. i komm. M. Shterna. Russk. izd. pod red. N. V. Braginskoj. – М.-Ierusalim: Gescharim, 1997. – 632 s.
30. Дарвин А. Л. Сфер Борисфенит и реформаторское движение в Спарте (историография вопроса) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Ред. Э. Д. Фролов. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 171–190.
Darvin A. L. Sfer Borisfenit i reformatorskoe dvizhenie v Sparte (istoriografiya voprosa) // Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Red. E.H.D. Frolov. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 171–190.
31. Доддс Э. Греки и иррациональное / Пер. С. В. Пахомова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
Dodds E.H. Greki i irracional'noe / Per. S. V. Pahomova. – СПб.: Aletejya, 2000. – 507 s.
32. Дорофеев Д. Ю. Эстетика человеческого образа в жизни и иконография античных философов в искусстве // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ, 2015. – Вып. 9.1. – С. 142–156.
Dorofeev D. YU. Estetika chelovecheskogo obraza v zhizni i ikonografiya antichnyh filosofov v iskusstve // СХОЛН. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. – Centr izucheniya drevnej filosofii i klassicheskoy tradicii NGU, 2015. – Вып. 9.1. – С. 142–156.
33. Жебелев С. А. Что понимать под «Борисфеном» в IosPE. 12, 24 // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 388 с.
Zhebelev S. A. Chto ponimat' pod «Borisfenom» v IosPE. 12, 24 // Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoj ehpoi. – М.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1953. – 388 s.
34. Жмудь Л. Я. Новые музыкальные мистерии // Критическая масса. – № 2. – Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. – С. 130–135.
Zh mud' L. YA. Novye muzykal'nye misterii // Kriticheskaya massa. – № 2. – Moskva: Fond nauchnyh issledovanij «Pragmatika kul'tury», 2006. – С. 130–135.
35. Завойкина Н. В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I – первой половине III вв. н. э. / Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – 285 с.
Zavojkina N. V. CHastnye soobshchestva gorodov Bosporskogo carstva v I – pervoj polovine III vv. n. eh. / Dis. ... kand. ist. nauk. – М. 2006. – 285 s.
36. Зайцев А. И. Лукиан из Самосаты – древнегреческий интеллигент эпохи упадка // Лукиан: Сочинения. – СПб., 2001. – Т. 1. – С. 2–15.
Zajcev A. I. Lukian iz Samosaty – drevnegrecheskij intelligent ehpoi upadka // Lukian: Sochineniya. – СПб., 2001. – Т.1. – С.2–15.
37. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. – М.: Русский Мир, 2009. – 240 с.
Zaliznyak A. A. Iz zametok o lyubitel'skoj lingvistike. – М.: Russkij Mir, 2009. – 240 s.
38. Зализняк А. А. Лингвистика по А. Т. Фоменко // УМН. – М.: Математический институт им. В. А. Стеклова РАН, 2000. – Т. 55. – Вып. 2 (332). – С. 162–188.
Zaliznyak A. A. Lingvistika po A. T. Fomenko // UMN. – М.: Matematicheskij institut im. V. A. Steklova RAN, 2000. – Т.55. – Вып. 2(332). – С. 162–188.
39. Золин П. М. Античные истоки отечественной философии как стержня культуры и этики. – В. Новгород: НовГУ, 2003. – 120 с.
Zolin P. M. Antichnye istoki otechestvennoj filosofii kak sterzhnya kul'tury i etiki. – V. Novgorod: NovGU, 2003. – 120 s.

41. Золин П. М. Бийон // Энциклопедический Фонд. – Режим доступа: <http://www.russika.ru/ef.php?s=2361>.
- Zolin P. M. Bion // Enciklopedicheskiy Fond. – Rezhim dostupa: <http://www.russika.ru/ef.php?s=2361>
42. Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху: Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Supplementum. – Симферополь, 2007. – Вып. 3. – 240 с.
- Zubar' V. M., Son N. A. Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu: Osnovnye tendencii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya // МАИЭТ. Supplementum. – Simferopol', 2007. – Vyp. 3. – 240 s.
43. Иваницкий В. Ф. Филон Александрийский. Жизнь и обзор литературной деятельности. – Киев: Тип. акц. общ. «Петр Барский в Киеве», 1911. – 606 с.
- Ivanickij V.F. Filon Aleksandrijskij. Zizn' i obzor literaturnoj deyatel'nosti. – Kiev: Tip. Akc. Obshch. «Petr Barskij v Kieve», 1911. – 606 s.
44. Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. – Л.: ЛГУ, 1953. – 192 с.
- Ivanova A.P. Iskusstvo antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. – L.: LGU, 1953. – 192 s.
45. Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. – 150 с.
- Ivanova A. P. Skul'ptura i zhivopis' Bospora. – Kiev: Izd-vo AN USSR, 1961. – 150 s.
46. Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. – М.: Наука, 1973. – № 4. – С. 108–116.
- Kadeev V. I. Ob ehtnicheskoj prinadlezhnosti skorchennyh pogrebenij hersonesskogo nekropolja // VDI. – M.: Nauka, 1973. – № 4. – S. 108-116.
47. Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – № 7. – 1941. – С. 161–174.
- Kaposhina S. I. Skorchennyye pogrebeniya Ol'vii i Hersonesa // SA. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR. – № 7. – 1941. – S. 161-174.
48. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – Т. 1. – С. 77–600.
- Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika // Karamzin N. M. Izbrannyye sochineniya: V 2 t. – M.; L.: Hudozhestvennaya literatura, 1964. – T. 1. – S. 77-600.
49. Коробков Н. М. Скиф: Первоистория земли Российской. – М.: Патриот, 1992. – 320 с.
- Korobkov N. M. Skif: Pervoistoriya zemli Rossijskoj. – M.: Patriot, 1992. – 320 s.
50. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 950 с.
- Korpus bosporskih nadpisej / Red. V. V. Struve. – M.; L.: Nauka, 1965. – 950 p.
51. Кузьмина Т. А. Негреческие женские имена античного Боспора // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2010. – № 1. – С. 226–233.
- Kuz'mina T. A. Negrechskie zhenskije imena antichnogo Bospora // Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2010. – № 1. – S. 226-233.
52. Ласи Р. М. Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. – М.: Наука, 2000. – № 3. – С. 79–85.
- Lasi R. M. Primenimost' ponyatiya revolyucii k reformam Agida, Kleomena i Nabida v Sparte // VDI. – M.: Nauka, 2000. – № 3. – S. 79-85.
53. Левинская О. Л. Афиней и его книга // Афиней. Пир мудрецов / Пер. Н. Т. Голинкевич. – М.: Наука, 2003. – Кн. I–VIII. – 655 с.
- Levinskaya O. L. Afinej i ego kniga // Afinej. Pir mudrecov / Per. N. T. Golinkevich. – M.: Nauka, 2003. – Kn. I-VIII. – 655 s.
54. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Т. 3. – 576 с.
- Lyubker F. Real'nyj slovar' klassicheskikh drevnostej. – M.: OLMA-PRESS, 2001. – T.3. – 576 s.
55. Масленников А. А. Скорченные погребения в грунтовых некрополях некоторых боспорских городов // СА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1976. – № 3. – С. 110–129.

- Maslennikov A. A. Skorchennye pogrebeniya v gruntovyh nekropolyah nekotoryh bosporskih gorodov // SA. – М.;Л.: Izd-vo AN SSSR, 1976. – №3. – S. 110–129.
56. Минчик С. С. Грибоедов и Крым. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 276 с.
Minchik S. S. Griboedov i Krym. – Simferopol': Biznes-Inform, 2011. – 276 s.
57. Молев Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. – М.: Центрполиграф, 2003. – 399 с.
Molev E.A. Elliny i varvary. Na severnoj okraine antichnogo mira. – М.: Centrpoligraf, 2003. – 399 s.
58. Муравьев М. Н. Тетрадь для сочинений // Сочинения Муравьева / Изд. А. Смирдина. В 2 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. – Т. 1. – 446 с.
Murav'ev M. N. Tetrad' dlya sochinenij // Sochineniya Murav'eva / Izd. A. Smirdina. V 2 t. – SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1847. – Т. 1. – 446 s.
59. Нахов И. М. Философия киников. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
Nahov I. M. Filosofiya kinikov. – М.: Nauka, 1982. – 222 s.
60. Нахов И. М. Антология кинизма: Философия неприятия и протеста. – М.: ТЕППА, 1996. – 432 с.
Nahov I. M. Antologiya kinizma: Filosofiya nepriyatiya i protesta. – М.: TEPPA, 1996. – 432 s.
61. Пападимитриу С. Д. Древние сведения об острове Березани // ЗООИД. – Одесса, 1910. – Т. 28. – С. 97–112.
Papadimitriu S.D. Drevnie svedeniya ob ostrove Berezani // ZOOID. – Odessa, 1910. – Т. 28. – S. 97–112.
62. Папанова В. А. Урочище Сто могил: Некрополь Ольвии Понтийской. – Киев: Знання України, 2006. – 278 с.
Papanova V. A. Urochishche Sto mogil: Nekropol' Ol'vii Pontijskoj. – Kiev: Znannya Ukraïni, 2006. – 278 s.
63. Петрова Э. Б. Дифил // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 320 с.
Petrova E. B. Difil // Greki v istorii Kryma: Kratkij biograficheskij spravochnik. – Simferopol': Tavriya-Plyus, 2000. – 320 s.
64. Петрова Э. Б. Античная Феодосия: История и культура. – Симферополь: СОНАТ, 2000. – 264 с.
Petrova E. B. Antichnaya Feodosiya: Istoriya i kul'tura. – Simferopol': SONAT, 2000. – 264 s.
65. Петрова Э. Б. Мыслители античных городов Северного Причерноморья // УЗ ТНУ. – Симферополь, 2000. – № 13 (52). – С. 62–80.
Petrova E. B. Mysliteli antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // UZ TNU. – Simferopol', 2000. – №13 (52). – S. 62–80.
66. Печатнова Л. Г. Первый этап реформ в эллинистической Спарте // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Ред. Э. Д. Фролов. – СПб., 2011. – Вып. 10. – С. 174–200.
Pechatnova L. G. Pervyj etap reform v ehllinisticheskoy Sparte // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Red. EH.D. Frolov. – SPb., 2011. – Vyp. 10. – S. 174–200.
67. Печатнова Л. Г. Реформы спартанского царя Клеомена III // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Ред. Э. Д. Фролов. – СПб., 2012. – Вып. 11. – С. 65–100.
Pechatnova L. G. Reformy spartanskogo carya Kleomena III // Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Red. EH.D. Frolov. – SPb, 2012. – Vyp. 11. – S. 65–100.
68. Поленц М. Стоя. История духовного движения. – СПб.: Квадриум, 2015. – 1040 с.
Polenc M. Stoya. Istoriya duhovnogo dvizheniya. – SPb.: Kvadrium, 2015. – 1040 s.
69. Рассел Б. История западной философии / Ред. В. В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. – 815 с.
Rassel B. Istoriya zapadnoj filosofii / Red. V. V. Celishcheva. – Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1997. – 815 s.
70. Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
Skrzhinskaya M. V. Skifiya glazami ehllinov. – SPb.: Aletejya, 2001. – 304 s.
71. Скржинская М. В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. – М.: Наука, 2002. – № 2. – С. 133–143.
Skrzhinskaya M. V. Ol'viopolity i bosporyane v Afinah // VDI. – М.: Nauka, 2002. – № 2. – S. 133–143.

72. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. – К.: Ин-т истории Украины НАНУ, 2014. – 250 с.
Skrzhinskaya M. V. Obrazovanie i dosug v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya. – K.: In-t istorii Ukrainy NANU, 2014. – 250 s.
73. Спиридонов Д. С. Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. – Симферополь: Типография Тавр. губ. земства, 1918. – № 54. – С. 187–233.
Spiridonov D. S. Urozhency severnogo berega Chernogo morya v istorii drevnegrecheskoj mysli // ITUAK. – Simferopol': Tipografiya Tavr. Gub. Zemstva, 1918. – №54. – S.187–233.
74. Стемпковский И. А. Исторические изыскания о жизни и писаниях боспорянина Сфера, философа стоической секты // Московский вестник. – М., 1828. – № 10. – С. 203–220.
Stempkovskij I. A. Istoricheskie izyskaniya o zhizni i pisanayah bosporyanina Sfera, filosofa stoicheskoy sekty // Moskovskij vestnik. – M., 1828. – №10. – S.203–220.
75. Толстиков В. П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. – М.: Наука, 1987. – № 1. – С. 88–112.
Tolstikov V. P. Svyatilishche na akropole Pantikapeya // VDI. – M.: Nauka, 1987. – № 1. – S. 88–112.
76. Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А. К. Гаврилов. – СПб.: Глагол, 1992. – С. 178–199.
Tohtasev S. R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya. II. Frakijskie imena na Bospore // Etyudy po antichnoj istorii i kulture Severnogo Prichernomor'ya / Otv. red. A. K. Gavrilo. – SPb.: «Glagol», 1992. – S. 178–199.
77. Тункина И. В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) // Проблемы античной истории / Ред. Ю. Дворниченко. – СПб., 2003. – С. 359–375.
Tunkina I. V. Pervye issledovatel'skie programmy v klassicheskoy arheologii Severnogo Prichernomor'ya (XVIII – seredina XIX v.) // Problemy antichnoj istorii / Red. YU. Dvornichenko. – SPb., 2003. – S. 359–375.
78. Филатов К. Словарь античных историков. – Барнаул: Самиздат, 2007. – 137 с.
Filatov K. Slovar' antichnyh istorikov. – Barnaul: Samizdat, 2007. – 137 s.
79. Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век: Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII – начало XIX в. – Л.: Наука, 1981. – С. 167–184.
Fomenko I. YU. Istoricheskie vzglyady M.N. Murav'eva // XVIII vek: Sb.13: Problemy istorizma v russkoj literature: Konec XVIII – nachalo XIX v. – L., Nauka, 1981. – S. 167–184.
80. Фрагменты ранних стоиков / сост. А. Столяров. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002. – Т. 1. – 252 с.
Fragmenty rannih stoikov / sost. A. Stolyarov. – M.: Greko-latinskij kabinet YU. A. Shichalina, 2002. – T.1. – 252 s.
81. Целлер Э. Очерк греческой философии / Пер. С. Л. Франк. – СПб.: Алетея, 1996. – 296 с.
Celler E.H. Oчерk grecheskoj filosofii / Per. S. L. Frank. – SPb.: Aleteja, 1996. – 296 s.
82. Шаблага И. Ю. Славься, император: Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 144 с.
Shabaga I.YU. Slav'sya, imperator: Latinskie panegiriki ot Diokletiana do Feodosiya. – M.: Izd-vo MGU, 1997. – 144 s.
83. Шамбаров В. Е. Русь: Дорога из глубин тысячелетий: Когда оживают легенды. – М.: Алетея, 1999. – Режим доступа: <http://xwap.me/books/8830/Rus-Doroga-iz-glubin-tysyacheletiy-Kogda-ozhivayut-legendy.html?p=60>
Shambarov V. E. Rus': Doroga iz glubin tysyacheletij: Kogda ozhivayut legendy. – M.: Aleteja, 1999. – Rezhim dostupa: <http://xwap.me/books/8830/Rus-Doroga-iz-glubin-tysyacheletiy-Kogda-ozhivayut-legendy.html?p=60>
84. Шестов Л. И. Лекции по истории греческой философии. – М.; Париж: Русский путь, YMCA-Press, 2001. – 304 с.
Shestov L.I. Lekcii po istorii grecheskoj filosofii. – Moskva; Parizh: Russkij Put', YMCA-Press, 2001. – 304 s.

85. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1891. –Т. IV. – 472 с.

Enciklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I. A. Efrona. – SPb.: Tipo-Litografiya I. A. Efrona, 1891. –Т. IV. – 472 s.

86. Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 1990. – С. 249–309.

Yajlenko V. P. Ol'viya i Bospor v ehlinisticheskuyu epohu // Ellinizm: ehkonomika, politika, kul'tura. – М.: Nauka, 1990. – S. 249–309.

87. Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии: Очерки социальной истории Ольвии // Человек и общество в античном мире. – М.: Наука, 1998. – С. 90–129.

Yajlenko V.P. Chelovek v antichnoj Ol'vii: Ocherki social'noj istorii Ol'vii // Chelovek i obshchestvo v antichnom mire. – М.: Nauka, 1998. – S. 90–129.

Leybenson J. T. About an ethnic origin of philosophers-natives from the Northern Black Sea Coast. / J. T. Leybenson // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 3–26.

This thesis studies an issue on the reflection of the biographies of two famous people from the ancient Northern Black Sea Coast, Bion Borysthenes and Spheres Bosporan, in the historiography of the 19-20th centuries, in particular, assumptions about the barbarous origin of these philosophers of Hellenistic period. Despite the fact that none of antique biographers mentions non-Greek or mixed ethnicity of Spheres and Bion, the neighborhood of their home countries with the Scythians and “mirage of Anacharsis” gave rise to version about non-Greek origin of the stoic and Cynic, who arrived in Athens from the coast of Pontus, which were little backed up by sources, but sufficiently anchored in the literature. Especially persistent was this version with respect to Bion: Bion the Scythian appears not only in special research and encyclopedias, but also in literature, as well as in the works of the genre called «folk-history».

Keywords: Ancient literature, historiography, history of the North Pontic Region in antiquity.

УДК 001: 930 (477.75)–057.4

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКОГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III:
КРЫМОВЕДЕНИЕ**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе документов из Научного архива Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) восстановлена история экспедиционной деятельности научных сотрудников Русского музея императора Александра III, направленной на изучение этнографии народов Крыма. Раскрыты неизвестные страницы крымоведческих штудий видных и малоизвестных российских ученых: П. Н. Бекетова, К. А. Иностранцева, А. А. Миллера, С. С. Некрасова, А. Н. Самойловича. Показана история создания первой в России экспозиции по этнографии крымских татар и ход накопления материалов по иным крымским народам.

Ключевые слова: Русский музей императора Александра III, Крым, крымоведение, этнография.

Выход в свет в 2016 году подготовленной коллективом специалистов Крымского федерального университета «Энциклопедии народов Крыма» остро поставил вопрос о необходимости восстановления истории изучения крымских этносов в контексте создания общего очерка исторического крымоведения [1]. В этой связи интересен опыт становлении крымской научной этнографии, где ведущую роль в конце XIX – начале XX века сыграл Русский музей императора Александра III. Он был учрежден в Санкт-Петербурге указом Николая II 13 апреля 1895 года. Музеем был предоставлен Михайловский дворец «со всеми прилегающими флигелями, службами и садом». Дворец был построен в 1819–1825 годах архитектором К. И. Росси в стиле классицизм для великого князя Михаила Павловича. Сразу же оформилось три отдела: памяти Александра III (рисунки, фотографии, печатные, рукописные и художественные материалы о жизни монарха), художественный и этнографический. С 1897 года появился четвертый – художественно-промышленный отдел. До 1917 года музей находился в ведении Министерства императорского двора. Руководящая роль этого министерства не распространялась далее финансирования. В административных и прочих вопросах руководство музея подчинялось Академии художеств. Музеем руководил управляющий (с 1897 по 1917 г. это был великий князь Георгий Михайлович). Кроме того, существовала должность директора [2].

Достаточно полное представление о задачах этнографического отдела музея дает составленная филологом-славистом, историком, профессором Санкт-Петербургского университета Владимиром Ивановичем Ламанским (1835–1914) «Записка с про-

ектом организации и устройства Этнографического отдела Русского музея» (1898 г.) [3]. Главную свою цель организаторы видели в том, чтобы «возможно полнее и вернее представить Россию в ее этнографическом разнообразии», «не только показать Россию в ее племенном многообразии, но и в историческом единстве» [4] ее народов. Крыму планировалось посвятить отдельную экспозицию в шестом разделе «Юг и Юго-Восток страны». Как свидетельствуют учредительные документы, для устроителей музея представляли интерес практически все стороны этнографии: карты, коллекции типических черепов доисторического населения края, коллекции орудий труда, манекены и фотографии представителей различных народов, проживавших здесь, старинные костюмы, макеты жилищ и хозяйственных построек, обычное народное питание, домашняя птица, виды упряжи, закладки коней, мужской и женский труд, таблицы по статистике края [5].

Очерчивая грандиозную программу этнографического изучения бескрайних просторов империи, используя различные способы сбора обширных материалов, В. И. Ламанский понимал, что «не в один и не в два года может быть создан такой музей» [6]. Для эффективности работы он настаивал на активном сотрудничестве музея с местными статистическими комитетами, гимназиями (прежде всего с отдельными преподавателями – подвижниками краеведения, которые занимались этнографией края), членами губернских ученых архивных комиссий, старожилами – знатоками своего края [7].

Объявив научной общественности о начале организации Этнографического отдела, сотрудники справедливо считали, что «это предприятие может составить эпоху в истории русской этнографии» [8]. Первоначально в составе отдела предполагались два отделения: описательной этнографии и общего народоведения. Дискутируя о формах сбора материала, этнографы пришли к выводу, что «лучшим, можно сказать, единственным рациональным способом является способ экспедиционный. Посредством экспедиций материал будет собран быстрее и полнее будет соответствовать задачам музея» [9].

Сохранившиеся в фондах Научного архива Российского этнографического музея «Журналы заседаний Этнографического совета Русского музея императора Александра III» свидетельствуют о постоянном интересе музея к этнографии Крыма. При распределении районов страны между сотрудниками общая организация сбора материалов о Крыме и их систематизация были поручены одному из авторитетнейших сотрудников музея историку Востока Константину Александровичу Иностранцеву (1876–1941) [10]. В отделе сотрудничали, в том числе помогали обрабатывать этнографические материалы из Крыма, директор этого же музея Василий Васильевич Радлов (1837–1918), академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), председатель этнографического отделения Русского географического общества академик Владимир Иванович Ламанский (1835–1914), председатель этого общества Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920), этнограф Алексей Николаевич Харузин (1864–1932) и другие

[11]. Особенно продуктивный вклад в обработку крымских материалов внес старший этнограф Музея этнографии и антропологии Академии наук Дмитрий Александрович Клеменц (Clementz) (1848–1914). С 1902 до 1910 года он выполнял обязанности заведующего Этнографическим отделом Музея императора Александра III. Известный в науке как археолог и этнограф, Д. А. Клеменц родился в Самарской губернии, в семье мелкопоместного дворянина. В 1867–1871 годах – студент математического факультета Казанского, затем – Санкт-Петербургского университетов. Участие в движении народников – кружке «чайковцев», позже – организации «Земля и воля» – и хождении в народ привело к аресту в 1879 году и высылке в Сибирь. В ссылке он начал заниматься археологией и этнографией. В 1883–1889 годах – сотрудник Минусинского музея, в 1890–1894 Клеменц управляющий делами Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в Иркутске. С 90-х годов XIX века Д. А. Клеменц был связан научными интересами с Академией наук. В 1891–1892 годах по приглашению директора Кунсткамеры В. В. Радлова он участвовал в археологической экспедиции в Монголию. Вернувшись в середине 90-х годов в столицу, ученый должность хранителя коллекции (затем – старший этнограф) Музея антропологии и этнографии [12–14].

При рассмотрении кандидатуры на должность заведующего этнографическим отделом известный тюрколог В. В. Радлов предложил Д. А. Клеменца. Дмитрий Александрович долго сомневался. Его окончательно переубедил академик Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), которого Д. А. Клеменц очень уважал и безоговорочно прислушивался к его мнению. С. Ф. Ольденбург обращался к нему: «У Вас громадные преимущества личного опыта, личные знакомства с бытом разных народов, умение наблюдать и учиться на деле, терпимость к помощникам» [15]. Такая позиция С. Ф. Ольденбурга побудила Д. А. Клеменца принять принципиальное для него решение. Он стал создателем уникального музейного собрания. В письме к товарищу управляющего Русским музеем Д. И. Толстому Д. А. Клеменц констатировал: «Музей – это моя последняя работа в жизни, другой я уже не успею сделать» [16]. Д. А. Клеменц стоял у истоков создания масштабной программы сбора полевого материала для будущей экспозиции музея. При нем руководстве Музей приобрел более 70 тысяч предметов, была разработана система регистрации, научного описания экспонатов и их публикации.

Для создания экспозиций Этнографическим отделом Русского музея имени Александра III был предпринят ряд крупномасштабных экспедиций в различные области империи, в том числе и в Крым. Одна из первых этнографических поездок на полуостров состоялась весной 1905 года. Руководил ею Константин Александрович Иностранцев.

Будущий востоковед родился в Санкт-Петербурге в семье профессора столичного университета, видного ученого-геолога Александра Александровича Иностранцева (1843–1919). После окончания классической Лазаревской гимназии (1896 г.), Факультета восточных языков университета по арабско-персидско-турецко-татарскому

разряду (1899 г.) [17] он был оставлен для подготовки к профессорскому званию. С 1902 года К. А. Иностранцев – главный хранитель Этнографического отдела Русского музея. С этого же года он – член-сотрудник Восточного отделения Русского археологического общества [18; 19]. Он стал доктором истории Востока, защитив 7 февраля 1910 года диссертацию «Сасанидские этюды» – о влиянии древнеиранской культуры на развитие культуры мусульман. В научных кругах К. А. Иностранцев приобрел авторитет историка культуры древнего и мусульманского Востока. Знание источников на арабском и персидском языках позволило ему не только продолжить систематизацию востоковедческой библиографии, начатой Владимиром Густавовичем Тизенгаузеном (1825–1902) [20], но и находить разнообразные сведения историко-культурного характера там, где это не удавалось другим [21].

В Крыму К. А. Иностранцев развернул обширные полевые исследования. Он проводил сбор этнографического материала в Евпаторийском, Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском уездах. В ходе данной экспедиции для музея было приобретено 392 предмета быта на сумму 1.235 рубля 34 копейки. Это вещи болгар, караимов, крымских греков, крымских татар, в том числе образцы вышивок и узорного тканья крымских татар, предметы повседневного быта, полотенца, платки разного назначения, женские нагрудники, покрывала, пояса для вздержки, утварь, музыкальные инструменты, одежда – комплексы и отдельные предметы (среди них костюмы караимского хаззама (газана), полный костюм болгарки-невесты, старинный женский греческий костюм из Старого Крыма, головные покрывала, утварь глиняная, деревянная, металлическая; сельскохозяйственные орудия), а также 51 фотография с бытовыми сценами и видами, сделанная по маршруту поездки: Перекоп (деревни Мулла-Лар, Тюп-Кенегенез, Тереклы-Абаш) – Симферополь – Евпатория – Бахчисарай – Бахчисарайская волость Ялтинского уезда (деревни: Куру-Узень, Улу-Узень, Туак, Ускут, Лаки, Керменчик, Тавры, Богатыр, Узеньбаш, Фот-Сала, Коккоз) – Алушта – Судак (дер. Куру-Узень, Улу-Узень, Туак, Ускют, Кансехде, Кутлак) – Феодосия и уезд (деревни: Сарай-Мин, Коп-Кочеген, Кыз-Аул, Коп-Тахыл, Таракташ, Токлук, Коз, Капсыхор, Кутлак, Отузы, Коктебель) – Старый Крым – Карасубазар – Симферополь [22; 23].

В 1906 году экспедицию музея в Крым возглавил Петр Николаевич Бекетов (1881–1907) – морской офицер, брат известного академика архитектуры Алексея Николаевича Бекетова (1862–1941). П. Н. Бекетов сотрудничал в Русском географическом обществе. Биографические данные о нем весьма отрывисты. Установлено, что он умер в Санкт-Петербурге от гнойного аппендицита. Имел собственную дачу в Профессорском уголке в районе Алушты, рядом с сохранившейся до настоящего времени дачей его брата. Исследователь собирал этнографические предметы у степных татар (керченских и перекопских). Маршрут для него разработали губернский энтомолог, заведующий Симферопольским естественно-историческим музеем Сигизмунд Александрович Мокржецкий и общественный деятель, знаток крымского краеведения Соломон Самойлович Крым. П. Н. Бекетов посетил в Феодосийском уезде де-

ревни Сарай-Мин, Коп-Кочеген, Кыз-Аул, Коп-Тахыл; в Перекопском – Мулла-Лар, Тюп-Кенегез, Тереклы-Абаш. Петр Николаевич доставил в музей 94 предмета, истратив на их приобретение 200 рублей [24]. В письме, адресованном К. А. Иностранцеву 8 апреля 1906 года, П. Н. Бекетов отмечал, что «подозрительность, замкнутость крымских татар не знает предела» [25], а это, по его справедливому замечанию, существенно мешало работе: «<...> нет возможности присматриваться и выбирать». Петр Николаевич привез в Санкт-Петербург комплексы и отдельные предметы женской, мужской и детской одежды крымских татар, головные покрывала, полотенца разного назначения: узорного тканья и с вышивкой; утварь глиняную, деревянную, металлическую, комплект утвари для приема гостей (подставка для подноса, поднос и чашечки) [26]. Петр Николаевич Бекетов стал инициатором подготовки для экспозиции музея макетов жилищ степных и горных татар Крыма. Он же нашел и исполнителя проекта – студента Петербургского горного института, молодого геолога, гидролога Петра Абрамовича Двойченко (1893–1945), который занимался в Крыму исследованием артезианских колодцев [27].

8 апреля 1906 года П. Н. Бекетов писал Константину Александровичу Иностранцеву: «Я нашел в Симферополе суший клад. Это некто Двойченко – молодой геолог и натуралист, он кончает Горный институт и зимой делает модели всевозможных построек в Мраморном дворце (там есть такая мастерская). Летом он разъезжает по крымским степям для исследования артезианских колодцев. За прошлый год объездил 800 деревень (!). Крымские татары ему известны и близки с детства. Скромность и добросовестность этого молодого человека не имеет пределов. <...> Платно Двойченко не работает и сам предложил просто сделать несколько моделей» [28]. П. Н. Бекетов считал, что для экспозиции музея о крымских татарах нужны макеты горной сакли с двором и печкой, степной феодосийской сакли из камня, степной перекопской сакли из камыша, степной арбы и горной кошары [29].

В 1908 и 1909 годах сбором этнографических коллекций в Таврической губернии по заданию Русского музея занимался П. З. Рябков, который доставил в столицу собрания по рыболовству и предметы земледельческого обихода различных народов Крыма [30].

Собранный в течение 1903–1908 годов материал позволил открыть в музее интересную экспозицию, посвященную крымским татарам.

В 1909 году на Этнографической выставке в Музее экспонировались крымскотатарские костюмы, промышленная утварь, предметы домашнего обихода, украшения. Отдельно были представлены коллекция старинных ковров из Крыма, мастерские крымскотатарского оружейника и ювелира [31].

В 1912 году по поручению Музея этнографические исследования в Бахчисарае проводил архитектор Сергей Семенович Некрасов. Интересную информацию о ходе сбора им материалов для музея предоставляют его письма [32] к исполняющему обязанности заведующего Этнографическим отделом Русского музея Александру Александровичу Миллеру (1875–1935). С. С. Некрасов сокрушался, что из-за подозри-

тельности крымских татар «нет никакой возможности попасть в татарские дома, приходится покупать из вторых рук, хотя не могу пожаловаться на высокую цену» [33].

10 июля 1912 года С. С. Некрасов сообщил А. А. Миллеру о сделанных закупках. Наиболее интересным экспонатом оказалось «железное копье-дротик с золотой насечкой» [34]. А. А. Миллер давал архитектору четкие указания: сфотографировать дверь в Мамут-Султане, в имении князя Долгорукова под лестницей парадного входа, провести переговоры о покупке этих дверей [35]. 24 августа С. С. Некрасов сообщал в столицу, что удалось найти «много ценного и интересного, к сожалению, не имел возможности приобретать их на наличные средства» [36].

Сбор коллекции был продолжен Сергеем Семеновичем Некрасовым в 1913 году. 1 июля он писал А. А. Миллеру: «Главным образом меня заинтересовали резные и расписные потолки. Если бы иметь рублей 300, можно было бы купить пару целых потолков, а то и всю отделку комнаты» [37]. К письму прилагались фотографии потолков. Архитектор сетовал: «<...> ни слова по татарски не знаю, хоть бы словарь был» – и просил коллег прислать ему из столицы словарики [38]. 14 августа 1913 года С. С. Некрасов выслал в музей фото сундука и трех ручных зеркал [39]. В течение 1912–1913 годов С. С. Некрасов для музея и сделал зарисовки и фотографии многих уникальных архитектурных крымскотатарских памятников, купил татарские резные и расписные подвесные потолки [40], ручные зеркала в деревянной оправе, женские пояса, отдельные предметы мебели, медную и серебряную утварь [41].

В начале июля 1912 года специальную поездку с целью изучения крымскотатарских жилищ совершил по заданию музея М. Н. Дубровский. Итогом ее стало подробное описание крымскотатарских построек [42], сделанное в сравнении с его предыдущими наблюдениями 1908 года. Этнограф считал, что развитие курортов мешает сохранению этнической самобытности. Представляет бесспорный научный интерес и еще одна статья М. Н. Дубровского, выявленная нами в Научном архиве Российского этнографического музея: «Описание татарского дома в деревне Ай-Серез Феодосийского уезда Таврической губернии» (закончена 13 октября 1912 г.) [43]. Исследования М. Н. Дубровского до сих пор являются наиболее обстоятельными работами по данному вопросу.

В 1913 году по маршруту Симферополь – Евпатория – Бахчисарай – Фот-Сала с целью сбора этнографического материала проехал Александр Александрович Миллер. Для музея им были приобретены многочисленные фрагменты национальных костюмов, сделаны описания жилищ крымских татар. По данным предоставленного им в Музей отчета в израсходовании аванса в 1000 рублей, он собирал вещи караимов, крымских татар, цыган: предметы одежды (женское платье, жилетка мужская), украшения (броши), предметы быта (курильные трубки) [44].

Значимую в научном плане этнографическую экспедицию в Крым летом 1916 года по заданию и на средства Русского музея императора Александра III совершил Александр Николаевич Самойлович (1880–1938). Наиболее полным достоверным источником об этом научном путешествии крымоведа является его отчет о поездке,

представленный для руководства Русского музея императора Александра III. Документ выявлен нами в Научном архиве Российского этнографического музея (фонд Этнографического отдела Русского музея императора Александра III) [45].

Полный маршрут его научного путешествия охватывал также Поволжье и Кавказ: Петроград – Ярославль – Кострома – Казань – Самара – Оренбург – Ташкент – Красноводск – Баку – Тифлис – Владикавказ – Крым. А. Н. Самойлович отмечал: «Мне не пришлось тратить время на то, чтобы сблизиться с населением и снискать его доверие, так как, помимо предуведомления в «Терджимане», я оказался известным населению по своей деятельности на курсах для татарских учителей в 1912 и 1913 года, устроенных земством» [45, л. 17]. А. Н. Самойлович выделил в отчете, что ему «всячески содействовали» в «организации намеченной этнографической поездки А. И. Маркевич, председатель Губернской земской управы Харченко и заведующий отделом народного образования Таврической губернской земской управы Л. С. Вагин».

Свои этнографические экскурсии Александр Николаевич неизменно совершал с Ягьей-эфенди Байбуртлы. До выезда в районы Евпаторийских и Перекопских степей ученый несколько дней провел в Бахчисарае, где общался с крымскотатарским художником-декоратором Усеином Абдурефиевичем Боданинским (1877–1938) и его братом этнографом Али Абдурефиевичем Боданинским (1865–1920), чей сборник пословиц А. Н. Самойлович редактировал ранее. Гость из Петрограда долго изучал собранную братьями Боданинскими коллекцию крымскотатарских рукописей [46].

Во время поездки по степному Крыму А. Н. Самойлович составлял этнографические зарисовки и исторические справки о населявших полуостров народах, уделяя основное внимание особенностям быта и культуры крымских татар. Он сделал подробные описания характерных нюансов поведения, одежды, быта женщин Бахчисарая [45, л. 20–28]. В итоге были собраны материалы об именах крымских татар, их обычаях, нарядах, играх, а также записаны памятники устного народного творчества: пословицы, загадки, скороговорки, легенды и разновидности песен [45, л. 29]. Эти этнографические наблюдения представляют несомненный интерес для истории изучения Крыма.

С итогами своей этнографической экспедиции в Евпаторийский и Перекопский уезды в 1916 году А. Н. Самойлович познакомил членов Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, перед которыми он выступил с докладом «Об этнографическом изучении Крыма» [47]. Столичный ученый призвал активизировать работу по изучению народов Крыма, находившуюся, по его мнению, все еще «в зачаточном состоянии». «Моя кратковременная поездка по крымской степи летом 1916 года, – писал позже А. Н. Самойлович, – убедила меня в том, что пора открытый еще не прошел для этого уголка нашего Отечества» [48].

Музейная коллекция предметов, связанных с культурой и бытом народов Крыма, пополнялась и путем частных пожертвований. Так, 14 мая 1908 года от киевлянки Любови Афанасьевой поступила коллекция одежды: куртка крымского татарина,

детский туркменский костюмчик (халат, шапка, тюбетейка, туфли, сандалии) [49]. Зафиксированы поступления от В. П. Шнейдера (двадцать один предмет вышивки и узорного тканья в 1908-м и серебряная подставка для кофейной чаши в 1909 г., купленные в Бахчисарае и на Южном берегу Крыма), С. М. Коровина (шерстяной шарф, украшенный узорным тканьем, – 1910 г.), Е. К. Ватель (кисеты, платки, полотенца, предметы одежды, молитвенный коврик – 1912 г., собраны в районах Бахчисарая и Карасубазара), Д. С. Демишова (женские деревянные калоши, инкрустированные перламутром и металлом из Бахчисарая, 1914 г.), А. Бакшимова (образцы вышивок и украшения для одежды и на стенку, занавески, столик, сосуды для плова, блюда, приобретенные в Керчи и Бахчисарае с уздами) [50].

Кроме сборов этнографических коллекций важной формой исследований народов Крыма, проводимых Русским музеем имени императора Александра III, являлись анкетные опросы. Так, в 1913 году музей провел анкетирование крымчаков, проживавших в Крыму [51]. Анкета включала более сорока вопросов о социальном происхождении, семейном положении, образовании, семейном бюджете: «нет ли в доме каких-то старых крымчакских вещей, если есть, то что именно; есть ли в доме крымчакские рукописи, какие именно; какие предания в вашей семье известны о происхождении крымчаков» [52]. Изучение данных материалов позволит значительно расширить представление о быте и культуре крымчаков.

Экспедиции Русского музея императора Александра III по изучению этнографии народов Крыма, другие виды этнографических исследований, производимые музеем, сыграли значимую роль в развитии различных направлений крымоведения в начале XX века. Их результаты нашли отражение в научных материалах, издаваемых Русским музеем [53], способствовали сохранению уникальных этнографических памятников и созданию крупнейшей за пределами полуострова экспозиции, посвященной этнографии народов Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Страницы истории Крымской этнографии: исследователи, музеи, экспедиции // Энциклопедия народов Крыма / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь, 2016. – С. 227–250.
Nepomnyashchii A. A. Stranitsy istorii Krymskoi etnografii: issledovateli, muzei, ekspeditsii // Entsiklopediya narodov Kryma / gl. red. O. A. Gabrielyan. – Simferopol', 2016. – S. 227–250.
2. Непомнящий А. А. Русский музей и изучение этнографии народов Крыма в начале XX века // Етнічність в історії та культурі: матер. і досл. / Одеський держ. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса: Гермес, 1998. – С. 43–46.
Nepomnyashchii A. A. Russkii muzei i izuchenie etnografii narodov Kryma v nachale KhKh veka // Etnichnist' v istorii ta kul'turi: mater. i dosl. / Odes'kii derzh. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odesa: Germes, 1998. – S. 43–46.
3. Российский этнографический музей, научный архив (далее –РЭМ), ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 1–8. Rossiiskii etnograficheskii muzei, nauchnyi arkhiv (dalee –REM), f. 1, op. 1, d. 6, l. 1–8.
4. Там же, л. 2 об.
Tam zhe, l. 2 ob.

5. Там же, л. 5 об.–7 об.
Tam zhe, l. 5 ob.–7 ob.
6. Там же, л. 10.
Tam zhe, l. 10.
7. Там же.
Tam zhe.
8. Смирнов И. Несколько слов по вопросу об организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III // Известия имп. Академии наук.– СПб., 1901.– Т. 15, № 2.– С. 225.
Smirnov I. Neskol'ko slov po voprosu ob organizatsii Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III // Izvestiya imp. Akademii nauk.– SPb., 1901.– T. 15, № 2.– S. 225.
9. Там же.– С. 235.
Tam zhe.– S. 235.
10. РЭМ, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 44.
REM, f. 1, op. 1, d. 14, l. 44.
11. РЭМ, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 32–33.
REM, f. 1, op. 1, d. 14, l. 32–33.
12. Клеменц Д. А. Из прошлого: воспоминания / вступ. ст. И. И. Попова.– Л.: Колос, 1925.– 184 с.
Klements D. A. Iz proshlogo: vospominaniya / vstup. st. I. I. Popova.– L.: Kolos, 1925.– 184 s.
13. Конаков А. П. Д. А. Клеменц – основатель Этнографического отдела Русского музея // Труды Института этнографии АН СССР.– М., 1968.– Т. 94.– С. 45–61.
Konakov A. P. D. A. Klements – osnovatel' Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya // Trudy Instituta etnografii AN SSSR.– M., 1968.– T. 94.– S. 45–61.
14. Пигмалион музейного дела в России: к 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца / под ред. И. В. Дубова; Российский этнографич. музей.– СПб., 1998.– 208 с.
Pigmalion muzeinogo dela v Rossii: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Klements / pod red. I. V. Dubova; Rossiiskii etnografich. muzei.– SPb., 1998.– 208 s.
15. Дубов И. В. Российский этнографический музей: Прошлое и настоящее // Пигмалион музейного дела в России: К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца / под ред. И. В. Дубова; РЭМ.– СПб., 1998.– С. 11.
Dubov I. V. Rossiiskii etnograficheskii muzei: Proshloe i nastoyashchee // Pigmalion muzeinogo dela v Rossii: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Klements / pod red. I. V. Dubova; REM.– SPb., 1998.– S. 11.
16. Там же.
Tam zhe.
17. ЦГИА г. СПб., ф. 14, оп. 3, т. 7, д. 314444.
TsGIA g. SPb., f. 14, op. 3, t. 7, d. 314444.
18. Востоковедение в Петрограде, 1918–1922: памятка Коллегии востоковедов при Азиатской музее Российской академии наук / вступ. ст. В. Котович.– Пг., 1923.– С. 78.
Vostokovedenie v Petrograde, 1918–1922: pamyatka Kollegii vostokovedov pri Aziatskoi muzee Rossiiskoi akademii nauk / vstup. st. V. Kotovich.– Pg., 1923.– S. 78.
19. Васильева Н. Е. Константин Александрович Иностранцев (1876–1941) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XX Годи́чная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: доклады и сообщения, 1985: в 2-х ч.– М.: Наука, 1986.– Ч. 1.– С. 10–15.
Vasil'eva N. E. Konstantin Aleksandrovich Inostrantsev (1876–1941) // Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka: KhKh Godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR: doklady i soobshcheniya, 1985: v 2-kh ch.– M.: Nauka, 1986.– Ch. 1.– S. 10–15.

20. Иностранцев К. А., Смирнов Я. И. Предисловие к «Материалам для библиографии мусульманской археологии»: из бумаг В. Г. Тизенгаузена // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. – 1906. – Т. 16, вып. 1. – С. 079–081.
- Inostrantsev K. A., Smirnov Ya. I. Predislovie k «Materialam dlya bibliografii musul'manskoi arkheologii»: iz bumag V. G. Tizengauzena // Zapiski Vostochnogo otdeleniya imp. Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. – 1906. – Т. 16, вып. 1. – С. 079–081.
21. Иностранцев К. А. О месте выдачи ярлыка Тимур-Кутлуга // Известия имп. Академии наук. – 1917. – № 1. – С. 49–50.
- Inostrantsev K. A. O meste vydachi yarlyka Timur-Kutluga // Izvestiya imp. Akademii nauk. – 1917. – № 1. – С. 49–50.
22. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1905 год. – СПб., [Б. г]. – С. 18–19.
- Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III za 1905 god. – SPb., [B. g]. – С. 18–19.
23. Крымские татары: каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР; сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова. – Л., 1989. – С. 5, 8.
- Krymskie tatory: katalog kollektsii / Gos. muzei etnografii narodov SSSR; sost. E. G. Torchinskaya, E. B. Kochetova. – L., 1989. – С. 5, 8.
24. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1906 год. – СПб., [Б. г]. – С. 23.
- Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III za 1906 god. – SPb., [B. g]. – С. 23.
25. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 5.
- REM, f. 1, op. 2, d. 30, l. 5.
26. Крымские татары: каталог коллекций... – С. 8.
- Krymskie tatory: katalog kollektsii... – С. 8.
27. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 3–4.
- REM, f. 1, op. 2, d. 30, l. 3–4.
28. Там же, л. 3.
- Tam zhe, l. 3.
29. Там же, л. 4.
- Tam zhe, l. 4.
30. Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1909 год. – СПб., [Б. г]. – С. 32.
- Otchet o deyatel'nosti Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III za 1909 god. – SPb., [B. g]. – С. 32.
31. Этнографическая выставка музея Александра III // Этнографическое обозрение, 1909. – 1910. – № 4. – С. 157.
- Etnograficheskaya vystavka muzeya Aleksandra III // Etnograficheskoe obozrenie, 1909. – 1910. – № 4. – С. 157.
32. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 430.
- REM, f. 1, op. 2, d. 430.
33. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 430, л. 15.
- REM, f. 1, op. 2, d. 430, l. 15.
34. Там же, л. 3.
- Tam zhe, l. 3.
35. Там же, л. 10–11.
- Tam zhe, l. 10–11.
36. Там же, л. 15.
- Tam zhe, l. 15.
37. Там же, л. 27.

- Tam zhe, l. 27.
38. Там же.
Tam zhe
39. Там же, л. 30.
Tam zhe, l. 30.
40. Там же, л. 27.
Tam zhe, l. 27.
41. Крымские татары: каталог коллекций ... С. 6.
Krymskie tatary: katalog kollektsii ... S. 6.
42. Дубровский М. Жилища крымских татар // По Крыму: сб. 1.– Симферополь, 1914.– С. 1–2.
Dubrovskii M. Zhilishcha krymskikh tatar // Po Krymu: sb. 1.– Simferopol', 1914.– S. 1–2.
43. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 243, л. 1–14.
REM, f. 1, op. 2, d. 243, l. 1–14.
44. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 402, л. 70–75.
REM, f. 1, op. 2, d. 402, l. 70–75.
45. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 513, л. 10–36.
REM, f. 1, op. 2, d. 513, l. 10–36.
46. Непомнящий А. А. Крымоведение и крымоведы в судьбе академика А. Н. Самойловича // Золотоордынская цивилизация=Golden Horde Civilization: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.– Казань, 2016.– № 9.– С. 163–185.
Nepomnyashchii A. A. Krymovedenie i krymovedy v sud'be akademika A. N. Samoilovicha // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization: nauchnyi ezhegodnik / In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan.– Kazan', 2016.– № 9.– S. 163–185.
47. Непомнящий А. А. Кримознавство в орієнталістичній спадщині О. М. Самойловича // Східний світ.– 2006.– № 2.– С. 69–78.
Nepomnyashchii A. A. Krimoznavstvo v orientalistichnii spadshchini O. M. Samoilovicha // Skhidnii svit.– 2006.– № 2.– S. 69–78.
48. Самойлович А. Н. Среди крымских татар летом 1916 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии.– Симферополь, 1918.– № 54.– С. 74–75.
Samoilovich A. N. Sredi krymskikh tatar letom 1916 g. // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.– Simferopol', 1918.– № 54.– S. 74–75.
49. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 22, л. 1.
REM, f. 1, op. 2, d. 22, l. 1.
50. Крымские татары: каталог коллекций...– С. 9.
Krymskie tatary: katalog kollektsii...– S. 9.
51. РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 785–837.
REM, f. 1, op. 2, d. 785–837.
52. Там же, оп. 1, д. 785, л. 5–6.
Tam zhe, op. 1, d. 785, l. 5–6.
53. Материалы по этнографии России: в 2-х т. / Этнографический отдел Русского музея императора Александра III; под ред. Ф. К. Волкова.– СПб., 1910–1914.
Materialy po etnografii Rossii: v 2-kh t. / Etnograficheskii otdel Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III; pod red. F. K. Volkova.– SPb., 1910–1914.

Nepomnyashchy A. A. Little known pages of activity of the Russian museum of Emperor Alexander III: crimean studies A. A. Nepomnyashchy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 27-38.

On the basis of documents from the Scientific archive of the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg), restored the history of expeditionary activities of Russian Museum of Emperor Alexander III researchers, aimed at studying the ethnography of the peoples of the Crimea. Reveals the unknown pages of prominent Crimean studies and little known Russian scientists - P. N. Beketov, K. A. Inostrantsev, A. A. Miller, S. S. Nekrasov, A. N. Samoilovich. It is shown that the history of creation of Russia's first exhibition on the ethnography of the Crimean Tatars and the course of the accumulation of material on other Crimean peoples.

Keywords: Russian Museum of Emperor Alexander III, Crimea, Crimean studies, ethnography.

УДК 908(1-924.71):929Ванцетти(047.2)

**ТИТ ВАНЦЕТТИ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ,
ПРЕДПРИНЯТОЕ ОСЕНЬЮ 1835 года»**

Петрова Э. Б.

**Таврическая академия Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru**

Среди сочинений путешественников по Крыму конца XVIII–XIX в. выделяется по своему содержанию и значимости книга Тита Ванцетти (1809–1888), итальянского врача (хирурга, офтальмолога, с 1837 г. – доктора медицины), выпускника Падуанского университета, посетившего Крым с рабочей поездкой летом-осенью 1835 г. по приглашению графа М. С. Воронцова. На южном берегу (в Алушке), в Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Феодосии и Керчи он бесплатно оперировал больных, произвёл 76 успешных операций. Одновременно в короткие периоды отдыха осматривал достопримечательности Крымского полуострова. Его книга вышла на французском языке в Одессе в 1836 г. Она представляет интерес для специалистов в области истории, этнографии, литературы, медицины и впервые включается в научный оборот. Перевод книги на русский язык осуществлён Г. И. Беднарчиком.

Ключевые слова: путешественники по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в., Тит Ванцетти.

К 180-летию выхода книги в свет

Путешествия по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в. стали главной темой научных исследований Виталия Николаевича Даниленко. Здесь он был одним из первопроходцев. К сожалению, судьба распорядилась так, что Виталий Николаевич успел опубликовать только несколько статей по этой теме, ныне ставшей весьма популярной в научном крымоведении.

Данная статья посвящена «Путешествию...» по Крыму итальянца Тита Ванцетти, до сих пор остававшегося вне поля зрения исследователей.

Тит (Тито) Ванцетти (Ванцети; 29 апреля 1809, Венеция – 6 января 1888, Падуя) – хирург, офтальмолог, член итальянских и международных научных обществ, автор научных книг по медицине [см. о нём: 1, с. 497–498; 2]. В начале 1830-х гг. обучался и имел практику в старейших университетах Европы – Падуанском, Венском. В 1834 г. молодой врач прибыл в Одессу, где продолжил свои медицинские занятия. Летом 1835 г. он отправляется морем из Одессы в Крым. Это была в основном рабочая поездка: Тит Ванцетти занимался оказанием медицинской помощи местным жителям, а заодно путешествовал по полуострову. В конце осени того же года он возвращается из Крыма в Одессу. В 1837 г. в Харьковском университете получает степень доктора медицины и вскоре там же становится профессором клинической хирургии. Делает сложные, порой уникальные операции, пишет научные труды. Посещает известные

хирургические центры в Германии, Франции, Англии. Его имя вошло в историю харьковской офтальмологической школы. По возвращении на родину с 1853 г. и до конца жизни Тит Ванцетти является профессором клинической хирургии в родном ему Падуанском университете.

Поездка в Крым была значимым этапом в жизни молодого врача. Здесь он приобрел профессиональный опыт, общался со многими и очень разными людьми, ознакомился с малоизвестным краем. Во время пребывания на полуострове делал записи, которые легли в основу книги «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года», написанной им по свежим впечатлениям в конце 1835 г. [3]. Из печати она вышла в начале следующего, 1836 г. (разрешение на её публикацию было дано одесским цензором 21 января [по ст. ст.] 1836 г.). Книга Тита Ванцетти никогда ранее не переводилась на русский язык и, насколько мне известно, не вводилась в научный оборот.

Между тем это небольшое по объёму сочинение, несомненно, имеет историческую ценность и, надеюсь, вызовет интерес у специалистов в области истории, этнографии, литературы и медицины. Его привлекательность состоит не только в том, что перед нами ещё одно «путешествие» по Крыму в ряду довольно многих, написанных в конце XVIII – первой половине XIX в., и даже не только в том, что его автор – итальянец, а среди иностранных путешественников, оставивших записки о своих крымских вояжах, уроженцы Италии – большая редкость. Это сочинение в некотором смысле уникально, так как его автор по профессии врач, в Крыму занимался врачебной практикой и эта практика стала главной темой его сочинения. В предисловии Ванцетти заявляет, что его труд «предназначен для широкой публики», между тем в нём преобладают описания, имеющие прямое отношение к медицине, в нём содержится множество терминов, с которыми «широкая публика» вряд ли знакома. Но именно это нам и интересно. Интересно, потому что книга Ванцетти – своего рода эпизод из будней Крыма почти двухсотлетней давности, в ней рассказывается о простых людях разных национальностей и занятий, их быте, горестях, она наполнена глубокими чувствами по отношению к тем, кто остро нуждался в медицинской помощи и получил её от молодого врача, специально прибывшего для этого в Крым.

Всё это так необычно для сочинений вояжёров, больше внимания уделявших описанию богатых имений и характеристике их благополучных хозяев. В книге Ванцетти перед нами предстаёт другой Крым – малоизвестный, простонародный. А ещё повествование Ванцетти можно рассматривать как эпизод из истории медицины в Крыму (смею надеяться, что оно заинтересует специалистов в области истории медицины).

Хочется также отметить хороший слог автора, его умение соединять суховатые медицинские описания с красочными повествованиями о роскоши природы и о людях.

Своё сочинение Тит Ванцетти посвятил графу Михаилу Семёновичу Воронцову (1782–1856), генерал-губернатору Новороссийского края и полномочному наместнику Бессарабии (1823–1844 гг.). Основной текст предваряет обращение к графу, из которого следует, что эта книга является отчётом о проделанной молодым врачом «с исключительно благотворительной целью» работе – «медицинской помощи населению Крыма». Здесь же говорится, что правительство Тавриды направило М. С. Воронцову

отношение по поводу врачебной практики Ванцетти на полуострове (наверняка положительно оценённой), а в газетах появились лестные отзывы о ней. Но автор не удовлетворился составлением сухого отчёта и превратил его в увлекательный рассказ, который он писал «в редкие моменты отдыха, вспоминая о трогательных и приятных моментах» своей поездки на полуостров [3, р. 8].

Обращение к графу было неслучайным. Поездка в Крым молодого практикующего врача была инициирована Воронцовым как генерал-губернатором Новороссии, имевшим свою резиденцию в Одессе. Не исключено, что и в самой Одессе Ванцетти оказался по приглашению графа, благодаря которому, как известно, немало иностранцев приезжало на работу в Россию, в том числе в Крым.

В июле 1835 г. М. С. Воронцов осуществил плавание из Одессы в Крым и на Кавказ на пароходе «Пётр Великий» (судно было изготовлено в Англии по заказу Воронцова специально для осуществления рейсов из Одессы в Крым и на Кавказ [см., например: 4, с. 217, 220–222]). Надо полагать, этим рейсом Ванцетти и прибыл на полуостров. Он пишет: «Очарованный крымским пейзажем, воспетым знаменитым путешественником Палласом, я поспешил воспользоваться приглашением господина графа Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, принять участие в его посещении большей части территории полуострова от Чёрного моря до Киммерийского Боспора (Керченского пролива. – Э. П.), от южной оконечности Крыма до Азовского моря» [3, р. 10].

Пароход заходил в порты Ялты, Феодосии и Керчи. 13 июля он отправился из Керчи на Кавказ [4, с. 217, 220]. Ванцетти ограничился поездкой в Крым, и трудно сказать, дошёл ли он по морю до Керчи или, быть может, покинул борт корабля раньше, например, в Феодосии. Очевидно то, что он спешил на Южный берег Крыма: «Именно тогда, пересекая верхом на лошади крымские горы, оканчивающиеся в окрестностях Феодосии, рядом с деревней Оттузы, я вместе с Палласом (с сочинением П. С. Палласа. – Э. П. [5; 6]) посетил “эти долины с анатолийским климатом Малой Азии, где зима почти совсем не ощущается”» [3, р. 10] (в цитате из Палласа, приведённой Ванцетти, речь идёт о климате именно крымского Южного бережья).

Путешествие с генерал-губернатором было для Тита Ванцетти познавательным. Молодого человека интересовали природа полуострова, его население, история. Заодно он вспоминал, что ранее читал о Крыме. Из античных писателей выделял Страбона, автора «Географии в 17 книгах» (I в. до н. э.). Из произведений нового времени – «Краткое физическое и топографическое описание Тавриды» Петра Симона Палласа, немецкого и российского учёного-натуралиста, с 1785 по 1810 г. жившего и работавшего в Крыму [5; 6. Русский перевод: 7]. Упомянул также «Илиаду» легендарного Гомера (впрочем, не к месту, явно ошибочно) и «Путеводитель путешественника по Крыму...» француза швейцарского происхождения Шарля Монтандона, опубликованный в Одессе в 1834 г., незадолго до поездки в Крым Ванцетти [8. Русский перевод: 9].

Нужно сказать, что другие авторы «путешествий» обычно обращались к более обширной литературе, посвящённой Крыму. Но мы должны учитывать, что поездка Тита Ванцетти носила рабочий характер и не была заранее запланированной (ведь он

«поспешил принять приглашение господина графа Воронцова»). Между тем Страбона и Палласа молодой врач не просто пролистал, а проштудировал. Книгу Палласа взял с собой в поездку и с ней не расставался, когда посещал крымские «долины с анатолийским климатом Малой Азии», а потом в своём сочинении приводил из неё цитаты [3, р. 10]. К Страбону обращался, когда писал своё «Путешествие в Крым...», но мог читать его «Географию» и раньше – в Одессе или даже ещё на родине [3, р. 14].

В сочинении Ванцетти, как и в путевых записках других путешественников, встречаются ошибки; связаны они со слабой научной изученностью географии и в особенности истории Крыма в те времена (об этих ошибках будет сказано в примечаниях к тексту книги Т. Ванцетти).

Поездка Тита Ванцетти по югу и востоку Крыма, последовавшая за его ознакомительно-познавательным вояжем на пароходе, была рабочей. Она длилась четыре месяца и пришлась на вторую половину лета и осень 1835 г. Два месяца (примерно с середины июля) он провёл в Мисхоре – «в качестве врача Его Превосходительства генерала Льва Нарышкина и его семейства» (возможно, по рекомендации М. С. Воронцова), а с 26 сентября до середины ноября ездил по городам Крыма, занимаясь большой и сложной профессиональной работой [3, р. 9, 20].

Пребывание в имении Нарышкиных оставило у нашего автора самые благоприятные впечатления: «Воспоминания о Мисхоре и Алушке, о встречах с элитным аристократическим обществом, графом Воронцовым, генералом Нарышкиным и знаменитыми путешественниками на фоне прекрасной природы в волшебных покоях двух резиденций надолго останутся в моём сердце» [3, р. 20]. Две резиденции – это южно-бережные имения Л. А. Нарышкина и М. С. Воронцова.

Лев Александрович Нарышкин (1785–1846) – генерал-лейтенант, участник наполеоновских войн; двоюродный брат графа М. С. Воронцова. Его супруга – Ольга Станиславовна Нарышкина (урожд. Потоцкая; 1802–1861). Чета Нарышкиных владела прекрасным поместьем в Мисхоре. Лев Александрович получил здесь земли от своей тётки – Марии Антоновны Нарышкиной. А Ольга Станиславовна стала наследницей мисхорского имения своей матери – Софии Константиновны Глявоне-Витт-Потоцкой. Природные красоты местности дополнились обширными садом, парком, виноградниками. Мисхорское имение Нарышкиных соседствовало с Алушкой Воронцова; два поместья обустраивались в одно и то же время, в них трудились одни и те же архитекторы, садовники. [См., например : 10, с. 165 слл.; 11; 12, с. 175 слл.]

У Нарышкиных был также роскошный дом в Одессе (он был построен в 1828 г. по проекту одесского архитектора итальянца Франческо Боффо – как, кстати, и одесский дом-дворец графа М. С. Воронцова). Скорее всего, Ванцетти познакомился с Нарышкиными ещё в Одессе, и там был решён вопрос о его работе в качестве врача в их мисхорском имении.

Обосновавшись в Мисхоре, Ванцетти посещал и другие места южного берега, в первую очередь Алушку, имение М. С. Воронцова. Там «строится великолепный дворец из гранита с богатой коллекцией древнеримских произведений искусства», – пишет он [3, р. 13]. С 1824 по 1848 г. в этой летней резиденции графа возводились

дворцовые постройки (правда, не из гранита, а из твёрдого местного камня диабаз) и создавался роскошный многоплановый парк в 40 га, в нём произрастали растения из разных стран мира и, конечно, крымские [см., например : 10, с. 35–88; 13]. В 1835 г. наш путешественник мог видеть некоторые уже построенные здания, другие – в процессе возведения (Главный корпус дворца был завершён в 1837 г., Зимний сад – в 1838-м). Примечательно, что при определении места дворца Ванцетти упомянул известный из сочинений античных писателей мыс Криуметопон (Криу Метопон; *греч.* «бараний лоб»), считавшийся крайней южной точкой Крымского полуострова [3, р. 13]. В науке Криуметопон отождествляют с разными мысами : с мысом Сарыч, с мысом Ай-Тодор, иногда – с горой Аю-Даг (Страбон, чьё произведение хорошо знал Ванцетти, под Криуметопоном мог подразумевать мыс Сарыч, что недалеко от посёлка Форос). [См. подробнее : 14, с. 39–42; 15, с. 113–114; 16, с. 213.]

Что касается именитых вояжёров, то Ванцетти мог встречаться с ними и в Мисхоре, и в Алушке, и в иных местах Южнобережья. Хозяева крымских имений, как правило, были гостеприимны и предоставляли свои апартаменты «знаменитым путешественникам».

Вслед за этим около двух месяцев длилась рабочая поездка Тита Ванцетти по городам полуострова. Трудно сказать, была ли она запланирована заранее, ещё в Одессе, или решение о ней было принято уже в Крыму. Скорее всё же второе, во всяком случае, наш автор говорит, что, узнав о широком распространении среди местного населения разного рода глазных болезней, он «счёл необходимым для себя, как глазного хирурга, обязательно вернуться сюда и помочь страдающим больным воспользоваться всеми достижениями глазной хирургии. Имея богатый опыт в этой области, воодушевлённый мыслью о том, что огромное количество потерявших зрение людей благодаря моим операциям сможет вновь увидеть свет, на что они уже и перестали надеяться, я задумал совершить врачебную поездку в самые густонаселённые районы полуострова» [3, р. 19]. В другом месте он прямо говорит о своём «первом посещении Крыма» [3, р. 18], значит, было и второе. Не исключено даже, что после работы у Нарышкиных он на очень короткое время вернулся в Одессу (скажем, для того, чтобы взять с собой необходимые инструменты), а затем по собственной инициативе «26 сентября отправился в рабочую поездку по полуострову» [3, р. 20]. (В навигацию 1835 г. пароходы, в том числе «Пётр Великий», совершили из Одессы в Крым немало рейсов [4, с. 221–222].)

И в течение двух месяцев Тит Ванцетти ведёт приём пациентов в шести городах Крыма (к пяти городам, в которых он предполагал работать, присоединился шестой – Керчь), осуществляет 76 операций, не считая мелких. «Исключая одну ампутацию, два камнесечения, литотрипсию мочевыводящих путей и несколько удалений опухолей, все остальные операции были проведены в области глазной хирургии. Главным образом речь шла об удалении катаракты и различных инородных предметов, трихиазах, а также об искусственном зрачке» [3, р. 20]. Книга Ванцетти, посвящённая его пребыванию на полуострове, демонстрирует хорошую профессиональную подготовку молодого врача, знание специальной научной литературы по медицине, вла-

дение новейшими методами лечения и оперирования. Примечательно, что некоторые операции, проведённые в Крыму, ему довелось делать впервые, и он с этой работой успешно справился.

Стремясь сделать как можно больше операций, Ванцетти переезжает из города в город по ночам, а представителей местных властей просит заранее оповещать больных, включая тех, кто жил в отдалённых местах, о времени его приезда и месте, где он будет вести приём. Он даже пообещал денежное вознаграждение тем, кто приведёт к нему самое большое количество незрячих. А оперировал всех, нуждавшихся в помощи, бесплатно; делал, по его словам, «сложнейшие операции среди татар, греков, армян и других народностей Крыма», язык и нравы коих не знал, в связи с чем вынужден был пользоваться услугами переводчиков. Он заботился о том, чтобы после его отъезда больным был обеспечен послеоперационный уход, а если его пациенты не имели на это средств, то помогал им материально. Нередко бывало, что Ванцетти задерживался в том или ином месте дольше, чем предполагал, или возвращался в покинутый город, волнуясь за состояние тех, кого прооперировал там. Дольше всего он задержался в Феодосии, так как больные шли нескончаемым потоком с утра до вечера.

И всё это ему было нужно отнюдь не только ради получения практического опыта и материала для научных исследований. Тит Ванцетти был врачом от Бога, что немислимо без особых душевных качеств, без доброты, чувства сострадания и безмерного желания обратить все свои знания и навыки на помощь страждущим.

Всё повествование нашего путешественника проникнуто любовью к людям и своей профессии. Но нужно сказать, что ко всем, с кем ему довелось общаться, а не только к пациентам, его отношение было самым доброжелательным. Ванцетти не забыл в своём сочинении выразить благодарность тем, кто помогал ему в его благородном деле: «Никогда не забуду, как я, иностранец, был удостоен их дружбы и как они всеми силами поддерживали меня. Именно благодаря этой помощи, надеюсь, мне удалось предоставить возможность населению Крыма воспользоваться достижениями глазной хирургии» [3, р. 21–22].

Ни словом не обмолвился Ванцетти по поводу того, что ему не понравилось в Крыму (и в целом в России). Напротив, он восторгался всем, что увидел : природой этого края (в том числе климатом, благоприятным для здоровья людей : «Это место посещают больные из самых удалённых уголков России, особенно после того, как они уже отчаялись получить действенную помощь от лечащих их докторов» [3, р. 17]); трудолюбием его жителей, их заботой о развитии сельского хозяйства, строительстве, о дорогах, портах («Каждый клочок земли и даже холмы превращены здесь в ухоженные виноградники, оливковые рощи и фруктовые сады. В горах и среди скал проведены надёжные и удобные дороги. Всё побережье усеяно симпатичными строениями, дачами и сельскими домиками» [3, р. 13]). С радостью отмечает он, что на полуострове создаются карантинные посты, строятся больницы, уделяется внимание полезным для лечения ряда заболеваний грязевым источникам в Саках, близ Перекопа и Арабатской стрелки [3, р. 16]. И это, нужно сказать, контрастирует с нега-

тивными и далеко не всегда справедливыми высказываниями о России и её жителях довольно многих европейских путешественников по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в.

В Крыму Тит Ванцетти приобрёл немало новых знакомых и друзей. Его книга пестрит именами разных людей : и известных нам из сочинений других вояжёров и иных источников, и совсем нам незнакомых; людей разного социального статуса и материального положения, разных национальностей и профессий, всех возрастов; тех, кто жил в Крыму постоянно или временно находился на полуострове.

Много раз в сочинении Ванцетти говорится о Михаиле Семёновиче Воронцове и явно в преувеличенном тоне – о его деятельности в Крыму : «... ещё всего несколько лет назад, во времена путешествия академика Палласа, всё здесь было заброшено, и только гений нынешнего руководителя этой территории по-настоящему раскрыл все богатства данного края: он насадил здесь культуру ведения сельского хозяйства, построил дороги, а также устранил все препятствия на пути промышленного развития Крыма и создания ещё одного бесценного источника обогащения империи и её населения. Именно этот человек стоит у истоков рождения новой эры в истории полуострова» [3, р. 12]. И это не лесть, большинство вояжёров связывали едва ли не все лучшие начинания в Крыму того времени с деятельностью Воронцова.

С самыми лучшими характеристиками упоминаются Александр Иванович Казначеев (1788–1880), таврический гражданский губернатор в 1829–1837 гг., и князь Захар (Захарий) Семёнович Херхеулидзе (Херхеулидзе; 1797(8)–1856), керчь-еникальский градоначальник в 1833–1850 гг. Оба – выдвиженцы М. С. Воронцова, чиновники «Воронцовской школы».

Ванцетти счёл нужным упомянуть в своей книге имена многих людей, с которыми ему довелось общаться и которым он был благодарен за гостеприимный приём и оказанную ему помощь; здесь и представители городских властей, и практиковавшие в Крыму врачи. Не забыт никто из его пациентов, среди коих большинство – простые люди, бедняки и даже нищие.

В конце книги Ванцетти помещает список пациентов и операций, произведённых им в Крыму и в Одессе [3, р. 57–62]. В Крыму, как уже говорилось, – 76 операций, в Одессе – 15. Некоторым пациентам пришлось делать по две операции на разных органах. Ванцетти специализировался по офтальмологии, но был хирургом широкого профиля.

Увлечённый своей профессией, он осматривал больницы в Алушке, Ай-Даниле, организованные М. С. Воронцовым, посетил гарнизонный госпиталь в крепости Ени-Кале, карантинный пост в Керчи, обязательно беседовал с местными врачами. Всё виденное произвело на него хорошее впечатление.

Ванцетти был не только оперирующим и лечащим врачом, он – исследователь. Для него было важно выяснить причины распространения того или иного заболевания в определённом месте. В Крыму его «поразило огромное количество глазных болезней и случаев полной потери зрения... в основном, в сельской местности». «Размышляя о причинах этих заболеваний, я пришёл к выводу, что они не являются какой-либо

местной, специфической офтальмией, а в большей степени связаны с оспенным глазным воспалением. Чаще всего эти случаи встречаются у местного населения, отвергающего вакцинацию и безразлично относящегося к своему здоровью. Определённую роль в этом также играют фатализм, вытекающий из религиозных догм, и слепая вера в исцеляющее могущество различного рода старух, как бы единственно посвящённых в таинства природы» [3, р. 18–19]. Так называемая крымская лихорадка полностью исчезнет тогда, считает он, когда сельчане отведают стоячие воды [3, р. 18].

Путешествие по Крыму

Описание своей двухмесячной врачебной практики на полуострове Ванцетти начал с **Южного берега Крыма**, где в алушкинской больнице графа М. С. Воронцова провёл первую «очень сложную хирургическую операцию»; от неё зависело, будет ли он «пользоваться доверием у местного населения»; «кроме того, – замечает Ванцетти, – всё аристократическое крымское общество проявляло повышенный интерес к данному случаю» [3, р. 23–24]. Состояние пациента было критическим, близким к смерти. Операция, проведённая Ванцетти, спасла ему жизнь. Этот «экзамен» (при всей его сложности и вполне возможном провале) Тит Ванцетти сдал на «отлично». При этом не забыл отдать должное своим помощникам, консультации которых высоко оценил: Шмидту, врачу алушкинской больницы, и Пруту, личному врачу М. С. Воронцова.

Проведя несколько операций в Алушке, он поспешил в **Симферополь**. По дороге любовался «живописными долинами Ялты и Массандры, оставив справа Никитский ботанический сад, а слева – очаровательное частное владение Артек и выступающую в море гору Аю-Даг» [3, р. 29]. На полдня остановился в Алуште, чтобы проконсультировать больных. За короткое время пребывания в Симферополе сделал 14 операций. Здесь Ванцетти познакомился с учёным-ботаником Христианом Христиановичем Стевеном (1781–1863), первым директором Никитского ботанического сада. У Стевена недалеко от Симферополя была дача (на которой он прожил много лет, до конца жизни). Видимо, именно там Ванцетти видел богатейшую коллекцию насекомых и гербарий, собранные Стевеном в Крыму и во многих других местах. От Христиана Христиановича наш врач узнал о недуге вдовы Петра Симона Палласа – Каролины Ивановны Паллас, также жившей близ Симферополя, и тут же бросился ей на помощь, проведя успешную операцию по удалению катаракты. В этот же день (15 октября) он позволил себе короткий отдых недалеко от Симферополя, в «прекрасном поместье Кильбурун» Николая Ивановича Перовского (1785–1858) [3, р. 35], в прошлом таврического губернатора (1822–1823 гг.). Здесь же состоялась приятная для него встреча с Николаем Александровичем Саблуковым (1776–1848), генералом в отставке, недавно прибывшим из Англии.

Следующий пункт – **Бахчисарай**. Здесь Ванцетти намеревался выступить в роли обычного путешественника (так как «город населён татарами, живущими по своим, сохранившимся с древних времён нравам и привычкам» [3, р. 37]), посетить ханский дворец, Успенский монастырь, Чуфут-Кале, Иосафатову долину – замечательные памятники крымского средневековья, описанные многими вояжёрами. Но... жаждущих

исцеления оказалось так много («дворцовые ворота и мост через речку Джурук-Су подверглись настоящей осаде со стороны больных» [3, р. 38]), что нашему врачу пришлось, что называется, не поднимая головы проводить одну операцию за другой. В день приезда, пишет Ванцетти, он провёл 22 глазные операции (в списке, помещённом в конце книги, их значится 20) [3, р. 58–59]). Местом его ночлега и приёма больных стал ханский дворец : «И вот под позолоченными сводами ханского дворца, под журчание свободно ниспадающих струй многочисленных фонтанов, под звуки зычного голоса муллы... передо мной, – рассказывает Ванцетти, – вереницей прошли незрячие татары и их многочисленные жёны... Даже караимы, живущие в пещерном Чуфут-Кале, до которых долетела молва о моём прибытии, спустились в город из своего расположенного высоко в горах *орлиного гнезда*»; «Я вдруг осознал, что... совсем неожиданно превратил дворец... в хирургическое отделение глазной больницы» [3, р. 38, 40].

«Бродить по покоям» дворца наш путешественник имел возможность лишь во время коротких перерывов между операциями. Его внимание в особенности привлёк фонтан (Сельсебиль), и он процитировал надпись на нём со ссылкой на «Путеводитель...» Ш. Монтандона [8; 9, с. 171].

В **Карасубазаре** (ныне Белогорск), где «проживают татары, греки и армяне», Ванцетти осуществил семь операций и был растроган «многочисленными выражениями признательности» и «слезами радости... армянских матерей» [3, р. 43]. Здесь ему особенно запомнился момент, когда он в сопровождении армянских священников обходил дома представителей армянской общины города, кого-то убеждая следовать его советам, кого-то – решиться на операцию. В Карасубазаре Ванцетти побывал ещё раз – через две недели после первого посещения города – ради того, чтобы провести прооперированных больных.

Далее его путь лежал в **Феодосию**, где он произвёл 25 или 26 операций «в рамках помощи неимущим» [3, р. 47, 60, 61]. Здесь пришлось задержаться на две недели из-за большого наплыва пациентов, приходилось также посещать на дому тех, кто не мог по состоянию здоровья самостоятельно прийти к врачу; «... всё это, – пишет Ванцетти, – не давало мне ни минуты покоя и ослабляло моё здоровье. Кроме того, меня ещё посещали жители соседних немецких колоний и Судакской долины» [3, р. 47]. Среди его пациентов – «полуголодный восьмилетний цыганёнок» в «самых настоящих лохмотьях» и нищий старик-татарин, попрошайничавший в городе [3, р. 48]. Им обоим он вернул зрение.

По-видимому, Ванцетти намеревался отправиться в Одессу из Феодосии, но так как пароход прибывал только через пять дней, он решил провести их в Керчи.

Осмотрев **Керчь**, Тит Ванцетти отметил, что за небольшой отрезок времени город «достиг ощутимого прогресса» [3, р. 53]. Здесь любознательному путешественнику очень повезло : он имел возможность увидеть раскопки курганов античного времени, «которые в большом количестве встречаются в Восточном Крыму», приносят «очень ценные артефакты» и являются «предметом яростных споров среди археологов» [3, р. 14]. (Летом и осенью 1835 г. раскопки керченских курганов производились Д. В. Карейшей [см., например : 17, с. 656 (имен. указ.); 18, с. 562–564].) В связи с этим Ванцетти продемонстрировал некоторые знания по истории Крыма. С опo-

рой на свидетельства Страбона (VII, 4, 4; XI, 2, 5, 6) он перечислил античные города Восточного Крыма, входившие в состав Боспорского царства : Феодосию, Киммерик, Пантикапей, Нимфей, Акру, Мирмекий, Порфмий; назвал двух боспорских правителей из династии Спартокидов (Левкона и Сатира), царя Понтийского царства Митридата VI Евпатора, представителей варварского мира в Крыму : киммерийцев, скифов, тавро-скифов; не забыл упомянуть и жителей малоазийского Милета, основавшего большинство колоний в Северном Причерноморье. Очень вероятно, что раскопки боспорских курганов ему демонстрировал керченский градоначальник З. С. Херхеулидзе. Он же мог порекомендовать гостю города осмотреть сравнительно недавно открывшийся (в 1826 г.) Музей древностей, что делали все бывавшие в Керчи путешественники.

В Одессу Тит Ванцетти отплывал на корабле из Ялты вместе с М. С. Воронцовым и его семьёй, сожалея о том, что уже вряд ли вернётся в Крым.

Возвращение в Крым

Но, кажется, ему довелось ещё раз увидеть крымские берега. Об этом мы узнаём из книги Николая Сергеевича Всёволожского (1772–1857), военного в отставке, романтика, совершившего большое путешествие из Москвы через Южную Россию, включая Крым и Одессу, в Малую Азию, Северную Африку, Италию и Францию в 1836–1837 гг. [19]. В Крым он прибыл в апреле 1836 г. и покинул его в мае того же года. Его путь лежал от Перекопа через Симферополь к южному берегу, где дольше всего он оставался в Кореизе, в имении своей родной сестры – княгини Анны Сергеевны Голицыной (урожд. Всёволожской; 1779–1838). В доме гостеприимной хозяйки бывало немало гостей, в нём останавливались знатные путешественники. Здесь Николай Сергеевич и познакомился с Титом Ванцетти, которому дал весьма лестную характеристику : «Живя у сестры, я познакомился с доктором и оператором г<осподино>м Ванцети, он, кажется, родом из Падуи. К необыкновенному искусству оператора, особенно глазного, г<осподин> Ванцети присоединяет обширные сведения по всем частям медицины. Он любезен и очень приятен в обхождении, молод и хорош собою, я советовал ему и даже уговаривал его переехать в Москву для глазных болезней, он нашёл бы для себя много занятий. Не знаю, послушает ли он меня» [19, с. 78–79]. (Но, как известно, Ванцетти вскоре отправился в Харьков, где продолжал повышать свою квалификацию и работать.)

А в начале мая 1836 г. Всёволожский и Ванцетти отправились морем из Ялты в Одессу. Вот что по этому поводу пишет Николай Сергеевич : «... пароход наш называется “Пётр Великий”. Он построен прекрасно. Капитан наш, Михайло Парфентьевич Захаров, – человек вежливый и приятный в обращении. Я с удовольствием узнал, что в числе пассажиров находится дама : это была вдовствующая супруга бывшего губернатора Тавриды, Нарышкина, урождённая графиня Растопчина. Тут же были : г<осподин> Кёппен., г<осподин> Войцехович., человек образованный, с которым мне очень приятно было беседовать во всё время нашего плаванья, наконец доктор Ванцети, о котором я говорил» [19, с. 83–84].

Попутчиками Всеволожского и Ванцетти были интересные и приятные люди : графиня Наталья Фёдоровна Нарышкина (урожд. Ростопчина; 1797–1866) – вдова Дмитрия Васильевича Нарышкина, гражданского губернатора Таврической губернии в 1823–1829 гг.; Пётр Иванович Кёппен (1793–1864) – академик Санкт-Петербургской Академии наук, автор научных трудов о Крыме; Алексей Иванович Войцехович (ум. в 1881 г.) – чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода, с 1836 г. – директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода. С этими людьми было о чём беседовать. Наверняка речь шла о Крыме – стороне, всех их интересовавшей и им знакомой. Особенно приятным было общение с Кёппеном, уже в это время был почти, если не полностью, готов к публикации его «Крымский сборник» – первоклассный для своего времени и до сих пор не утративший своего значения для науки труд с описанием историко-архитектурных памятников полуострова [20]. Не исключено, что с Кёппеном Ванцетти познакомился раньше, во время своих поездок по Крыму. А в Одессе он мог продолжить знакомство со всеми этими людьми.

Память о Крыме оказалась крепкой, и Тит Ванцетти (то ли ещё находясь в Харькове, то ли уже по прибытии в Италию) подписался на «Исторический и художественный альбом Тавриды», который с 1853 г. на протяжении нескольких лет издавали заведующий Феодосийским музеем древностей Евгений Францевич де Вильнёв и феодосийский художник Викентий Осипович Руссен. В списке «попечителей» альбома, составленном Вильнёвым в мае 1853 г., значится «доктор Ванцетти, профессор университета» [21; 22, с. 65].

* * *

Перевод книги Тита Ванцетти с французского языка на русский осуществлён Геннадием Игоревичем Беднарчиком, уже известным своими переводами сочинений французских путешественников, посетивших Крым в XIX столетии [23]. Консультант по медицинской терминологии – врач-невролог Наталья Валентиновна Беднарчик.

ТИТ ВАНЦЕТТИ.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ, ПРЕДПРИНЯТОЕ ОСЕНЬЮ 1835 года

(*Vanzetti Titus. Excursionen Crimée faite dans l'automne de l'année 1835.*

Odessa : A l'imprimerie de la ville, 1836. 63 p.)

(перевод с французского Г. И. Беднарчика; комментарии Э. Б. Петровой)

*... эти заметки помогли мне вновь
погрузиться в воспоминания, связанные со
всеми интересными случаями из моей практики.*

Мемуары доктора Харисона

Его Превосходительству графу Воронцову,
главному адъютанту Его Императорского Величества, пехотному генералу,

члену Императорского Совета, губернатору Новороссии и Бессарабии,
полному кавалеру орденов России, кавалеру орденов ряда иностранных
государств и т. д., и т. д.

Господин граф!

Отношение, которое правительство Тавриды направило Вашему Превосходительству по поводу моей врачебной поездки к жителям Крыма, а также лестные отзывы о моей врачебной практике на полуострове, которые я прочёл в газетах, сподвигли меня нижайше просить Ваше Превосходительство принять отчёт о моей работе, проделанной с исключительно благотворительной целью медицинской помощи населению Крыма, о благосостоянии которого Вы постоянно по-отечески печётесь.

Имею честь выразить Вашему Превосходительству моё глубокое почтение!

*Всепокорнейший слуга Вашего Превосходительства
Тит Ванцетти*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это историческое изложение моей врачебной поездки в Крым, рассказывающее о 76 медицинских операциях, проведённых в этом крае, не содержит ничего страшного и пугающего, ничего подобного тем хирургическим описаниям, которые леденят душу людям, далёким от медицины.

Лишённый сурового врачебного аспекта, данный труд предназначен для широкой публики, и писал я его в редкие моменты отдыха, вспоминая о трогательных и приятных моментах моей поездки.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СТАВШИЕ ПРИЧИНОЙ МОИХ ПОЕЗДОК В РАЗНЫЕ МЕСТА ПОЛУОСТРОВА, И МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ, КОТОРЫЕ Я ТАМ ПРОВЁЛ

На исходе лета я прибыл по Чёрному морю к южному берегу древнего Херсонеса Таврического¹, сегодняшнего Крыма. Ясность неба, едва покрытого облаками, и яркое солнце, оживляющее чудесную природу, мне живо напомнили землю и климат Италии, моей родины, где я не был уже много лет.

Очарованный крымским пейзажем, воспетым знаменитым путешественником Палласом², я поспешил воспользоваться приглашением господина графа Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, принять участие в его посещении большей части территории полуострова – от Чёрного моря до Киммерийского Боспора³, от южной оконечности Крыма до Азовского моря.

¹ Так античные авторы называли Крымский полуостров.

² Прим. Т. Ванцетти: Паллас. Физическое описание Тавриды. [См.: 5; 6; 7.]

³ Так античные авторы называли Керченский пролив.

Именно тогда, пересекая верхом на лошади крымские горы, оканчивающиеся в окрестностях Феодосии, рядом с деревней Оттузы¹, я вместе с Палласом² посетил³ «эти долины с анатолийским климатом Малой Азии, где зима почти совсем не ощущается и где в январе и феврале растут примула и весенний шафран...», те долины, «где вечнозеленый лавр соседствует с оливой и гранатом...; где свободно произрастают ясень, скипидарное дерево, сумах, мошник, ладанник шалфейный и плодовая земляника из Малой Азии...; где орех и все фруктовые деревья часто растут в лесу, который, если так можно выразиться, является настоящим природным садом...; и где, наконец, дикий и садовый виноград, взобравшись на самые высокие деревья, ниспадают вниз, чтобы затем вновь поползти вверх и совместно с расцветающей бековиной создать прекрасные естественные гирлянды и беседки...». Там же я восхищался «красивым хаосом высоких гор и огромных обрушившихся скал...; струящимися со всех сторон источниками и водопадами, которые в сочетании с гладью моря делают эти долины настолько живописными, насколько самый экзальтированный поэтический гений может только себе представить и описать...». Я соприкоснулся «с простой жизнью татарских горцев, обитающих в этих волшебных долинах...». Я ночевал «в их земляных хижинах, частью которых являются сами скалы. Эти хижины расположены на склонах гор и утопают в густой зелени окружающих садов...». Я следовал взглядом «за стадами козочек и барашек, пасущихся на одиноких соседних скалах»; я наслаждался «звуками пастушьей свирели, эхом отражающимися от этих скал», и повторял вслед за знаменитым академиком (Палласом. – Г. Б.), что «всё здесь говорит об исключительной красоте природы, всё здесь создано для того, чтобы человек полюбил сельский уединённый уклад жизни».

Такой богатый природными дарами край, без сомнения, должен был привлечь внимание человека и побудить его обрабатывать эту плодороднейшую землю, надеясь получить взамен обильный урожай. Однако ещё всего несколько лет назад, во времена путешествия академика Палласа, всё здесь было заброшено, и только гений нынешнего руководителя этой территории (М. С. Воронцова. – Г. Б.) по-настоящему раскрыл все богатства данного края: он насадил здесь культуру ведения сельского хозяйства, построил дороги, а также устранил все препятствия на пути промышленного развития Крыма и создания ещё одного бесценного источника обогащения империи и её населения. Именно этот человек стоит у истоков рождения новой эры в истории полуострова.

Сегодня гости Крыма восхищаются не только природной красотой этого места, но и достижениями населения полуострова в области сельского хозяйства, строительства и архитектуры. Каждый клочок земли и даже холмы превращены в ухоженные виноградники, оливковые рощи и фруктовые сады. В горах и среди скал проведены надёж-

¹ Отузы; ныне пгт Щебетовка (Феод.).

² С книгой П. С. Палласа.

³ Далее следуют цитаты (не всегда точные) из сочинения П. С. Палласа «Краткое физическое и топографическое описание Тавриды». [См. иной перевод на русский язык этих цитат: 7, с. 55–57].

ные и удобные дороги. Всё побережье усеяно симпатичными строениями, дачами и сельскими домиками. Маленький южный порт Ялта становится богатым российским курортным городом¹. В деревне Алупка на берегу моря, у подножия величественной горы Ай-Петри, между Криуметопоном² и Партенитом строится великолепный дворец из гранита с богатой коллекцией древнеримских произведений искусства (Воронцовский дворец. – Г. Б.). Это здание уже само по себе привлечёт сюда огромное количество посетителей, которые ранее ограничивались посещением только лишь расположенных по соседству развалин упомянутого в «Илиаде» знаменитого храма Дианы, где в дар богине приносились в жертву люди, потерпевшие кораблекрушение у этих крымских берегов³.

¹ В ту пору Ялта была небольшим поселением, но её роль в торговле крымского Южно-бережья становилась всё заметнее. В сентябре 1837 г. Ялту посетил Николай I, и это событие стало для неё судьбоносным: по велению императора посёлок стал уездным городом. Указ «Об утверждении в Таврической губернии нового уезда под названием “Ялтинского”» был подписан императором 23 марта (по ст. ст.) 1838 г. С этого времени город стал расти, богатеть – и за счёт торговли, и благодаря многочисленным посетителям, в том числе путешественникам.

² Криуметопоном античные авторы называли мыс, считавшийся крайней южной точкой Крыма. Мы не можем наверняка сказать, какой именно мыс подразумевался древними – мыс Сарыч или мыс Ай-Тодор (не исключено, что и гора Аю-Даг). Тем, кто плыл из Херсонеса в Феодосию, наиболее выдающимся в море казался мыс Сарыч, для тех, кто плыл в обратном направлении, таковым был мыс Ай-Тодор; Страбон, на которого неоднократно ссылается Ванцетти, по-видимому, имел в виду мыс Сарыч [см. : 14, с. 39–42; 15, с. 113–114; 16, с. 213]. И сам Ванцетти так полагал, ведь Алупка действительно находится между мысом Сарыч и Партенитом (Ай-Тодор не подходит по своему географическому положению). Но это большая часть Южнобережья. Местоположение Алупки наш путешественник обозначил весьма расплывчато («между Криуметопоном и Партенитом»).

³ Скорее всего, Т. Ванцетти имел в виду драму «Ифигения в Тавриде» афинского драматурга V в. до н. э. Еврипида, в которой представлен храм древнегреческой богини Артемиды (древнеримской Дианы), якобы принадлежавший таврам (в «Илиаде» ничего подобного нет). По мифу, в этом храме служила жрицей спасённая Артемидой от гибели Ифигения, дочь микенского царя Агамемнона, предводителя греков-ахейцев в походе на Трою, и его супруги Клитемнестры. И другие авторы античного времени упоминали этот храм. Страбон (VII, 4, 2) говорил, что в 100 стадиях (18,5 км) от Херсонеса (руины которого ныне находятся на территории Севастополя) есть мыс Парфений, то есть «девичий». Географ II в. н. э. Клавдий Птолемей (III, 6, 2) расстояние между Херсонесом и мысом Парфений определял в 16,6 км (в переводе на современные меры длины). На мысе «Девичий», по-видимому, и мог находиться херсонесский (но только не таврский) храм Девы-Артемиды. Время его сооружения гораздо более позднее, чем то, которое обозначено в мифе (накануне Троянской войны). Поиски остатков этого храма пока ни к чему не привели. А местонахождение мыса Парфений дискутируется в науке: его отождествляют и с Херсонесским мысом (что на Маячном полуострове, крайняя юго-западная точка Крыма), и с мысом в районе Мраморной балки, но чаще – с мысом Фиолент. Всё это недалеко от античного Херсонеса. Впрочем, некоторые авторы полагали, что остатки храма Артемиды следует искать на горе Аю-Даг, ведь тавры жили в Горном Крыму, а гора Аю-Даг якобы подходит для того, чтобы с неё сбрасывать чужеземцев. Вслед за ними и Ванцетти связывал храм Артемиды-Дианы с Южнобережьем.

Достигнув конца Крымской гряды и попав на равнину, тянущуюся до самого Боспора Киммерийского, иностранец с большим удивлением может встретить на дороге высоких двугорбых верблюдов и погонщиков-татар, сильно отличающихся и внешним видом, и одеждой от горных татар, а также услышать резкие, заунывные стоны этих животных, кричащих от боли, когда тех заставляют встать на колени, чтобы разместить на их спине поклажу.

Это наводит на размышления о древних временах <...>.

Античная Феодосия, которая, по мнению Страбона, стояла на границе между владениями тавров и Боспорским царством¹; остатки древних сооружений; Пантикапей, столица Боспорского государства (сегодняшняя Керчь); курганы, которые в большом количестве встречаются в Восточном Крыму, их раскопки, свидетелем которых был ваш покорный слуга, приносящие очень ценные артефакты, являющиеся предметом яростных споров среди археологов; остатки Нимфея, Киммерика, Акры, руины Мирмекия и Порфмия²; Понт Эвксинский³, с одной стороны, и Меотида⁴ – с другой, а также примыкающий к ним Боспор Киммерийский – вот что сейчас пронеслось в моей памяти благодаря Страбону, так хорошо описавшему те времена и жизнь Левкона, Сатира, Митридата Евпатора, скифов, тавро-скифов, киммерийцев и милетян, древних обитателей этого края⁵.

Но каким бы ни был мой интерес к окружающей меня природе и мыслям, связанным с этим, я никогда не забывал о медицинском аспекте моего путешествия. Прежде всего, в Алушке мне представился случай осмотреть небольшую, очень ухоженную больницу, расположенную на берегу моря, рядом с постом Арнаутского⁶ полка. Эта больница построена графом Воронцовым, и ею умело руководит опытный доктор Шмидт, который любезно ознакомил меня с эндемической ситуацией в Алушке и её окрестностях. Затем недалеко от Никитского ботанического сада, в деревеньке Ай-Даниль, я посетил ещё одну больницу, также принадлежащую графу Воронцову,

¹ Страбон, VII, 4, 4. Имеется в виду то время, когда Феодосия ещё не вошла в состав Боспорского царства, что произошло, по-видимому, в конце 80-х – середине 70-х гг. IV в. до н. э.

² Города на европейской стороне Керченского пролива.

³ Так древние греки называли Чёрное море.

⁴ Так древние греки называли Азовское море.

⁵ Милетяне – жители древнегреческого города Милета, что на юго-западном побережье Малой Азии, основавшие большинство колоний в Северном Причерноморье (в том числе в Крыму) в конце VII–VI в. до н. э. Левкон и Сатир – правители Боспорского царства (возникшего, как принято считать, около 480 г. до н. э. в результате объединения городов, основанных греками по берегам Керченского пролива) из династии Спартокидов. Митридат VI Евпатор – правитель Понтийского царства в 120–63 гг. до н. э., распространивший свою власть на всё Причерноморье, включая Крым. Киммерийцы – древнейшие жители Северного Причерноморья, известные нам по литературной традиции и археологическим материалам. Племена тавров задолго до прихода греков занимали южную часть Крыма, его горную и предгорную области. Скифы появились в Северном Причерноморье в начале VII в. до н. э. Постепенно шёл процесс ассимиляции тавров скифами, отсюда и появившееся со временем в античных письменных источниках наименование местных варваров тавро-скифами или скифо-таврами.

⁶ Греческого.

которая, как и предыдущая, тоже имеет свою аптеку и полный набор хирургических инструментов.

Эти частные заведения, ранее абсолютно бесполезные, сегодня, судя по тому, что я видел собственными глазами, являются настоящим спасением для местного населения, страдающего различными недугами: новая жизнь полуострова позвала сюда бесчисленное количество мастеровых со всех уголков России и других стран. Эти люди, подверженные частым происшествиям, случающимся на стройках, а также различным заболеваниям, связанным с тяжёлыми условиями их жизни, могут получить квалифицированную медицинскую помощь только в таких заведениях, созданных крымскими филантропами <...>.

В ходе беседы с начальником медицинской службы Крыма доктором Лангом¹, состоявшейся в деревне Оттузы, я получил много важной информации о грязевых ваннах в городе Саки, а также о ваннах вблизи Перекопа и Арабатской стрелки. Упомянутые ванны являются исключительно эффективным средством лечения ревматических заболеваний и паралича конечностей. В связи с этим правительство в лице графа Воронцова решило уделить повышенное внимание данной проблеме, построив рядом с грязевыми источниками специализированные лечебницы.

В Феодосии доктор Граперон² рассказал мне о состоянии городской медицинской службы. Будучи в Керчи и посетив недавно созданный там карантинный пост, я убедился в том, что меры, предпринятые таврической администрацией с целью обязательного прохождения карантина всеми судами, прибывающими в Керчь для дальнейшего плавания по Азовскому морю, резко уменьшили вероятность распространения чумы на территории Российской империи.

Эта экскурсия на юг и восток полуострова, а также моя дальнейшая четырёхмесячная поездка туда с врачебной миссией убедили меня в мягкости крымского климата.

В то время как во многих других областях России резкие колебания температур сильно вредят здоровью людей, Крым, напротив, считается одним из самых благоприятных мест империи, где население может в большой степени укрепить своё здоровье. Это место посещают больные из самых удалённых уголков России, особенно

¹ Пётр Иванович Ланг (Ланге; 1779–1863) – доктор медицины; родом из Австро-Венгрии, выпускник Венского университета; с 1807 г. жил и работал в Крыму, с 1810 г. – в должности инспектора Таврической врачебной управы в Симферополе [17, с. 161]. О нём упоминали и другие путешественники, например, англичанин Дж. Уэбстер познакомился с ним и его супругой осенью 1827 г. в имении графа Густава Олизара, что в районе Гурзуфа [24, с. 56, 121].

² Доктор медицины француз Жан (Иван Иванович) Граперон (1774–1848) прибыл в Россию в 1809 г. по рекомендации российского посла во Франции князя А. Б. Куракина. Узнав о начавшейся в Крыму эпидемии чумы, Граперон в мае 1810 г. переезжает из Санкт-Петербурга в Феодосию и до конца жизни служит в Феодосийском центральном карантине. М. С. Воронцов, высоко ценивший профессиональный уровень Граперона, привлёк его к борьбе с эпидемическими заболеваниями не только в Крыму, но и на всём юге России. Первостепенной была его роль в борьбе с эпидемией чумы, в 1812 г. охватившей значительную часть Новороссии, включая Крым. Помимо того И. И. Граперон с 1818 г. и до самой смерти был заведующим Феодосийского музея древностей. [См. о нём: 25; 26.]

после того, как они уже отчаялись получить действенную помощь от лечащих их докторов <...>.

Я лично знал многих господ, которым было показано проживать только в Крыму, и когда они на время покидали полуостров, у них сразу же возникали проблемы со здоровьем.

Никогда не забуду удивительный случай выздоровления одной дамы в расцвете лет, которая сильно страдала от своей болезни. Врачи посоветовали ей съездить на лечение в Крым. И вот через несколько месяцев её пребывания в Гаспре болезнь отступила, а на щеках женщины впервые за долгие годы недуга проступил румянец. После я часто встречал эту красавицу, бесстрашно прогуливающуюся в горах верхом на лошади.

Болезнь, которая в нозологии именуется крымской лихорадкой (*Morbus Crimensis*) и о которой мы поговорим позже, судя по всему, находится на пути к полному исчезновению. Во время своих поездок я слышал о ней только один раз от господина Пеккарского, керченского врача, вместе с которым мы наблюдали единственный случай данного кожного заболевания.

Если в этот край придёт цивилизация и редкие случаи перемежающейся лихорадки, связанной с нежеланием сельского населения отвести стоячие воды, канут в прошлое, то для медиков здесь сразу же убавится работы <...>.

Но больше всего меня поразило огромное количество глазных болезней и случаев полной потери зрения, которые во время своего первого посещения Крыма я наблюдал в основном в сельской местности. Размышляя о причинах этих заболеваний, я пришёл к выводу, что они не являются какой-либо местной, специфической офтальмией, а в большей степени связаны с оспенным глазным воспалением. Чаще всего эти случаи встречаются у местного населения, отвергающего вакцинацию и безразлично относящегося к своему здоровью. Определённую роль в этом также играют фатализм, вытекающий из религиозных догм, и слепая вера в исцеляющее могущество различного рода старух, как бы единственно посвящённых в таинства природы.

Помутнение роговицы глаза, частичное или полное слипание радужной оболочки глаза, стафиломы и другие следствия запущенных офтальмий, энтропии, катаракты и иные патологические формы, требующие оперативного вмешательства, – всё это настолько часто наблюдается среди крымского населения, что я счёл необходимым для себя, как глазного хирурга, обязательно вернуться сюда и помочь страдающим больным воспользоваться всеми достижениями глазной хирургии. Имея богатый опыт в этой области, воодушевлённый мыслью о том, что огромное количество потерявших зрение людей благодаря моим операциям сможет вновь увидеть свет, на что они уже перестали надеяться, я задумал совершить врачебную поездку в самые густонаселённые районы полуострова.

Несмотря на все трудности, с которыми я мог бы столкнуться, проводя сложнейшие операции среди татар, греков, армян и других народностей Крыма, язык, нравы и религии которых мне чужды, что требовало постоянного присутствия переводчика в операционной, я, вооружившись своими инструментами и полный непоколебимой

решимости не пожалеть ни времени, ни сил для достижения своих гуманных целей, 26 сентября отправился в рабочую поездку по полуострову.

До этого в качестве врача Его Превосходительства генерала Льва Нарышкина и его семейства я провёл два чудесных месяца на Южном берегу Крыма¹. Воспоминания о Мисхоре и Алушке, о встречах с элитным аристократическим обществом, графом Воронцовым, генералом Нарышкиным и знаменитыми путешественниками на фоне прекрасной природы в волшебных покоях двух резиденций надолго останутся в моём сердце.

По возвращении назад, где-то в середине ноября, я насчитал в своём дневнике 76 основных операций, не включая мелких. Исключая одну ампутацию, два камнесечения, литотрипсию мочевыводящих путей и несколько удалений опухолей, все остальные операции были проведены в области глазной хирургии. Главным образом речь шла об удалении катаракты и различных инородных предметов, трихиазах, а также об искусственном зрачке.

В связи с тем, что для этой поездки по пяти городам Крыма я выделил всего лишь два месяца, передо мной сразу же встала необходимость решения ряда проблем, которые могли затормозить мою работу. И вот как я их решил: что касается дефицита времени, то я принял решение перемещаться из города в город по ночам, таким образом у меня оставался целый день для приёма пациентов; местным властям я поручил заранее оповещать всех больных, включая проживающих в отдалённых уголках полуострова, о времени и месте моих приёмов; также со своей стороны я объявил денежное вознаграждение тем, кто приведёт ко мне самое большое количество незрячих.

Но оставалась ещё одна проблема, которая сама по себе могла парализовать все мои усилия. Речь идёт о послеоперационном уходе за больными, чаще всего принадлежащими к классу неимущих и поэтому не имеющими средств на лечение, что могло перечеркнуть все положительные результаты моих операций. В связи с этим я лично оказывал материальную помощь моим пациентам, а в особо сложных случаях просил своих коллег на местах позаботиться об этих больных.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы выразить свою горячую признательность Его Превосходительству губернатору Тавриды господину Казначееву², керченскому градоначальнику князю Херхеулидзеву³, властям других городов полуострова, врачам Крыма за их достойную всяческих похвал помощь, оказанную мне в этом бла-

¹ Лев Александрович Нарышкин (1785–1846) – генерал-лейтенант, двоюродный брат графа М. С. Воронцова. Его супруга – Ольга Станиславовна Нарышкина (урожд. Потоцкая; 1802–1861). У Нарышкиных было прекрасное поместье в Мисхоре.

² Александр Иванович Казначеев (1788–1880) – адъютант фельдмаршала М. И. Кутузова; в отставку вышел в чине полковника. С 1823 по 1828 г. состоял управляющим канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в Одессе; в 1828–1829 гг. занимал должность феодосийского градоначальника; в 1829–1837 гг. – таврического гражданского губернатора.

³ Захар (Захарий) Семёнович Херхеулидзе (Херхеулидзе; 1797(8)–1856) – князь, генерал-майор (с 1844 г.); в 1823–1832 гг. – адъютант новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в Одессе; в 1833–1850 гг. – керчь-еникальский градоначальник.

городном деле. Никогда не забуду, как я, иностранец, был удостоен их дружбы и как они всеми силами поддерживали меня. Именно благодаря этой помощи, надеюсь, мне удалось предоставить возможность населению Крыма воспользоваться достижениями глазной хирургии.

После проделанных мною операций я с большим удовлетворением констатировал тот факт, что смог облегчить страдания многих больных, иногда останавливая ход течения их болезни, которая могла бы привести к полной потере зрения, иногда возвращая способность видеть тем несчастным, которые потеряли зрение более десяти лет назад, а иногда просто спасая жизнь тем, кто без оперативного вмешательства давно бы уже расстался с ней.

Теперь я бы хотел подробнее остановиться на результатах моей врачебной деятельности в Крыму.

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Свою врачебную деятельность на полуострове я начал с очень сложной хирургической операции. И если положительный исход оперативного вмешательства независимо от личности пациента имеет для хирурга очень важное значение, то я должен признаться, что именно тогда от результата этой самой первой операции, проведённой в больнице графа Воронцова, зависело, буду ли я пользоваться доверием у местного населения. Кроме того, всё аристократическое крымское общество проявляло повышенный интерес к данному случаю.

Русский рабочий Иван Осипович Медведев, пятидесяти лет от роду, обратился за медицинской помощью в алупкинскую больницу. Доктор Шмидт попросил меня осмотреть больного. У пациента был обнаружен запущенный артроз нижней части ноги, сопровождавшийся некрозом костей стопы и трети внешней поверхности большой и малой берцовых костей, что привело к сухой гангрене всей правой ноги до уровня чуть выше среднего. У себя дома больной часто посыпал порошком из табачных листьев часть правой ноги, поражённую гангреной, а также обширные язвы, покрывавшие левую ногу. Это не принесло ему никакого облегчения и только привлекло бесчисленное количество отвратительных насекомых. Состояние крайней слабости больного, его бледное лицо землистого цвета, обезображенное разрушением левого глаза, его едва слышимый голос и полное безразличие к своей участи, часто возникающее у тяжелобольных, – всё это предвещало скорую кончину пациента.

Будучи убеждённым в том, что бездействие с моей стороны может привести к смерти больного, и полностью полагаясь на практику, когда удаление патогенных очагов человеческого тела часто приводит к положительным результатам, я, несмотря на сомнения в том, что больной выдержит ампутацию поражённой части правой ноги, всё же произвёл эту операцию.

Мнения личного врача генерал-губернатора доктора Прута, а также моего коллеги доктора Шмидта, благодаря которым я смог осуществить ампутацию, полностью совпало с моим мнением. Так же, как и я, они полагали, что лучше попытаться что-либо сделать, чем не делать ничего.

К сожалению, после операции возникли осложнения, которые и при лучших условиях ампутации могли бы привести к смерти пациента. Отсутствие реакции на внешние раздражители, которая обычно должна иметь место в данном случае, гангрена, распространившаяся на образовавшуюся рану, резкий подъём температуры на десятый день после операции, наконец, пневмония, сопровождавшаяся сильным кашлем, и бессонница – вот то, что угрожало жизни больного. И всё же, то ли благодаря моим заботам, то ли из-за большого резерва своего организма пациент пошёл на поправку и был выписан из больницы спустя сорок дней после ампутации. Чуть позже, уже окончательно поправившись, он даже смог совершить поездку на свою родину, в город Москву.

Ещё в детстве у восемнадцатилетнего парня, одного знакомого господина Нарышкина, на пальцах руки незаметно начали расти мозговидные хрящевые наросты, один – на дорсальной части первой фаланги безымянного пальца правой руки, другой – на внешней стороне мизинца той же руки. Когда эти наросты достигли размера яйца, они начали причинять юноше большие неудобства. Изолировав наросты продольным разрезом от кожного покрова, я, используя тончайшую пилу, провёл их резекцию, сохраняя при этом разгибательное сухожилие и латеральные нервы. Обрывки кожи придерживались с помощью лентовидных повязок, пропитанных мазью из воска и масла, в результате чего произошло соединение тканей. Таким образом пальцы юноши стали свободно двигаться, и уже через месяц мой клиент смог пользоваться своей рукой.

Чуть позже совместно с известным хирургом Андриевским, учеником великого Грефе¹, я вновь прооперировал этого парня по поводу восстановления левой части его верхней губы, пострадавшей в результате случайного удара по ней копытом лошади. Операция прошла успешно, и я был счастлив тому, что смог помочь юноше избавиться от уродливого дефекта.

У Николя Ружебье, француза-винодела, находящегося на службе у генерала Шитилова, вот уже три года как на правой стороне шеи была кистообразная опухоль размером в полкулака, и, хотя она его очень беспокоила, он всё никак не решался на операцию. И вот, возможно, поддавшись на мои уговоры или по причине предстоящей свадьбы, Николя наконец-то решился удалить эту опухоль. На операции присутствовал доктор Прут. Восемь дней спустя господин Ружебье смог вернуться к своим виноградникам.

Разрез двух фистульных синусов в области промежности одного мальчика и две онкотомии, первая – в области спины у одного рабочего, а вторая – на ладони ещё одного пациента, недостаточно серьёзны, чтобы тратить время на их описание. Кроме того, я спешу рассказать об операциях, выполненных в Симферополе.

¹ Карл Фердинанд фон Грефе (1787–1840) – немецкий хирург, офтальмолог, профессор хирургии и глазных болезней.

СИМФЕРОПОЛЬ. ТАТАРСКАЯ АК-МЕЧЕТЬ

Двое взрослых больных, проживающих в Симферополе и страдавших мочекаменной болезнью, а также официальные письма губернатора Тавриды господина Казначеева к властям городов, которые я собирался посетить, заставили меня, прежде всего, побывать в столице Крыма.

Проехав мимо живописных долин Ялты и Массандры, оставив справа Никитский ботанический сад, а слева – очаровательное частное владение Артек¹ и выступающую в море гору Аю-Даг, я на полдня остановился в деревеньке Алушта, чтобы осмотреть тех больных, которые изъявили желание получить мою консультацию. Ночью, покинув деревню, я отправился в Симферополь, куда и прибыл на следующее утро. Сразу же по прибытии я поспешил осмотреть двух моих пациентов. У одного из них диагностировал два крупных камня, засевших в мочеиспускательном канале, который в результате этого ощутимо расширился. Несмотря на мои уверения в том, что я смогу излечить больного от страданий благодаря литотрипсии, проведённой без помощи скальпеля, пациент, испугавшись самого слова «операция», отказался от хирургического вмешательства.

У второго больного – господина Смолина, страдавшего от мочекаменной болезни на протяжении вот уже пятнадцати месяцев и заранее предупреждённого о моём визите самим губернатором Казначеевым, – в результате моего исследования был обнаружен в мочеиспускательном канале камень размером в полдюйма, который при мочеиспускании причинял больному резкую боль. Эта боль часто сопровождала господина Смолина во время его ходьбы и сидения на стуле, в связи с чем он был вынужден почти постоянно лежать в кровати и предаваться меланхолическим размышлениям.

На следующий день после моего прибытия в Симферополь с помощью специальных щипцов, изготовленных в парижских мастерских господина Шарьёра², я провёл

¹ На рубеже 1824–1825 гг. граф Густав Генрих Атаназий Олизар (1798–1865) – польский поэт, публицист, мемуарист, общественный деятель – покупает у местных жителей понравившийся ему небольшой участок земли у подножия Аю-Дага (территория восточной части нынешнего пгт Гурзуф, Ялт.). Француз Ш. Монтандон пишет, что местные жители называли его имение «Артеком» (кр.-тат. «перепел»), а «умы романтические и сердца чувствительные» – «Кардиатриконом» [9, с. 125], что в переводе с греческого означает «лекарство сердца», «исцеление сердца». Между тем из мемуаров Олизара следует, что татарское наименование «Артек» предшествовало его «Кардиатрикону». Вскоре Олизар расширил своё поместье, прикупив соседние земли. Построил дом, заложил виноградник, посадил масличные деревья. Но уже в конце 1825 г. покинул Крым, а в начале 1830-х гг. земли имения «Артек» были распроданы по частям. Новыми владельцами стали: полковник Александр Михайлович Потёмкин и его жена Татьяна Борисовна (урожд. Голицына); Варвара Дмитриевна Казначеева (урожд. Волконская), супруга таврического гражданского губернатора А. И. Казначеева; генерал-майор князь Андрей Борисович Голицын; генерал-лейтенант Константин Маркович Полторацкий и его супруга Софья Борисовна (урожд. Голицына); директор Никитского ботанического сада Николай Андреевич фон Гартвис.

² Жозеф Фредерик Бенуа Шарьёр (Шаррьёр, Шаррьё; 1803–1876) – французский мастер по изготовлению медицинских инструментов.

больному литотрипсию. Мне удалось ухватить камень, к счастью, оказавшийся довольно рыхлым, и раскрошить его на три части, которые я и удалил одну за другой. Мне было очень приятно избавить больного от страданий всего за один сеанс. В результате на следующий день у пациента исчезли трудности в мочеиспускании, а также уретральное воспаление и постоянная лихорадка, выматывавшая его. Благополучный исход данной операции, настойчивые усилия губернатора Симферополя по извещению жителей города о моём прибытии, а также вознаграждение тем, кто приводил ко мне незрячих, – всё это способствовало резкому росту числа моих пациентов. В итоге за небольшой отрезок времени мне удалось провести в Симферополе тринадцать операций. За исключением уретральной литотрипсии и двух детских резекций некротической альвеолярной ткани коренных зубов, поражённых кариесом, все остальные операции были связаны с глазными болезнями. Речь шла о пяти катарактах, четырёх искусственных зрачках и двух трихиазах.

С помощью иридэктомии я прооперировал внутренний угол глаза у одного больного, которого мне привёл полковник Риман. Это была моя первая в Крыму операция, связанная с формированием искусственного зрачка, и, несмотря на мою склонность к коректомии, во всех остальных случаях я использовал иридодиализ.

Трихиазы были прооперированы мною по методу знаменитого Джагера¹, позволяющему с большой долей вероятности победить этот грозный недуг. Болезненная операция, оставляющая нетронутым хрящ века, позволяет последнему сохранить всю свою длину и форму <...>.

Что касается катаракты, то в четырёх случаях с помощью изогнутой иглы я провёл разрыв капсулы хрусталика и его дальнейшую реклинизацию.

Этот тип хирургического вмешательства довольно прост и не нуждается в каком-либо послеоперационном уходе. Хочу заметить, что во время своей поездки я всегда отдавал предпочтение реклинации, а не полному удалению катаракты, хотя последнее, без сомнения, является более надёжным способом излечения этой болезни. Ведь надо было учитывать тот факт, что многие мои неимущие пациенты не могли продолжать оставаться под врачебным наблюдением в клинике, а тяжёлые условия их существования в тех лачугах, где они проживали, могли привести к полной потере зрения у этих несчастных.

Доктор Радзивонский, известный окулист, с которым я имел удовольствие познакомиться в Польше, будучи в прекрасном замке графа Альфреда Потоцкого², и который успешно проводил операции над незрячими, проживавшими на графских землях, по-дружески поделился со мною ценными советами, коими позже я не преминул воспользоваться.

¹ Фридрих Джагер (фон Егер; 1784–1871) – австрийский офтальмолог; изобретатель инструмента для защиты глазного яблока и для фиксации вывернутого века в ходе операции (Егера шпатель, Егера пластина).

² Граф Альфред Войцех Потоцкий (1786–1862) – польский аристократ, представитель польского магнатского рода Потоцких, владелец многих имений, в том числе в Ланьцуте, где у него был роскошный замок с великолепным парком.

Во время поездки по Крыму только в пяти случаях я решился на полное удаление катаракты, не опасаясь последствий операции. С чувством глубокого удовлетворения вспоминаю о первом таком удалении, произведённом на левом глазу вдовы одного из самых знаменитых путешественников-натуралистов нашего века, часть своей жизни прожившего в Крыму. Господин Стевен¹, известный современный натуралист, выбравший Крымский полуостров местом своего проживания, во время моего осмотра его превосходной коллекции крымских растений и насекомых, сообщил мне о том, что в Симферополе ещё здравствует вдова академика Палласа². Произнесённое имя выдающегося учёного было для меня достаточным поводом для того, чтобы я посетил его вдову.

Пожилая женщина очень любезно приняла меня, и наша беседа, почти полностью посвящённая интересным эпизодам из личной жизни её супруга, постепенно подошла к теме глазной болезни вдовы великого исследователя. Оказалось, что у неё по причине капсулярной чечевицеобразной зрелой катаракты, возникшей в результате рожистого воспаления лица, левый глаз перестал видеть ещё шесть лет назад. Что касается правого глаза, то его острота зрения сильно ослабла из-за большой склонности больной к чтению. Я был приятно удивлён тем, что уже в ходе нашей первой беседы госпожа Паллас выразила желание решить свою проблему именно с моей помощью... И вот 15 октября я полностью удалил её катаракту. Надо отметить, что во время операции пожилая женщина показала пример большого мужества... Несколько мгновений спустя после хирургического вмешательства я провёл рукой перед её глазами; она сразу же схватила меня за локоть, чтобы доказать, что зрение вернулось к ней. К счастью, за этой операцией не последовало ничего такого, что могло бы огорчить врача; ни во время хирургического вмешательства, ни после него пациентка не почувствовала никакой боли, что, на самом деле, несколько огорчило меня. Ведь известно,

¹ Христиан Христианович Стевен (1781–1863) – учёный-ботаник, энтомолог, исследователь крымских растений, первый директор Никитского ботанического сада (1812–1827 гг.), организатор первого в России училища садоводов. В 1977 г. его мраморный бюст был установлен в Никитском ботаническом саду.

² В 1793–1794 гг. П. С. Паллас путешествовал по Крыму, изучал его. А с 1795 по 1810 г. он жил в Крыму с молодой женой Каролиной Ивановной. Супруги имели поместья в Судакe и недалеко от Симферополя, на левом берегу Салгира (ныне это территория Симферополя). Имение близ Симферополя академик назвал «Каролиновкой» в честь своей супруги. Дом академика стал своего рода культурным центром Крыма, где бывали учёные, художники, путешественники. В нём имелись богатая библиотека, разнообразные коллекции, произведения искусства. Паллас покинул Россию в 1810 г., уехав в Германию (где умер уже в следующем году), а его жена, жизнь с которой у академика не заладилась, осталась в Крыму, в своей усадьбе. В 1824 г. в связи со сложным материальным положением она продала «Каролиновку» Наталье Фёдоровне Нарышкиной (урожд. Ростопчиной; 1797–1866) – супруге Дмитрия Васильевича Нарышкина (1792–1831), гражданского губернатора Таврической губернии в 1823–1829 гг. Но Каролина Ивановна благодаря доброте новой хозяйки осталась в своём бывшем имении и жила в нём до самой смерти в 1839 г. Дом Палласа сохранился до нашего времени, он находится в парке «Салгирка», на территории Ботанического сада Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

что если сразу после операции больной начинает чувствовать себя очень хорошо, то он становится менее послушным в следовании строгим указаниям своего доктора, особенно это касается тех, кому назначен постельный режим, в результате любая неосторожность может перечеркнуть положительный результат такого сложного и деликатного хирургического вмешательства. Вот и в данном случае мне с большим трудом удалось убедить больную в необходимости в течение восьми дней оставаться в кровати, в полной темноте, не позволяя ей немедленно вернуться к её любимому занятию – чтению книг.

Остальную часть так удачно начавшегося дня я с удовольствием провёл у господина Перовского в его прекрасном поместье Кильбурун¹, где, сидя за столом в компании с прибывшим из Англии генералом Саблуковым², я получил от последнего в подарок отличное изделие английской мануфактуры, как память об одной медицинской операции, на которой господин генерал лично присутствовал <...>.

БАХЧИСАРАЙ

В большей степени из-за любопытства, чем по причине возможного врачевания, я решил провести в Бахчисарае два дня. Этот город является древней резиденцией крымских ханов. С тех времён сохранился большой ханский дворец, отреставрированный по приказу Его Величества императора Александра Первого.

В связи с тем, что город в основном населён татарами, живущими по своим, сохранившимся с древних времён нравам и привычкам, я полагал, что приехал сюда не для демонстрации новых достижений в области медицины, а в качестве обычного путешественника. Впрочем, за несколько дней до моего приезда городские власти по приказу таврического губернатора объявили через глашатая татарскому населению о прибытии человека, возвращающего зрение слепым и облегчающего страдания больным. Местом моего ночлега и приёма больных был определён ханский дворец.

¹ Николай Иванович Перовский (1785–1858) – таврический вице-губернатор в 1817–1820 гг., феодосийский градоначальник в 1820–1823 гг., таврический губернатор в 1822–1823 гг. У него были имения близ Симферополя (в том числе у деревни Кильбурун, ныне входящей в состав села Пионерское), под Севастополем и в районе Гаспры (Ялт.). О красоте местности, в которой располагались деревня Кильбурун и поместье Перовского, писал француз Ш. Монтандон в путеводителе по Крыму (1834 г.): «... здесь прекрасные рощи и дороги, изящно огибающие множество домов, удобно расположенных на холмах, меж которыми петляет Салгир. В этом имении есть также леса, поля, лужайки и самые прекрасные огороды, какие только существуют в Крыму. Великолепные пейзажи, открывающиеся из Кильбуруна, и вид самого местечка, особенно когда выезжаешь на Алуштинскую дорогу, представляют собой одну из самых пленительных картин» [9, с. 113].

² Николай Александрович Саблуков (1776–1848) – генерал-майор, часто бывавший в Англии и имевший репутацию англомана.

Приехав ночью, я намеревался на следующий день посетить сам дворец, город, Успенский монастырь, крепость Чуфут-Кале, Иосафатову долину¹, а также другие местные достопримечательности, однако, проснувшись утром, я сильно пожалел о том, что выделил на посещение этого города так мало времени : дворцовые ворота и мост через речку Джурук-Су² подверглись настоящей осаде со стороны больных, жаждавших исцеления.

И вот под позолоченными сводами ханского дворца, под журчание свободно ниспадающих струй многочисленных фонтанов, под звуки зычного голоса муллы, с высоты минарета призывавшего правоверных к молитве, передо мной вереницей прошли незрячие татары и их многочисленные жёны, полностью укутанные в белую ткань... Даже караимы, живущие в пещерном Чуфут-Кале, до которых долетела молва о моём прибытии, спустились в город из своего расположенного высоко в горах *орлиного гнезда*.

В этот день я провёл 22 глазные операции. Их могло быть ещё больше, если бы я отошёл от своего правила назначать операции только в самых экстренных и понятных случаях.

На следующий день, сложив инструменты в чемодан, я уже было покинул Бахчисарай, когда на выезде из города мне повстречался слепой старик с палкой, судя по всему, направлявшийся во дворец. Он, конечно, шёл ко мне на приём, и я не мог не остановиться и не помочь несчастному. Взяв его за руку, я повёл старика в ближайшее отделение полиции, где и прооперировал больному энтропион его глаз.

¹ Успенский монастырь находится в балке Майрам-Дере, близ Бахчисарая; он был основан, по-видимому, в иконоборческую эпоху, в VIII–X вв.; опустел после переселения крымских христиан в Северное Приазовье в 1778 г. и в таком состоянии оставался до 1850 г., когда здесь был открыт Успенский скит.

Чуфут-Кале – «пещерный город» на юго-восточной окраине Бахчисарая; расположен на мысовом плато – более 500 м над уровнем моря. Крепость возникла здесь, по-видимому, в конце VI–VII в. В 40-х гг. XIV в. её захватили татары и назвали Кырк-Ор (Кырк-Ёр, Кырк-Йер). В XV в. она стала резиденцией первых крымских ханов и таковой оставалась до начала XVI в. Здесь жили представители разных народов и конфессий – мусульмане, христиане, иудеи. Караимы появились в Кырк-Оре, по-видимому, в конце XIV в. В конце XVI – начале XVII в. татары покинули Кырк-Ор, в нём остались караимы и немного армян, а с середины XVII в. – только караимы; с этого времени город стал называться Чуфут-Кале («иудейская крепость»). В конце XVIII в. жители начали его покидать, переселяясь в другие места на полуострове, к середине XIX в. он почти опустел, а к началу XX в. стал необитаемым.

Иосафатова долина – караимское кладбище, расположенное в верховьях балки Марьям-Дере, в полукилометре от Чуфут-Кале. (Название «Иосафатова долина» дано по аналогии с кладбищем в окрестностях Иерусалима, почитающимся святым местом.) На территории кладбища сохранилось не менее пяти тысяч надгробий с высеченными на них религиозными текстами, формулами и символами; самая ранняя из надгробных надписей датируется приблизительно 60-ми гг. XIV в., наиболее поздние надписи – началом XX в.

² Чурук-Су (Чурук-Су; кр.-тат. «гнилая вода») – правый приток реки Качи. Бахчисарайский дворец – бывшая резиденция крымских ханов – находится на левом берегу реки Чурук-Су.

Только тот, кто знает, насколько напряжён мозг врача, ставящего диагноз в сложных и неясных случаях заболеваний, насколько тяжело ему проводить тонкие глазные операции, учитывая различные особенности организма каждого пациента в отдельности, только такой человек может понять, как сильно я устал за эти дни.

И всё же время от времени мне удавалось делать перерывы, и тогда я мог бродить по покоям этого удивительного дворца. В те редкие моменты отдыха я испытывал странные ощущения. Я вдруг осознал, что нахожусь очень далеко от Франции и совсем неожиданно превратил дворец, построенный ханом Адил-Сахаб-Гераем¹, в хирургическое отделение глазной больницы, оказывая медицинскую помощь потомкам подданных этого хана. И если удачно проведённые операции по удалению катаракты, а также хирургические вмешательства с целью создания искусственного зрачка произвели на татар неизгладимое впечатление, то я был бы вдвойне рад, если бы мои усилия убедили местное население продолжать обращаться к врачам каждый раз, когда это понадобится.

Я не собираюсь здесь приводить описание дворца хана Герая и проводить экскурсию по его дворикам, павильонам, мечетям и кладбищу, остановлюсь только на одной из многочисленных надписей, виденных мною в этом чудесном месте. Эта надпись украшает фонтан под названием Сельсебиль, расположенный в главном вестибюле дворца²:

«Слава Всевышнему! Лицо Бахчисарая опять улыбнулось. Милость великого Крым-Герая славно устроила! Неусыпными стараниями он напоил водой окрестности. И если будет на то воля Аллаха, сделает ещё много добрых дел. Он тонкостью ума нашёл воду и устроил прекрасный фонтан. Если кто хочет проверить, пусть придёт и посмотрит. Мы сами видели Дамаск и Багдад и не встретили там ничего похожего. Автор этих строк – Шейхий. Подобно мучимому жаждой, прочтём сквозь воду начертанное на фонтане: «Приди, напейся воды чистейшей из источника исцеляющего!» Год 1176» (1764 г. н. э.)³.

¹ Архитектурный комплекс резиденции правителей Крымского ханства – Бахчисарайский дворец (Хан-Сарай) – начал формироваться в 30-х гг. XVI в. при хане Сахиб-Герае I, правление которого приходится на 1532–1551 гг., и возводился на протяжении длительного времени. За время своего существования он претерпел немало ремонтов, перестроек, реставраций, которые заметно изменили его первоначальный облик. Бахчисарайский дворец был и остаётся притягательной для европейцев восточной экзотикой, и трудно найти среди вояжёров по Крыму того, кто не оставил бы его описание в своих путевых записках.

² Сельсебиль (райский источник, из которого, по верованию мусульман, пьют воду души праведников), или Фонтан слёз – замечательное творение работавшего при ханском дворе иранского мастера Омера, созданное в 1764 г. в память о рано ушедшей из жизни жены грозного и жестокого хана Крым-Герая, правившего в 1758–1764, 1768–1769 гг. Говорили, что у него нет сердца. Однако, как рассказывает легенда, к нему, уже немолодому, пришла любовь к молоденькой невольнице по имени Дилляра. Жизнь в неволе оказалась для неё непосильной, и она рано умерла. Переполненный душевной болью хан приказал Омеру создать такой фонтан, чтобы камень плакал, как плачет его сердце. На фонтане – две надписи: верхняя – стихотворение поэта Шейхия, в котором восхваляется хан и его великолепное сооружение; нижняя – стих из Корана: «В раю праведные будут пить воду из источника, называемого Сельсебиль».

³ Ванцетти ссылается на путеводитель Ш. Монтандона. [См.: 8; 9, с. 171.]

КАРАСУ-БАЗАР¹

О моём прибытии в этот город местному населению, так же как и в предыдущих случаях, объявил глашатай.

В Карасу-Базаре проживают татары, греки и армяне. Именно последние составили основную часть моих пациентов. Судя по многочисленным выражениям признательности, которые я здесь постоянно получал, можно с уверенностью сказать, что эти люди никогда не забудут помощь, оказанную им мною. Что же касается вашего покорного слуги, то я навсегда сохраню приятное воспоминание о том моменте, когда в сопровождении уважаемых армянских священников я обходил дома представителей этой общины, иногда убеждая пациентов просто следовать моим советам, а иногда излечивая их от болезни путём хирургического вмешательства. Здесь особо я бы хотел упомянуть о двух операциях камнесечения, о двух случаях удалении катаракты и об операции по поводу стафиломы.

Как я уже говорил, мне не забыть слёзы радости и благодарности армянских матерей. С особой трепетностью я буду хранить колечки и кошельки, на которых золотыми нитками вышиты имена вылеченных мною детей.

Особенности верхнего и нижнего удалений катаракты, проведённых мною в Карасу-Базаре, а также извлечение трёх крупных камней из мочевого пузыря у двух детей возраста пяти лет вполне могли бы вынудить меня продлить своё пребывание в этом городе. В связи с этим я хочу более подробно остановиться на одном серьёзном осложнении, случившимся в ходе верхнего удаления катаракты у одной армянской женщины.

Поднеся кончик скальпеля к стенке роговицы, которую надо было пронзить этим инструментом, я неожиданно наткнулся на какое-то препятствие и попытался средним пальцем оказать давление на носовой угол глаза. Из этого ничего не получилось. Тогда я был вынужден левой рукой взять ещё один скальпель и с его помощью совершить новый разрез, через который и прошёл кончик первого скальпеля... Конечно, у меня возникли сомнения по поводу положительного результата данной операции, но каким же было моё удивление, когда через две недели после этого, вернувшись в Карасу-Базар для осмотра прооперированных мною пациентов, я застал мою больную в прекрасном настроении с совершенно здоровым глазом. Без сомнения, этому во многом способствовал тщательный уход за ней со стороны местного врача Белинга.

Этот уникальный случай в моей практике всё же не является единственным в мире. О подобном осложнении в своём превосходном труде «Практический трактат по глазным болезням» рассказывает доктор Уильям Макензи² <...>.

Что касается извлечения камней, то я произвёл эту операцию по методу Дюпюитрёна³, используя билатеральный надрез, выполненный с помощью прекрасных ин-

¹ Карасубазар – ныне город Белогорск.

² Уильям Макензи (Маккензи; 1791–1868) – офтальмолог из Шотландии, автор одного из первых британских учебников по офтальмологии («Practical Treatise of the Diseases of the Eye»), первое издание которого увидело свет в Лондоне в 1830 г.

³ Гийом Дюпюитрэн (1777–1835) – французский хирург широкого профиля, заведующий хирургическим отделением парижского госпиталя Отель-Дьё, профессор медицинского факультета Парижского университета, член Национальной медицинской академии и Парижской академии наук.

струментов, произведённых господином Шарьёром, и строго следуя указаниям опытейшего хирурга. Несмотря на то что данный метод не применяется в Германии, я впервые и очень успешно использовал его в России.

ФЕОДОСИЯ

В городе Феодосии я прооперировал 25 человек в рамках помощи неимущим. Какой бы ни была моя нагрузка в других крымских городах, она не идёт ни в какое сравнение с работой, выполненной в Феодосии. Здесь я был вынужден задержаться на целых две недели. Подготовка к операциям, огромное количество больных, нескончаемым потоком шедшим ко мне с утра и до вечера, визиты к тем, кто по состоянию здоровья сами не могли посетить меня, – всё это не давало мне ни минуты покоя и ослабляло мое здоровье. Кроме того, меня ещё посещали жители соседних немецких колоний и Судакской долины.

Счастливый случай способствовал укреплению доверия ко мне со стороны феодосийцев. Так как здесь помнили, что я сопровождал Его Превосходительство два месяца назад во время посещения им этого города, стали быстро распространяться слухи о том, будто бы и на этот раз я приехал по поручению самого графа Воронцова. Я не стал разрушать эту благоприятную для достижения цели моего путешествия иллюзию.

Не буду подробно рассказывать ни о нескольких случаях удаления катаракты, ни о блефаропластике, сделанной молодой девушке, потерявшей в результате ожога верхнее веко, ни об удалении инкапсулированной опухоли, расположенной в верхней части орбиты левого глаза маленького ребёнка, ни о многих других интересных случаях. Остановлюсь лишь на двух эпизодах.

Выгоды, полученные человечеством в результате выполненных знаменитыми глазными хирургами многочисленных операций, таких как создание искусственного зрачка, в ходе моего путешествия в полной мере ощутили представители неимущего населения.

Однажды по указанию начальника полиции ко мне привели ослепшего в возрасте пяти лет полуголого восьмилетнего цыганёнка. Звали его Омир Углу, и одет он был в самые настоящие лохмотья. Его плотная центральная лейкома, сопровождавшаяся слипанием кромки зрачка по всей окружности обоих глаз, через некоторое время могла бы полностью лишить парня надежды вновь увидеть дневной свет, если бы ему вовремя не помогла опытная рука глазного хирурга. Я отправил мальчика назад к начальнику полиции, выразив намерение немедленно провести операцию в доме самого чиновника. И вот в присутствии хозяина дома, нескольких светских дам, шевалье Бутми и генерала Врангеля я прооперировал паренька, который во время моего хирургического вмешательства вёл себя просто образцово. Каким же был его восторг, когда после операции на зрачках обоих глаз он вновь смог увидеть предметы, о которых у него до этого были только смутные воспоминания из далёкого детства. Все присутствующие щедро одарили мальчика деньгами и перевязочным материалом. В тот же день счастливый отец ребёнка отнёс его на руках в свою хижину. Через восемь дней маленький цыганёнок уже вовсю бегал по окрестностям города. Его хижина, расположенная на природе, оказалась в тысячу раз лучше любой частной клиники. Она быстро залечила раны, нанесённые моим скальпелем <...>.

Хочется поведать ещё об одном случае, где проявилось всё благородство души татарского народа. Слепой по имени Морат-Ахмет-Оглу, обитающий в скалах, возвышающихся на севере Феодосии, каждый день спускался в город, чтобы просить там милостыню. Его правый глаз был полностью разрушен, но левый, к счастью, оставлял возможность создать в нём искусственный зрачок, чем я и воспользовался, проведя операцию в присутствии своих многочисленных пациентов. Глубоко поражённый тем, что он вновь видит свет, Ахмет-Оглу скрестил руки на груди, затем поднёс их ко рту и ко лбу, а после этого припал к моим ногам. Все свои действия он сопровождал какими-то восхвалениями на непонятном мне татарском языке.

Десять дней спустя он покинул свою лачугу и вместе с сыном перебрался в город. Ахмет-Оглу перестал попрошайничать и начал сам зарабатывать себе на жизнь. После своего выздоровления часто навещая меня, добрый старик каждый раз припадал к моим ногам и, как объяснил мне переводчик, считал меня посланцем высшей силы <...>.

Перед тем, как отправиться в Керчь, я также прооперировал катаракту у слепого восьмидесятилетнего ветерана армии екатерининских времён капитана Мугулова. Ранее он прислал мне очень трогательное письмо с мольбой нанести ему визит. Большое количество пациентов не дало мне возможности сразу же откликнуться на его просьбу. На другой день в парадном облачении со всеми регалиями в сопровождении девушки-поводыря старик сам пришёл ко мне. После того, как я пообещал почтенному ветерану вернуть ему зрение и назначил операцию на следующий день, он просто расплакался от счастья <...>.

Через двенадцать дней после успешно проведённой операции старик вновь посетил мой дом. Он нежно обнял меня и попросил принести ему перьевую ручку, чтобы записать и сохранить для своих потомков имя своего спасителя. При виде дрожащей руки старика, я сам написал ему своё имя.

Великий Боже! Сколько радости смог бы испытывать от результата своей работы врач, если бы только так часто он не был свидетелем людского горя.

КЕРЧЬ. ДРЕВНИЙ ПАНТИКАПЕЙ

Пароход, на котором я должен был отплыть из Крыма, прибывал только через пять дней. Я решил воспользоваться этим временем, чтобы совершить врачебную поездку в Керчь <...>.

Город, возвышающийся над Боспором¹, за небольшой отрезок времени достиг ощутимого прогресса.

Керченский градоначальник Его Превосходительство князь Херхеулидзе заранее предупредил больных о моём приезде, и офицер полиции проводил меня в то место, где я должен был вести приём своих пациентов. Хочется также выразить благодарность начальнику гарнизона крепости Ени-Кале генералу Берхману, ознакомившего меня с находящимся в прекрасном состоянии гарнизонным госпиталем, где, к сожалению, я не нашёл ни одного больного, нуждавшегося в моей помощи.

В Керчи я провёл только одну коректомию и две операции по лечению трихиаза. Всё это время рядом со мной находился керченский доктор Пекарский, которому я обя-

¹ Керченским проливом.

зан знакомством с редкой крымской болезнью, известной в нозологии под названием Morbus Crimensis. Однажды, когда я уже намеревался провести операцию по созданию искусственного зрачка греческому мальчику, потерявшему зрение около шести лет назад в результате заболевания оспой, его рахитичный вид насторожил меня.

Я раздел пациента догола и моему взору предстала страшная картина кожного заболевания, описанная Франком-сыном¹. Мальчик был подвержен недугу вот уже на протяжении пяти лет. Все системы его организма были поражены этой болезнью. Следуя своему правилу никогда не предпринимать ничего рискованного, я отказался от операции, опасаясь причинить больному ещё большие страдания <...>.

* * *

Аккуратно упаковав все свои инструменты и ощущая срочную потребность в отдыхе, я взойшёл на пароход, отплывавший в Одессу, вместе с Его Превосходительством генерал-губернатором, а также его семьёй.

В момент отплытия парохода жители Алупки, Мисхора, Ливадии и Массандры, собравшиеся на набережной Ялты, чтобы поприветствовать Его Превосходительство, грянули дружное «Ура».

Вскоре, оказавшись в открытом море, я с сожалением заметил, что потерял из виду крымский берег, который я, наверное, уже никогда больше не смогу посетить. И всё же этот край навсегда останется в моей памяти тем местом, где за довольно короткий срок мне удалось вылечить очень много больных <...>.

Список использованных источников и литературы

1. Г. Г. Ванцетти (Tito Vanzetti) // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : типо-литография И. А. Ефрона, 1892. – Т. 5 а : Вальтер – Венути. – С. 497–498.
G. G. Vantsetti (Tito Vanzetti) // Entsiklopedicheskiy slovar' / izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb. : tipolitografiya I. A. Efrona, 1892. – Т. 5 а : Val'ter – Venuti. – S. 497–498.
2. Ванцетти Тито // Экспериментальная научная энциклопедия : [электронный ресурс]. – Режим доступа : wiki.laser.ru/index.php/Ванцетти_Тито.
VantsettiTito // Eksperimental'nayanauchnayaentsiklopediya : [elektronnyyresurs]. – Rezhim dostupa : wiki.laser.ru/index.php/Vantsetti_Tito.
3. Vanzetti T. Excursion en Crimée faite dans l'automne de l'année 1835 / T. Vanzetti. – Odessa : A l'imprimerie de la ville, 1836. – 63 p.
4. Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов / О. Ю. Захарова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2004. – 312 с.
Zakharova O. Yu. Svetleyshiy knyaz' M. S. Vorontsov / O. Yu. Zakharova. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2004. – 312 s.

¹ Иоганн Петер Франк (1745–1821) и его сын Иосиф Франк (1771–1842) – австрийские врачи, доктора медицины, авторы многих книг по медицине. Иоганн Франк – профессор клинической медицины, директор Венской городской больницы и клиники внутренних болезней в Вене. По приглашению Российского правительства в 1804 г. он прибыл с семьёй в Россию. Стал лейб-медиком императора Александра I; некоторое время работал в Виленском университете, с 1805 г. – в Санкт-Петербурге в должности ректора Медико-хирургической академии и возглавлял кафедру; в 1811 г. вернулся в Вену. Иосиф Франк был профессором Виленского университета (1805–1823 гг.) и возглавлял клинику, основанную его отцом в Вильно; после выхода в отставку жил в Италии.

5. Pallas P. S. Tableau physique et topographique de la Tauride tiré du journal d'un voyage fait en 1794 / P. S. Pallas. – St. Pétersbourg : [De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences], 1795. – [6], 59 p.
6. Pallas P. S. Tableau physique et topographique de la Tauride... / P. S. Pallas. – Paris : Guillaume; Gide, 1799. – 172 p.
7. Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области / П. С. Паллас; пер. И. Рижского. – СПб. : печ. в Имп. типографии, 1795. – 72 с.
8. Pallas P. S. Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoy oblasti / P. S. Pallas ; per. I. Rizhskogo. – SPb. : pech. v Imp. tipografii, 1795. – 72 s.
9. Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée... / C. H. Montandon. – Odessa: Impriemrie de laville, 1834. – 387 p.
10. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму... / Ш. Монтандон; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев : ИД «Стилос», 2011. – 416 с.
11. Montandon Sh. Putevoditel' puteshestvennika po Krymu... / Sh. Montandon ; per. s frants. V. V. Orekhova. – Kiev : ID «Stilos», 2011. – 416 s.
12. Галиченко А. А. Старинные усадьбы Крыма / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 416 с.
13. Galichenko A. A. Starinnye usad'by Kryma / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 416 s.
14. Галиченко А. А., Филатова Г. Г. Мисхор: судьба имения и его обитателей / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 86 с.
15. Galichenko A. A., Filatova G. G. Miskhor : sud'ba imeniya i ego obitateley / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2005. – 86 s.
16. Фадеева Т. М. Две Софии и Пушкин: истоки вдохновения Бахчисарайского фонтана / Т. М. Фадеева. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. – 216 с.
17. Fadeeva T. M. Dve Sofii i Pushkin : istoki vdokhnoveniya Bakhchisarayskogo fontana / T. M. Fadeeva. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 216 s.
18. Иванов А. В. Алушка : путеводитель / А. В. Иванова. – Севастополь : Библекс, 2006. – 64 с.
19. Ivanov A. V. Alupka : putevoditel' / A. V. Ivanova. – Sevastopol' : Bibleks, 2006. – 64 s.
20. Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского / М. В. Агбунов. – М. : Мысль, 1985. – 160 с.
21. Agbunov M. V. Zagadki Ponta Evksinskogo / M. V. Agbunov. – M. : Mysl', 1985. – 160 s.
22. Агбунов М. В. Античная лоция Чёрного моря / М. В. Агбунов. – М. : Наука, 1987. – 156 с.
23. Agbunov M. V. Antichnaya lotsiya Chernogo morya / M. V. Agbunov. – M. : Nauka, 1987. – 156 s.
24. Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции / В. Г. Зубарев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 504 с.
25. Zubarev V. G. Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii / V. G. Zubarev. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. – 504 s.
26. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
27. Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – 676 s.
28. Тункина И. В. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) / И. В. Тункина // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений : в 2 т. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб. : Коло, 2010. – Т. 1 : тексты. – С. 533–588.
29. Tunkina I. V. Raskopki D. V. Kareyshi i A. B. Ashika v Vostochnom Krymu (1831–1835 gg.) / I. V. Tunkina // Pol' Dyubryuks. Sobranie sochineniy : v 2 t. / sost. i отв. red. I. V. Tunkina. – SPb. : Kolo, 2010. – Т. 1 : teksty. – S. 533–588.
30. Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу, в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италии, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах : в 2 т. / Н. С. Всеволожский. – М. : в тип. А. Семена, при Имп. медико-хирургической академии, 1839. – Т. 1. – 495 с., IV с. ; Т. 2. – 520 с., IV с.
31. Vsevolozhskiy N. S. Puteshestvie cherez Yuzhnyuyu Rossiyu, Krym i Odessu, v Konstantinopol', Maluyu Aziyu, Severnyuyu Afriku, Mal'tu, Sitsiliyu, Italii, Yuzhnyuyu Frantsiyu i Parizh v 1836 i 1837 godakh : v 2 t. /

N. S. Vsevolozhskiy. – M. : v tip. A. Semena, pri Imp. mediko-khirurgicheskoy akademii, 1839. – T. 1. – 495 s., IV s. ; T. 2. – 520 s., IV s.

20. Кёппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических / П. И. Кёппен. – СПб. : печ. при Имп. Академии наук, 1837. – 412 с.

Keppen P. I. Krymskiy sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh / P. I. Keppen. – SPb. : pech. pri Imp. Akademii nauk, 1837. – 412 s.

21. Villeneuve de E. Album historique et pittoresque de la Tauride / E. de Villeneuve. – Paris : Kaerppelin, imprimeur-litographe, editeur, 1853. – 24 p., 40 ill.

22. Петрова Э. Б. «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / Э. Б. Петрова ; пер. с франц. А. В. Карпенко. – Феодосия: ИД «Коктебель» ; Симферополь : Н. Орианда, 2015. – 240 с., ил.

Petrova E. B. «Istoricheskiy i khudozhestvennyy al'bom Tavridy» Evgeniya de Vil'neva i Vikentiya Russena / E. B. Petrova ; per. s frants. A. V. Karpenko. – Feodosiya : ID «Koktebel'» ; Simferopol' : N. Orianda, 2015. – 240 s., il.

23. Судак Луи де. Мели Фернан де. Рамбо Альфред. Французские путешественники в Крыму : XIX век / пер. с франц. Г. И. Беднарчика. – Симферополь : Н. Орианда, 2014. – 312 с.

SudakLuide. Meli Fernan de. Rambo Al'fred. Frantsuzskie puteshestvenniki v Krymu : XIX vek / per. s frants. G. I. Bednarchika. – Simferopol' : N. Orianda, 2014. – 312 s.

24. Крымские путешествия : Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / вступит. статья Т. А. Прохоровой ; пер. с англ. Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова ; предисл. Э. Б. Петровой ; под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. – 224 с.

Krymskie puteshestviya : Dzheymys Uebster i ego voyazh po Krymu v 1827 godu / vstupit. stat'ya T. A. Prokhorovoy ; per. s angl. T. A. Prokhorovoy, O. V. Shirokova ; predisl. E. B. Petrovoy ; pod red. E. B. Petrovoy. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2016. – 224 s.

25. Колли Л. П. Иван Иванович Грапперон : биографический очерк / Л. П. Колли // Известия Таврической учёной архивной комиссии. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 38–47.

Kolli L. P. Ivan Ivanovich Grapperon : biograficheskiy ocherk / L. P. Kolli // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. – Simferopol', 1905. – № 38. – S. 38–47.

26. Петрова Э. Б. Грапперон И. И. / Э. Б. Петрова // Крым в лицах и биографиях. – Симферополь : Атлас-Компакт, 2008. – С. 178–180.

Petrova E. B. Graperon I. I. / E. B. Petrova // Krym v litsakh i biografiyakh. – Simferopol' : Atlas-Kompakt, 2008. – S. 178–180.

Petrova E. B. Titus Vanzetti and his «Journey to the Crimea, conducted in the autumn of 1835» / E. B. Petrova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 39–74.

Among the Crimean travel writings in the late XVIII – XIX century the book of Titus Vanzetti (1809–1888), Italian physician (surgeon, ophthalmologist, after 1837 – Doctor of Medicine), a graduate of the University of Padua, is distinguished by its content and relevance. Vanzetti visited the Crimea with a working trip in the summer-autumn of 1835, on the invitation of count Mikhail Vorontsov. He operated on patients for free and has made 76 successful operations on the southern coast of the Crimea (Alupka), in Simferopol, Bakhchisarai, Karasubazar, Kerch, Feodosia. At the same time in the short periods of rest he saw the sights of the Crimean peninsula. His book was published in French in Odessa in 1836. It is of interest to specialists in the field of history, ethnography, literature, medicine, and is included into scientific use for the first time. G. I. Bednarchik made the translation of the book into Russian language.

Keywords: Crimea travelers of the late XVIII – early XIX century, Titus Vanzetti.

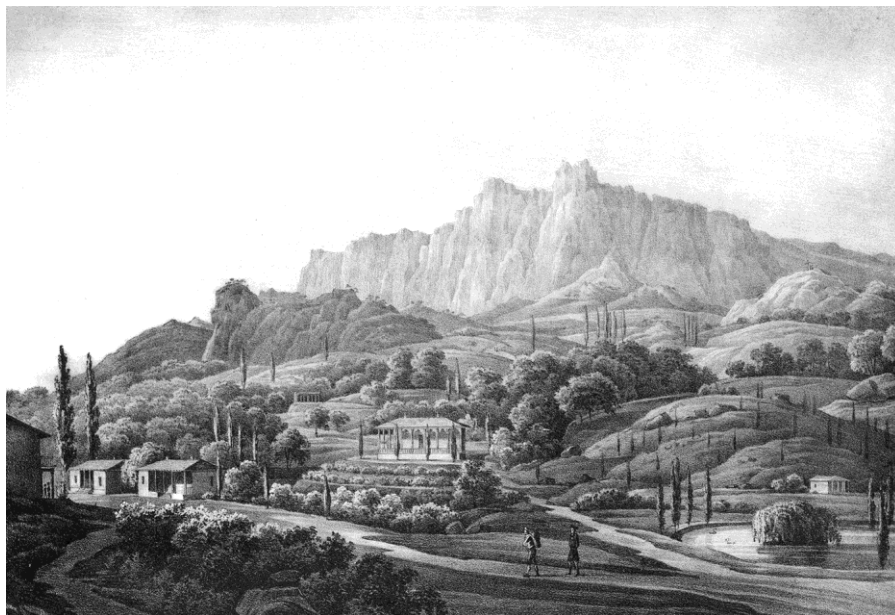

Рис. 1. Н. Чернецов. Мисхор. Дача Л. А. Нарышкина. 1830-е гг.
Из книги М. Мальгиной «Виды Крыма первой половины XIX века»
(Симферополь, 2006).

Рис. 2. О. Раффе. Замок князя М. С. Воронцова в Алушке. 1837 г.

Рис. 3. Кафедральный (Александрo-Невский) собор в Симферополе (1829 г.).
Открытка начала XX в.

Рис. 4. К. Боссоли. Хан-Сарай (Ханский дворец) в Бахчисарае. 1857 г.

Рис. 5. К. Боссоли. Общий вид Карасубазара. 1840-е гг.

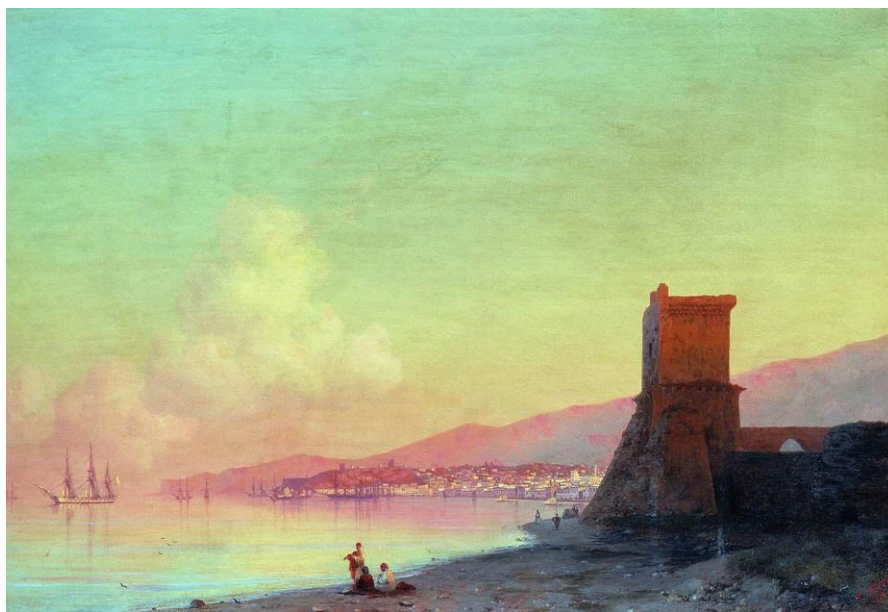

Рис. 6. И. Айвазовский. Феодосия. Восход солнца. 1852 г.

Рис. 7. К. Боссоли. Керчь со стороны верхней дороги к Ени-Кале. 1840-е гг.

УДК 94 (Р 477.75)“17-18”[512.143]

**ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ «ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА»
ЧУФУТ-КАЛЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)¹**

Прохоров Д. А.

*НИЦ истории и археологии Крыма,
Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: prohorov1da@yandex.ru*

Рассмотрена история мероприятий по изучению и сохранению историко-культурного и архитектурного наследия пещерного города Чуфут-Кале в конце XIX – начале XX вв. в контексте караимской истории и культуры. Осуществлен обзор архивных фондов Государственного архива Республики Крым, в которых отложились материалы по заявленной теме, а также выполнен анализ ряда документов – при этом часть из них вводится в научный оборот впервые. Раскрыта специфика обнаруженных данных, продемонстрирована их информативность и объективность; среди архивных дел выявлены документы по малоизученным и дискуссионным проблемам истории крымских караимов.

Ключевые слова: караимы, «пещерный город» Чуфут-Кале, Таврическая губерния, историко-культурное наследие.

Научное изучение «пещерного города» Чуфут-Кале и истории крымских караимов в целом относится ко второй половине XIX в., когда российскими и зарубежными учеными (А. Я. Гаркави, Г. Л. Штрак, А. А. Куник, Э. Дейнард, Д. А. Хвольсон и др.) были проведены исследования и опубликован ряд печатных трудов на данную тему [1–6]. Некоторыми специалистами были организованы археологические и археографические экспедиции на Крымский полуостров с целью изучения историко-архитектурных объектов, а также архивных документов, относящихся к прошлому Чуфут-Кале и караимов. В разное время о Чуфут-Кале в связи с проблемами исторического, этнографического и археологического характера писали Г. И. Тимошевский [7], С. А. Бейм [8–10], И. И. Казас [11; 12], Ф. В. Ливанов [13], С. М. Шапшал [14], М. Я. Фиркович [15], О.-Н. А. Акчокраклы, Б. Н. Засыпкин, У. А. Боданинский [16], А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев [17–19], Д. З. Фельдман [20], М. Б. Кизилов [21–24], О. Б. Белый, Д. А. Прохоров [25–28].

В Государственном казенном учреждении Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК, г. Симферополь) имеется ряд фондов, в делах которых собраны материалы, относящиеся к истории «пещерного города» Чуфут-Кале XIX – начала XX в. Целью предлагаемой статьи является обзор архивных

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

фондов, в которых собраны материалы по заявленной теме, а также анализ ряда документов – при этом часть из них вводится в научный оборот впервые. Помимо этого, во время работы над публикацией использовались различные тематические справочники, сборники по статистике и материалы периодической печати того времени.

Одним из фондов ГКУ РК ГАРК, наиболее полно отражающим этапы археологических и востоковедческих студий середины XIX в., является фонд 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора» (ТОКДП), в состав которого входит более 2000 дел [28, с. 513–573]. Например, среди документов фонда 241 имеется дело № 1667 «Донесение газзана Бейма из Чуфут-Кале в Духовное правление о секретной перевозке 8 надгробных памятников Фирковичем из кладбища Чуфут-кале», а также дело № 1669, озаглавленное «Переписка Бахчисарайского общества с Духовным правлением о краже с Чуфуткальского кладбища 8 надгробных памятников» (оба дела – опись 1). Эти дела датированы, соответственно, 1867 и 1868 гг. Собранные в них документы отражают одну из страниц истории деятельности известного караимского ученого и собирателя древностей Авраама бен Шмуэля (Авраама Самуиловича) Фирковича (1787–1874), чья роль в караимской истории до сих пор трактуется неоднозначно. В последние годы своей жизни он поселился на Чуфут-Кале и занимался, в том числе, исследованием надгробных памятников караимского кладбища Иосафатовой долины.

В 1878 и 1881 гг. российским гебраистом Даниилом Абрамовичем Хвольсоном были предприняты две экспедиции в Крым для работы в Иосафатовой долине близ Чуфут-Кале с целью поиска надгробных плит древнего караимского кладбища. Эти исследования проводились в связи с возникшей в академических кругах полемикой относительно подлинности материалов, представленных А. С. Фирковичем. В своем письме в ТОКДП от 9 сентября 1876 г. Д. А. Хвольсон, в частности, предлагал караимам «сделать раскопы на кладбище в Чуфут-Кале и искать такие древние надгробные надписи, которые <А. С.> Фиркович или вовсе не видел, или такие, с которых он не взял оттисков. Такими находками караимы будут в состоянии очистить память покойного старика и очистить себя от подозрения в подлоге и фальсификации». «Если Вы найдете важные древние подписи, – продолжал ученый, – то покорнейше прошу немедленно сообщить мне текст этих надписей и доставить по мере возможности академии наук самые оригиналы» [29, л. 8, 9].

Отправляясь в первую экспедицию в Крым для проведения археологических изысканий, Д. А. Хвольсон, тем не менее, опасался, что караимское духовенство и представители ортодоксально настроенной общественности могли не дать разрешения на проведение раскопок на караимском кладбище в Иосафатовой долине. Поэтому ученый решил обратиться к своему ученику – известному караимскому просветителю Илье Ильичу Казасу – за советом и помощью. Благодаря письменному ходатайству последнего к караимскому гахаму Б. С. Бабовичу, Д. А. Хвольсону все же было дано необходимое разрешение на проведение исследований. «Единственным, кроме г.<осподина> Казаса, караимом, показавшим действительное участие к моему предприятию и изъявившее готовность помочь мне, был старший сын

старого Ф.<ирковича>, Сара Ф.<иркович>¹ в Казани, интересовавшийся, впрочем, этим делом не как караим, но как сын, дороживший поруганной честью своего отца» [5, с. 14–16]. По результатам своих исследований Д. А. Хвольсон выпустил в 1884 г. труд под названием «Сборник еврейских надписей, содержащих надгробные надписи из Крыма».

В этой связи следует указать и на то обстоятельство, что широкомасштабная научная деятельность нередко сопровождалась негативными моментами. Неоднократно членами Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) поднимался вопрос о разрушении уникальных в историческом отношении античных и средневековых некрополей, сооружений религиозного культа и т. п. Так, на одном из первых заседаний Комиссии заместитель председателя Комиссии И. И. Казас сообщил, что Д. А. Хвольсон «отпилил надписи с некоторых древнейших надгробных памятников, находившихся на древнем караимском кладбище в Чуфут-Кале, и вывез их из Крыма» [31, с. 22].

Из письма, адресованного Д. А. Хвольсоном бахчисарайскому старшему газану Юфуде Узуну 11 июля 1878 г., известно, что по поводу изъятия отдельных фрагментов надгробных плит ученый обратился с официальной просьбой: «Так как я нашел на кладбище некоторые чрезвычайно важные надписи, которые могут служить несомненным доказательством подлинности надписей вообще этого кладбища и которые имеют, кроме того, высокое значение для разрешения некоторых весьма важных исторических вопросов, то покорнейше прошу Вас позволить мне отрезать 9 надгробных надписей из важнейших (для разрешения некоторых научных спорных вопросов) <...> Под условием оставить на соответствующих камнях копии со взятых мною надписей и поместить оригиналы в Музее Академии Наук в С.<анкт>-Петербурге, где уже хранятся 8 других камней того же кладбища, представленных <А. С.> Фирковичем, и где они будут храниться, как собственность караимской общины» [32, с. 47–50].

В «приговоре», вынесенном по решению членов бахчисарайской общины, в частности, говорилось: «Мы нижеподписавшиеся, потомственные граждане, купцы и мещане Бахчисарайского караимского общества <...> имели рассуждение, что так как Совет С.<анкт>-Петербургского Университета, с согласия Господина Министра Народного Просвещения командировал их <Д. А. Хвольсона> в Крым для означенной в их прошении ученой цели и так как они нашли на кладбище некоторые чрезвычайно важные надписи, которые могут служить доказательством подлинности надписей вообще этого кладбища и имеющие высокое значение для разрешения некоторых весьма важных исторических вопросов: <...> с нашей стороны препятствия к исполнению этой просьбы не имеется и что мы желаем, чтобы эти надписи были взяты Господином <Д. А.> Хвольсоном в С.<анкт>-Петербурге и выставлены в музее Академии Наук, где они будут храниться, как собственность Бахчисарайского

¹ Зарах (Заря) Авраамович Фиркович – сын А. С. Фирковича. В 1890 г. им был издан «Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов» [30], в котором приведена детальная информация об организации ТОКДП, а также о законах и распоряжениях российского правительства в отношении караимов. Предисловие к этому изданию было подготовлено известным российским ориенталистом В. Д. Смирновым.

караимского общества, были бы охранены от всякой порчи и стали бы доступны всему ученому миру. Настоящий приговор поручаем г-ну Старшему Бахчисарайскому Газзану Юфуде Узуну для представления Господину Таврическому губернатору при рапорте их и просить о разрешении настоящего нашего приговора» [32, с. 47–50]. Правда, впоследствии севастопольский газзан Т. С. Леви-Бабович сообщал, что указанные надгробия, вывезенные Д. А. Хвольсоном, ни в коллекции Ленинградского музея этнографии и антропологии, ни в других научных организациях Ленинграда ему обнаружить так и не удалось [33, с. 80, 81].

Среди материалов, связанных с историей изучения и охраны Чуфут-Кале во второй половине XIX – начале XX в., следует указать на такие дела фонда 241 (все они – опись 1), как: «О поддержании исторического караимского памятника Чуфут-Кале» (дело № 1175; 1911–1913 г.), «Переписка Чуфуткальского газзана Бейма с Духовным правлением о сохранении Чуфут-Кале, как древней колыбели караимов» (№ 1668; 1867 г.); «Переписка Бахчисарайского общества с Духовным правлением об охране Чуфут-Кале» (№ 1672; 1913 г.), «Переписка Одесского <караимского> общества с Духовным правлением <...> о сохранении Чуфут-Кале как древности» (№ 1815; 1860 г.); «Обращение ТОКДП ко всем обществам по вопросу сохранения Чуфут-Кале как древности» (№ 1888; б. д.); «О древнем городе Чуфут-Кале и охране его» (№ 1895; б. д.).

В фонде 241 также хранятся документы, проливающие свет на некоторые эпизоды из жизни и деятельности самого А. С. Фирковича: например, дело № 1442 «О древних рукописях Библии, найденных ученым А. Фирковичем» (1840 г.); дело № 1498 «С циркулярным письмом Духовного правления караимским обществам об ученом Фирковиче и 8-ми памятниках в Чуфут-Кале, доказывающим о пребывании караимов в Крыму после христ.<ианской> эры» (1863 г.); дело № 1910 «Переписка ученого Фирковича с Духовным правлением об историческом значении Чуфут-Кале и сохранении его как колыбели караимов» (1868–1872 гг.). Интерес также вызывают материалы архивных дел, в которых отражена переписка по поводу издания в 1875 г. еврейским исследователем и путешественником, автором полемических и историко-географических трудов, крупным коллекционером редких еврейских книг и рукописей ученым Эфраимом Дейнардом биографии А. С. Фирковича под названием «Толедот Эвен Решеф»¹ («Биография Фирковича»): дело № 240 «С прошением Моисея Абрамовича Фирковича о нанесенном ему оскорблении в сочинении на древнееврейском языке Толедот Абен биография А. Фирковича Эфраимом Дейнардом» (1876 г.), дело № 1559 «Переписка Духовного правления с обществами о книге Дейнарда; об отзывах на нее и оскорбительных выражениях в книге» (1873–1883 гг.), а также дело № 1557 (1879 г.), к которому приобщены документы по данному вопросу (среди документов которого, помимо всего прочего, имеется черновик статьи И. И. Казаса для одной из одесских газет, в котором он излагает свой взгляд на эту проблему). К этой же группе документов можно отнести и переписку караимских интеллектуалов относительно публикаций в некоторых местных и центральных периодических печатных

¹ Эвен Решеф – псевдоним-акроним имени Аврахам бен рабби Шмуэль Фиркович.

изданиях полемических материалов о караимах (все упомянутые дела относятся к описи 1 фонда 241).

Например, в деле № 240 среди прочих отложились такие документы, как: письмо Эфраима Дейнарда Таврическому и Одесскому караимскому гахаму Бабакаю бен Шломо «Нагаму» Бабовичу с просьбой о командировании его на Чуфут-Кале для проведения раскопок; ответное письмо из ТОКДП Э. Дейнард с просьбой предоставить бумаги из МВД и Российской академии наук, разрешающие проводить раскопки на караимском кладбище близ Чуфут-Кале; черновик письма из ТОКДП с предписанием не допускать на Чуфут-Кале Э. Дейнарда; письмо Д. А. Хвольсона на имя гахама Б. С. Бабовича о необходимости проведения изысканий на Чуфут-Кале с целью выявления новых памятников, не связанных с деятельностью А. С. Фирковича, о необходимости отправки в Российскую академию наук оригиналов и т. д.; рекомендации для привлечения к работе Э. Дейнарда как человека, известного своими выступлениями против А. С. Фирковича и пр. Язык документов – иврит, караимский (т. н. «караимская скоропись») и русский. В ряде случаев прочтение документов затруднено неудовлетворительным состоянием чернил, которыми они были написаны, и ветхостью бумаги.

С именем А. С. Фирковича был связан еще один проект, в соответствии с которым предполагалось возродить у членов караимских общин Российской империи интерес к опустевшей к середине XIX в. «колыбели караимства» (так в караимских кругах называли крепость Чуфут-Кале). А. С. Фиркович выдвинул проект переселения в город 40 семейств караимов из Северо-Западного края Российской империи. Однако представители общины из г. Трок были разочарованы плохим качеством земли и отсутствием воды на плато и переселяться не пожелали [34, с. 78]. Информация по этому вопросу сосредоточена в деле № 1863 фонда 241 (опись 1) ГКУ РК ГАРК «Переписка Паневежских караимов с Духовным правлением о желании переселиться в Чуфут-Кале» (1863 г.). Однако уже 2 августа 1870 г. бахчисарайский полицмейстер Шостак в рапорте на имя таврического губернатора сообщал, что по приглашению старшего газзана А. С. Фирковича из Бакинской губернии прибыли 9 семей субботников – «с тем предположением, что если отыщут удобную землю вблизи для хлебопашества, то останутся жить в Чуфут-Кале». Однако пребывание субботников в «пещерном городе» было весьма краткосрочным, и из Чуфут-Кале они направились в сторону Феодосийского уезда с целью «поселиться на землях, принадлежащих караимам <...> если отыщут удобную землю, в противном случае, возвратятся домой» (при этом бахчисарайский полицмейстер ссылаясь в своем рапорте на сведения, которые ему сообщил симферопольский караимский купец и землевладелец Илья Иосифович Пастак) [35, л. 1, 1 об., 5]. Вскоре Феодосийское городское полицейское управление докладывало, что 9 семей субботников проездом через Феодосию «объявили, что едут в Тамань через Керчь» [35, л. 7]. Дело с перепиской по данному вопросу хранится в фонде 26 «Канцелярии Таврического губернатора» (опись 2, дело № 499). Тем не менее попытки наладить общинную жизнь на Чуфут-Кале продолжались. В фонде 241 ГКУ РК ГАРК имеется дело № 1532, озаглавленное «Заявление караимов, проживающих в Хите (Персия), о переселении их в Иерусалим или

Чуфут-Кале» и датированное 1871 г.; в нем собраны различные документы по указанному вопросу (письма, прошения, рапорты, записки и пр.).

Во второй половине XIX в. в среде караимских интеллектуалов и прогрессивно настроенной части караимской общественности возникла мысль об организации на Чуфут-Кале историко-культурного центра, в котором были бы собраны рукописи, книги, предметы старины, быта крымских караимов. Одной из главных целей такого центра провозглашалось возрождение интереса к караимскому национальному наследию, укрепление связей внутри общины, воспитание молодежи в религиозно-духовных традициях. 24 сентября 1899 г. Таврический и Одесский караимский гахам Самуил Моисеевич Панпулов направил члену ТУАК Серайе Марковичу Шапшалу письмо, в котором выразил надежду на сотрудничество между Комиссией и ТОКДП. В письме, в частности, шла речь о создании центра караимской истории и культуры. «Имея в виду сосредоточить в Чуфут-Кале при вновь открываемом доме хранение древних предметов, относящихся к происхождению караимов, их быту, жизни, обычаям и всему тому, что может характеризовать караимов в научном и историческом значении, – писал С. М. Панпулов, – я позволю покорнейше просить Вас, милостивый государь, не отказать принять на себя труд обращаться к тому или другому члену нашего общества и к другим лицам, у которых могут оказаться интересные для этого дела предметы» [36, л. 1]. Гахам предполагал, что артефакты, относящиеся к караимской истории, можно будет приобретать либо за умеренную цену, либо их владельцы будут уступать предметы путем пожертвования. С. М. Панпулов также просил С. М. Шапшала извещать его о каждом приобретенном предмете «редкости и древности»; сами же артефакты гахам предполагал размещать в музее в Чуфут-Кале [37, с. 169]. Тем не менее, как сообщала караимская пресса того времени, в начале XX в. идея о создании подобного музея на Чуфут-Кале «совершенно заглохла», так как подобное учреждение требовало значительных средств на его содержание [34, с. 78].

В середине XIX в. караимскими религиозными деятелями и просветителями осуществлялись мероприятия по созданию первого русско-караимского училища в Чуфут-Кале. В августе 1843 г. газзан Шломо бен Авраам Бейм (1817–1867) на добровольные пожертвования создал караимское училище, в котором он сам на протяжении длительного времени преподавал все предметы. Российскими властями был разработан проект о предоставлении местному населению ряда льгот (например, речь шла об освобождении караимов, проживавших в Чуфут-Кале, от отбывания городских и земских повинностей сроком на 25 лет или же бессрочно) – с целью привлечения их детей в новое учебное заведение. В мае 1851 г. император Александр II утвердил положение об этом образовательном учреждении. В апреле 1852 г. караимское училище в Чуфут-Кале, которое было призвано служить «центром образования живущих в Таврической губернии караимов», было торжественно открыто [11, с. 68]. Перипетии организационного процесса и документы об открытии русско-караимского караимского училища в Чуфут-Кале сосредоточены в деле № 9 «Переписка об открытии училищ в г. Чуфут-Кале в целях удержания жителей в древнем городе» фонда 241 (опись 1; 1848–1860 гг.).

Уделялось пристальное внимание и состоянию Чуфут-Кале как историко-архитектурного и экскурсионного объекта. В 1874 г. Строительным отделением Таврического губернского правления рассматривалось дело «Об освидетельствовании произведенных Фирковичем работ по исправлению дороги в Чуфут-Кале» [38, л. 1–10]. А на Общенациональном караимском съезде в Евпатории 27 августа – 3 сентября 1917 г. его делегатами было принято решение обратиться к профессору Киевского коммерческого института, специалисту по гидротехническим работам, горному инженеру И. Р. Кобецкому с просьбой изучить вопрос о водоснабжении крепости, а также о проведении туда дороги из Бахчисарая (по некоторым сведениям, в 1918 г. караимский гахам С. М. Шапшал лично пожертвовал 100 000 руб. «для производства изысканий воды и устройство артезианского колодца» на Чуфут-Кале). Тогда же, на съезде, его делегаты приняли постановление о том, чтобы между караимскими общинами путем раскладки налога (т. н. «ареха») было собрано 40 000 руб. для нужд Чуфут-Кале [24, с. 52].

На рубеже XIX–XX вв. караимское общество Чуфут-Кале и Бахчисарая столкнулось с необходимостью отстаивать свои интересы в судебном порядке. В октябре 1895 г. настоятель Бахчисарайского Успенского скита игумен Исидор распорядился о приведении в порядок колодца, находившегося в саду монастыря (вода из этого колодца по трубам поступала в фонтан, находившийся по дороге из Бахчисарая в Чуфут-Кале). При осуществлении работ по демонтажу старой гидросистемы и установке новой вода из колодца стала поступать непосредственно в сад Успенского скита, тем самым лишив жителей Чуфут-Кале возможности набирать воду из фонтана. Тогда же представители караимской общины подали в Симферопольский окружной суд иск по поводу незаконности действий братии скита («Об обязании скита не препятствовать свободному течению воды из источника»). В ответ на это о. Исидор заявил, что подача воды, во-первых, прекращена временно в связи с ремонтными работами, а, во-вторых, монастырская администрация имеет право распоряжаться водой из собственного колодца по своему усмотрению, и это право «никакому ограничению не подлежит» [39].

В ходе судебно-административного расследования было выяснено, в частности, что вода поступает в колодец монастыря непосредственно из трещины и свое начало берет здесь же, в колодце, следовательно, не является проточной (заключение по этому вопросу сделал горный инженер Гонсировский), поэтому 29 января 1899 г. Симферопольский окружной суд отказал в иске караимскому обществу Бахчисарая на том основании, что «на воду из колодца ответчика постороннее лицо претендовать не может». Тем не менее уполномоченные от караимской общины подали апелляционную жалобу в Одесскую судебную палату, и 5 декабря 1900 г., рассмотрев все доводы истца и ответчика, этот кассационный орган отменил решение Симферопольского окружного суда, приняв во внимание то обстоятельство, что «свидетелями со стороны караимов установлен факт исключительного пользования караимов Чуфут-Кале указанным фонтаном значительно ранее, чем он стал принадлежать Бахчисарайскому Успенскому скиту», к тому же монастырь являлся не крепостным, а лишь фактическим владельцем той земли, на которой был расположен колодец [39].

Однако и на этом тяжба не закончилась: ее продолжение было инициировано Бахчисарайской городской управой, предъявившей иск Успенскому скиту на сумму в 1000 руб. В свою очередь, администрация монастыря в ответ на решение Одесской судебной палаты подала встречную жалобу в отделение гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. Но ввиду сложности вопроса жалобу передали на рассмотрение самого департамента, а уже в октябре 1903 г. уполномоченный Бахчисарайской городской управой вести это спорное дело Н. Коробчевский сообщил, что жалоба представителей Успенского скита «была оставлена без последствий» [40, л. 69]. В фонде 241 ГКУ РК ГАРК хранится дело № 818 «О спорной земле между жителями Чуфут-Кале и Бахчисарайским управлением» (опись 1), в котором собраны документы, отражающие ход судебного процесса: переписка С. М. Панпулова с юристами и членами караимских общин ряда городов Российской империи, а также с епископом Таврическим и Симферопольским Николаем (Зиоровым), телеграммы, записки, уведомления и пр. Документация Бахчисарайской городской управы и различные материалы по этому спорному вопросу сосредоточены также в деле № 766 «О нарушении со стороны Бахчисарайского Успенского скита прав владения водой, составляющую собственность Бахчисарайского городского общества» фонда 64 «Бахчисарайская городская управа» ГКУ РК ГАРК (опись 1; 1895–1904 гг.).

В 1908 г. был дан ход новому юридическому разбирательству в связи с претензиями, выдвинутыми Бахчисарайской городской управой на пахотную землю, принадлежавшую Чуфут-Кале; этим земельным участком пользовался смотритель крепости. В качестве истца выступала Бахчисарайская городская управа, а в роли ответчика – караимская община Чуфут-Кале и ТОКДП. В мае 1908 г. городской голова Бахчисарая Сулейман Мурза Крымтаев уведомил уполномоченного ТОКДП габбая (старосту) бахчисарайской караимской общины Ефета Майтопа о том, что «особая комиссия, назначенная для выяснения недоразумения относительно прав собственности на участок земли около Восточных ворот Чуфут-Кале высказалась в том смысле, что как означенный участок, так и равно и площадь, занимаемые Чуфут-Кале и караимским кладбищем, бесспорно составляют собственность города, находятся в заведывании караимского общества как исторический памятник». Далее в документе сообщалось, что «против такого заведывания город ничего не имел и теперь не имеет», но, в свою очередь, городские власти Бахчисарая были обеспокоены тем фактом, что, «по имеющимся в управе сведениям, видно, что караимское общество стало заниматься эксплуатацией Чуфут-Кале и кладбища около него, где отводятся под погребения места (до 500 руб.), причем на благоустройство кладбища почти ничего не тратит» [40, л. 163]. Аргументировала свою позицию Бахчисарайская городская управа тем, что Чуфут-Кале не облагался городским сбором, а казенные и земские налоги платили не протяжении 10 лет городские власти [40, л. 163 об.].

В ответ на это Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Панпулов, заручившись поддержкой влиятельных представителей караимских общин [40, л. 165, 183, 209, 228], обратился с ходатайством к таврическому губернатору В. В. Новицкому. В этом документе, в свою очередь, указывалось на неправомотность действий бахчи-

сарайских городских властей, которые, по словам гахама, даже вызывали «неприятные отношения между караимским и мусульманским населением Бахчисарая» и порождали межнациональную вражду. «Началось все с того, – писал С. М. Панпулов, – что Городская Управа отдала в аренду одному салачинскому жителю цыгану участок земли, расположенный в нескольких шагах от главных ворот Чуфут-Кале», а когда заведующий Чуфут-Кале и его имуществом Е. Ч. Майтоп указал на, по его мнению, противозаконность этих шагов, представители городских властей выступили с ответным иском, при этом продолжая сдавать в аренду участки земли даже на территории самой крепости и не препятствуя местным жителям добывать на плато камень для строительных нужд. Упомянул гахам и о незаконном изъятии представителем управы Смаил-беем имущества сторожа Чуфут-Кале, по поводу чего был даже составлен полицейский протокол; в свою очередь, городские власти через полицию требовали оставить незаконный, по их мнению, ремонт крепостной стены Чуфут-Кале. По убеждению С. М. Панпулова, имело место «несомненное издевательство над караимами» со стороны городской управы Бахчисарая [40, л. 179, 179 об., 180, 194, 196, 206]. Представлять интересы караимской общины в суде были привлечены опытные присяжные поверенные – караим А. Я. Хаджи и крымский француз А. П. Кюри [40, л. 184, 202]. Резюмируя, отметим, что данный конфликт все же завершился «миролюбивым соглашением» между сторонами; материалы по судебным искам сосредоточены и в деле № 1580 «Об исковых делах города <Бахчисарая>» (1912 г.) фонда 64 ГКУ РК ГАРК «Бахчисарайская городская управа» [34, с. 78; 41, с. 31].

Среди архивных дел фонда 241 ГКУ РК ГАРК содержатся многочисленные документы, проливающие свет на контакты караимов с представителями высшей государственной власти и членами императорской семьи. В первую очередь, речь идет об истории визитов членов царской фамилии в «пещерный город» Чуфут-Кале в XIX – начале XX в. Среди архивных дел фонда 241 необходимо указать на такие, как: дело № 1449 «О серебряной кружке, поднесенной караимам в Чуфут-Кале, от имени Екатерины, как знак милости караимам» (1848 г.), дело № 1695 «Переписка Севастопольского общества с Верховным правлением о приезде Екатерины в Чуфут-Кале, о школах и др.» (1860 г.), дело № 1662 «Письмо Майтопа (старосты Чуфут-Кале) в Джанкойское правление о приезде английского посла и <таврического> вице-губернатора в Чуфут-Кале» (1896 г.), дело № 1816 «Переписка Никопольского общества с Духовным правлением о кружке, подаренной в Чуфут-Кале в память посещения царской фамилией» (1861 г.), дело № 1820 «Переписка Духовного правления с обществами о постройке синагоги в Египте, о приезде князей в Бахчисарай и Чуфут-Кале из Петербурга» (1866 г.), дело № 1904 «О предоставлении общиной лошадей к приезду царя в Чуфут-Кале» (б. д.), а также ряд других материалов. Часть документов относится к участию караимских гахамов в высочайших аудиенциях, присутствию караимов на коронационных торжествах, общегосударственных праздниках; имеется информация о приемах высокопоставленных гостей в Чуфут-Кале и других местах проживания караимов; в некоторых документах речь идет о вручении августейшим особам ценных подарков от лица караимской общественности и духовенства и т. п.

[40, л. 19–25 об., 46; 42, л. 6, 44, 58, 79, 81, 83, 84, 89–91, 95–98, 115–119, 145-а; 24, с. 48, 49; 43, с. 140–168; 44, с. 273–299]. В большинстве случаев все документы составлены с учетом требований необходимой в таких случаях субординации и этикета того времени, а также бюрократических стандартов составления подобных бумаг.

Значительные по объему, но при этом не вводившиеся ранее в научный оборот сведения по истории крымских караимов обнаружены в материалах фондов ряда общегубернских и муниципальных учреждений Таврической губернии. Например, в фондах 489 ГКУ РК ГАРК «Бахчисарайская городская дума» (1795–1910 гг.) и 64 «Бахчисарайская городская управа» (1878–1920 гг.), которые насчитывают, соответственно 4082 и 2138 ед. хр., присутствует информация о численном составе караимских общин Бахчисарая и Чуфут-Кале. Среди них – именные списки караимского общества по выборам городских обывателей, управных старшин, по управлению гильдией купцов, списки лиц купеческого звания, объявивших сведения о капитале и подавших ходатайства о выдаче им купеческих свидетельств и паспортов; списки членов общины, принимавших участие в выборах кандидатов в Государственную Думу; информация о сборе денежных средств с караимов для найма квартир для нужд войсковых частей; данные об освобождении жителей Чуфут-Кале от уплаты городских и земских повинностей и т. д.

В архивных фондах сохранились (но не за все годы) метрические книги караимской общины Чуфут-Кале о родившихся, бракосочетавшихся и умерших караимах, что позволяет существенно уточнить статистические данные. Например, «ревизские сказки» по г. Бахчисараю, составленные по результатам проведенных в 1792 и 1796 гг. V и VI «народных ревизий», или переписей населения, и предоставленные в вышестоящие инстанции Бахчисарайским городским магистратом, являются весьма содержательным информативным документом по вопросу о численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII в. В деле № 499 «Ревизские сказки по 6-й ревизии 1795 года (перепись жителей г. Бахчисарая)» фонда 799 ГКУ РК ГАРК «Таврическое областное правление» имеются подробные сведения о семейном положении представителей купеческого сословия, принадлежавших, в том числе, и к 1-й, и к 3-й гильдиям, а также о членах их семей и материальном положении каждого представителя купеческой гильдии, «объявившего» свой капитал; в списках приведены данные относительно рождаемости и смертности, возрастных показателей членов общин, близкородственных и внутриобщинных связей и т. п. Ценность этих материалов состоит также и в возможности научной реконструкции биографий некоторых видных членов караимской общины Крыма [45, с. 40, 41]. В деле № 1666 «Метрические книги записей родившихся, умерших, бракосочетавшихся караимах в г. [Чуфут-]Кале (Бахчисарае)» фонда 241 содержатся подробные сведения о вышеуказанных категориях лиц, являвшихся членами караимской общины «пещерного города» в 1851–1859 гг. (язык документов – иврит).

Подборки справочных статистических данных о численности караимского населения, первоначально по Таврической губернии и Новороссийскому краю, а впоследствии – и по всей территории Российской империи, которые предоставляло ТОКДП

по требованию различных официальных органов, являются одной из самых многочисленных групп дел фондов ГКУ РК ГАРК. К ней относится широкий круг документов, в которых, помимо данных по численности караимского населения в Российской империи и за ее пределами, приводятся алфавитные списки караимов призывного возраста за разные годы, документация органов полицейского надзора Таврической губернии, сведения по освобождению караимского духовенства и членов их семей от налогов и военной службы, алфавитные списки лиц, получивших метрические свидетельства, паспорта, а также метрические книги, прошения о выдаче или исправлении документов, заявления о выдаче сведений о рождении смерти и бракосочетании и т. п. Среди ежегодных отчетов караимских газзанов, направлявшихся в ТОКДП, имеется подробная информация о численности и составе общины Чуфут-Кале [46, с. 634–705].

Одним из фондов ГКУ РК ГАРК, в которых собраны дела, непосредственно касающиеся караимских общин, является фонд 499 «Евпаторийского караимского общества». Он насчитывает 66 дел, сгруппированных в одну опись; хронологически дела охватывают период с 1829 по 1912 гг. Помимо прочих, в делах фонда имеются материалы, относящиеся к переписке евпаторийских караимов с бахчисарайской общиной и общиной Чуфут-Кале о состоянии учебных заведений Евпатории и других городов (1858–1859 гг.), о проведении в них экзаменов, о выдаче свидетельств выпускникам школ и училищ, об учителях и учащихся (1864, 1871, 1879, 1892 гг.).

Таким образом, в ходе работы с архивными документами были проанализированы материалы некоторых фондов ГКУ РК ГАРК, в которых собраны документы по истории караимских общин Российской империи конца XVIII – начала XX в. в целом и «пещерного города» Чуфут-Кале в частности. Выявлен массив сведений, ранее не вводившихся в научный оборот и являющихся важным источником для научной реконструкции прошлого караимской общины Чуфут-Кале. Прежде всего, следует указать на фонды 26, 64, 241, 489, в которых отложились дела, непосредственно относящиеся к истории «пещерного города» Чуфут-Кале конца XVIII – начала XX в. Среди них обращают на себя внимание документы по малоизученным и дискуссионным проблемам караимской истории: например, о деятельности известного караимского собирателя древностей А. С. Фирковича, полемика вокруг открытий которого продолжается в академических кругах до настоящего времени; о численности и социальной стратификации караимской общины Чуфут-Кале в разные периоды ее существования; об археологических охранных мероприятиях, проводившихся на плато Чуфут-Кале и на караимском кладбище в Иосафатовой долине с участием представителей российской и зарубежной научной общественности. Кроме того, были обнаружены материалы, иллюстрирующие перипетии судебно-правовых коллизий, центром которых становился «пещерный город» в XVIII – первом десятилетии XX в. Рассмотренные документы могут стать перспективным звеном в научной реконструкции многих малоизученных страниц истории Чуфут-Кале до-революционного периода.

Список использованных источников и литературы

1. Гаркави А. Я. О Коллекции восточных рукописей А. С. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале / А. Я. Гаркави, Г. М. Штрак // ЖМНП. – 1875. – № CLXXVIII. Ч. 4. – С. 5–49.
Garkavi A. Ya. O Kollektzii vostochnykh rukopisey A. S. Firkovicha, nakhodyashchikhsya v Chufut-Kale / A. Ya. Garkavi, G. M. Shtrak // ZhMNP. – 1875. – № CLXXVIII. Ch. 4. – S. 5–49.
2. Гаркави А. Я. К вопросу об иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму / А. Я. Гаркави // ЖМНП. – 1877. – № СХСII. Ч. 2. – С. 98–121.
Garkavi A. Ya. K voprosu ob iudeyskikh drevnostyakh, naydennykh Firkovichem v Krymu / A. Ya. Garkavi // ZhMNP. – 1877. – № СХСII. Ch. 2. – S. 98–121.
3. Гаркави А. [Я.] [О принадлежности Чуфут-Кале караимам] / А. [Я]. Гаркави // Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Московским археологическим обществом ; под. ред. А. В. Орешникова. – 1895. – № 7–8. – С. 273.
Garkavi A. [Ya.] [O prinadlezhnosti Chufut-Kale karaimam] / A. [Ya]. Garkavi // Arkheologicheskie izvestiya i zametki, izdavaemye imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom ; pod. red. A. V. Oreshnikova. – 1895. – № 7–8. – S. 273.
4. Гаркави А. [Я.] [Мнение о принадлежности Чуфут-Кале караимам] / А. [Я]. Гаркави // Одесский листок. – 1895. – 17 апреля.
Garkavi A. [Ya.] [Mnenie o prinadlezhnosti Chufut-Kale karaimam] / A. [Ya]. Garkavi // Odesskiy listok. – 1895. – 17 aprelya.
5. [Хвольсон Д. А.] Сборник еврейских надписей, содержащих надгробные надписи из Крыма и надгробные, и другие надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия, собранные и объясненные Д. А. Хвольсоном, заслуженным ординарным профессором при С.-Петербургском университете / [Д. А. Хвольсон]. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1884. – [3] с., IV–IX, 528 стб., 8 л. табл.
[Khvol'son D. A.] Sbornik evreyskikh nadpisey, soderzhashchikh nadgrobnye nadpisi iz Kryma i nadgrobnye, i drugie nadpisi iz inykh mest, v drevnem evreyskom kvadratnom shrifte, takzhe i obratzysy shriftov iz rukopisey ot IX–XV stoletiya, sobrannye i ob'yasnennyye D. A. Khvol'sonom, zaslužennym ordinarnym professorom pri S.-Peterburgskom universitete / [D. A. Khvol'son]. – SPb. : Tip. Imp. Akad. nauk, 1884. – [3] s., IV–IX, 528 stb., 8 l. tabl.
6. Куник А. А. Тохтамыш и Фиркович : По поводу спора о двух искаж.<женных> еврейских надписях и двух вымышл.<ленных> летосчислениях : Статья А. Куника : (Чит. в заседании Ист.-филол. отд-ния, 17 февр. 1876 г.). – СПб., 1876. – [4], 64 с.
Kunik A. A. Tokhtamysh i Firkovich : Po povodu spora o dvukh iskazh.<zhennykh> evreyskikh nadpisyakh i dvukh vymysl.<lennykh> letoschisleniyakh : Stat'ya A. Kunika : (Chit. v zasedanii Ist.-filol. otd-niya, 17 fevr. 1876 g.). – SPb., 1876. – [4], 64 s.
7. Г. Т. [Тимошевский Г. И.] Прогулка в Кыркор / Г. Т. [Г. И. Тимошевский] // Крым. – 1888. – № 39.
G. T. [Timoshevskiy G. I.] Progulka v Kyrkor / G. T. [G. I. Timoshevskiy] // Krym. – 1888. – № 39.
8. Бейм С. А. Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели / С. А. Бейм // Новороссийский календарь на 1859 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса : Гор. тип., 1858. – С. 436–444.
Beym S. A. Chufut-Kale i ego pervonachal'nye obitateli / S. A. Beym // Novorossiyskiy kalendar' na 1859 god, izdavaemuyu ot Rishel'evskogo litseya. – Odessa : Gor. tip., 1858. – S. 436–444.
9. Бейм С. Чуфут-Кале и караимы / С. Бейм. – СПб. : Тип. Кулиша, 1861. – 34 с.
Beym S. Chufut-Kale i karaimy / S. Beym. – SPb. : Tip. Kulisha, 1861. – 34 s.
10. Бейм С. А. Память о Чуфут-Кале / С. А. Бейм. – Одесса, 1862. – 82 с.
Beym S. A. Pamyat' o Chufut-Kale / S. A. Beym. – Odessa, 1862. – 82 s.
11. Казас И. И. О мерах к поддержанию Чуфут-Кале / И. И. Казас // ИТУАК. – Симферополь, 1890. – № 10. – С. 61–73.
Kazas I. I. O merakh k podderzhaniyu Chufut-Kale / I. I. Kazas // ITUAK. – Simferopol', 1890. – № 10. – S. 61–73.

12. Караим [Казас И. И.] По поводу мнимого открытия в Чуфут-Кале пещерной церкви / Караим [И. И. Казас] // Крым. – 1889. – № 121. – 13 октября.
- Karaim [Kazas I. I.] Po povodu mnimogo otkrytiya v Chufut-Kale peshchernoy tserkvi / Karaim [I. I. Kazas] // Krym. – 1889. – № 121. – 13 oktyabrya.
13. Ливанов Ф. В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников / Ф. В. Ливанов. – М. : Тип. «Современные известия», 1874. – 95 с.
- Livanov F. V. Chufut-Kale (iudeyskaya krepost') v Krymu. S prisoedineniem maloissledovannoy eshche v Rossi sekty karaimov. Sostavleno i izdano dlya puteshestvennikov / F. V. Livanov. – M. : Tip. «Sovremennye izvestiya», 1874. – 95 s.
14. Шапшал С. М. Караимы и Чуфут-Кале в Крыму : Краткий очерк / С. М. Шапшал. – СПб. : типо-лит. и фототип. П. И. Бабкина, 1896. – 36 с.
- Shapshal S. M. Karaimy i Chufut-Kale v Krymu : Kratkiy ocherk / S. M. Shapshal. – SPb. : tipo-lit. i fototip. P. I. Babkina, 1896. – 36 s.
15. Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Калэ, называемый ныне Чуфут-Калэ / М. Я. Фиркович. – Вильно, 1907. – 48, [2] с.
- Firkovich M. Ya. Starinnyy karaimskiy gorodok Kale, nazyvaemyy nyne Chufut-Kale / M. Ya. Firkovich. – Vil'no, 1907. – 48, [2] s.
16. Боданинский У. А. Чуфут-Кале : По материалам раскопок 1928–1929 гг. / У. А. Боданинский, Б. Н. Засыпкин, О. А. Акчокраклы. – Симферополь, 1929. – Т. III (60). – С. 14–15.
- Bodaninskiy U. A. Chufut-Kale : Po materialam raskopok 1928–1929 gg. / U. A. Bodaninskiy, B. N. Zasyppkin, O. A. Akchokrakly. – Simferopol', 1929. – T. III (60). – S. 14–15.
17. Герцен А. Г. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1993. – 128 с.
- Gertsen A. G. Krepost' dragotsennostey. Kyrk-or. Chufut-Kale / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev. – Simferopol' : Tavriya, 1993. – 128 s.
18. Герцен А. Г. Чуфут-Кале – иудейская крепость / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Евреи Крыма : Очерки истории. – Симферополь ; Иерусалим, 1997. – С. 27–33.
- Gertsen A. G. Chufut-Kale – iudeyskaya krepost' / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev // Evrei Kryma : Ocherki istorii. – Simferopol' ; Ierusalim, 1997. – S. 27–33.
19. Герцен А. Г. Этническая история Чуфут-Кале / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крым : Сб. науч. тр. / Под ред. А. И. Айбабина. – Симферополь, 1999. – С. 48–52.
- Gertsen A. G. Etnicheskaya istoriya Chufut-Kale / A. G. Gertsen, Yu. M. Mogarichev // Istoricheskiy opyt mezhnatsional'nogo i mezkhkonnatsional'nogo soglasiya v Krym : Sb. nauch. tr. / Pod red. A. I. Aybabina. – Simferopol', 1999. – S. 48–52.
20. Фельдман Д. З. С. А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) / Д. З. Фельдман // Восток. Афро-Азиатские общества : История и современность. – М., 2000. – № 3. – С. 53–63.
- Fel'dman D. Z. S. A. Beym – glava karaimskoy obshchiny Kryma (po arkhivnym materialam) / D. Z. Fel'man // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva : Istoriya i sovremennost'. – M., 2000. – № 3. – S. 53–63.
21. Кизилов М. Караимские некрополи Мангупа и Чуфут-Кале по описаниям путешественников и ученых XVIII–XIX вв. / М. Кизилов // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Под ред. В. В. Мочаловой. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 191–205.
- Kizilov M. Karaimskie nekropolii Mangupa i Chufut-Kale po opisaniyam puteshestvennikov i uchenykh XVIII–XIX vv. / M. Kizilov // Materialy Vos'moy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike / Pod red. V. V. Mochalovoy. – M., 2001. – Ch. 1. – S. 191–205.
22. Кизилов М. Б. Крымские пещерные города по описанию Е. Скирмунт (Поята) / М. Б. Кизилов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2002. – Вып. IX. – С. 543–548.
- Kizilov M. B. Krymskie peshchernye goroda po opisaniyu E. Skirmunt (Poyata) / M. B. Kizilov // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2002. – Vyp. IX. – S. 543–548.

23. Kizilov M. The Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements / M. Kizilov // *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources* / ed. by M. Polliack. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – P. 759–787.
24. Прохоров Д. А. Чуфут-Кале – «Иудейская крепость» в Крыму – как экскурсионный объект в конце XIX – начале XX в. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) / Д. А. Прохоров, М. Б. Кизилев // *Параллели. Русско-еврейский альманах* / Под ред. К. Бурмистрова. – М. : Дом Еврейской книги, 2009. – № 10–11. – С. 41–61.
- Prokhorov D. A. Chufut-Kale – «Judeyskaya krepost'» v Krymu – kak ekskursionnyy ob'ekt v kontse XIX – nachale XX v. (K probleme ispol'zovaniya pamyatnikov karaimskoy istorii i kul'tury) / D. A. Prokhorov, M. B. Kizilov // *Paralleli. Russko-evreyskiy al'manakh* / Pod red. K. Burmistrova. – M. : Dom Evreyskoy knigi, 2009. – № 10–11. – S. 41–61.
25. Белый О. Б. Караимская община Чуфут-Кале (обзор источников и историографии) / О. Б. Белый // *Проблемы истории пещерных городов в Крыму. – Симферополь : Таврия, 1992. – С. 151–163.*
- Belyu O. B. Karaimskaya obshchina Chufut-Kale (obzor istochnikov i istoriografii) / O. B. Belyu // *Problemy istorii peshchernykh gorodov v Krymu. – Simferopol' : Tavriya, 1992. – S. 151–163.*
26. Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского правления в ГААРК) / О. Б. Белый // *Крымский музей. – Симферополь : Таврия, 1995/1996. – С. 105–117.*
- Belyu O. B. Obzor arkhivnykh dokumentov po istorii karaimskoy obshchiny v pervoy polovine KhIKh v. (Po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo pravleniya v GAARK) / O. B. Belyu // *Krymskiy muzey. – Simferopol' : Tavriya, 1995/1996. – S. 105–117.*
27. Белый О. Б. Новые материалы к биографии Соломона Бейма / О. Б. Белый // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь. 2003. – Вып. X. – С. 639–666.*
- Belyu O. B. Novye materialy k biografii Solomona Beyma / O. B. Belyu // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol'. 2003. – Vyp. X. – S. 639–666.*
28. Прохоров Д. А. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из государственного архива в АР Крым / Д. А. Прохоров, О. Б. Белый // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2008. – Вып. XIV. – С. 513–573.*
- Prokhorov D. A. Obzor dokumentov fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo dukhovnogo pravleniya iz gosudarstvennogo arkhiva v AR Krym / D. A. Prokhorov, O. B. Belyu // *Materialy po arkheologii, ist i etnografi Tavrii. – Simferopol', 2008. – Vyp. XIV. – S. 513–573.*
29. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 240.
- Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym» (GKU RK GARK). F. 241. Op. 1. D. 240.
30. [Фиркович З. А.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов / [З. А. Фиркович]. – СПб. : Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. – 223 с.
- [Firkovich Z. A.] Sbornik starinnykh gramot i uzakoneniy Rossiyskoy imperii kasatel'no prav i sostoyaniya russo-poddannykh karaimov / [Z. A. Firkovich]. – SPb. : Leshtukovskaya Parovaya Skoropechatnya P. O. Yablonskogo, 1890. – 223 s.
31. Протокол заседания ТУАК 30 мая 1887 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – № 1. – С. 15–22.
- Protokol zasedaniya TUAK 30 maya 1887 g. // ITUAK. – Simferopol', 1897. – № 1. – S. 15–22.
32. Переписка Бахчисарайской общины (из дневника Б. Кокеная) // *Мозаика культуры крымских караимов. – Симферополь, 2006. – С. 47–50.*
- Perepiska Bakhchisarayskoy obshchiny (iz dnevnika B. Kokenaya) // *Mozaika kul'tury krymskikh karaimov. – Simferopol', 2006. – S. 47–50.*
33. L. Z. Podróż naukowa T. S. Lewi-Babowicza // *Myśl Karaimska. – Wilno, 1 czerwca 1928. – T. 1, Z. IV–V. – S. 79–81.*
34. Положение Чуфут-Кале // *Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 2, июль. – С. 78.*
- Polozhenie Chufut-Kale // *Karaimskaya zhizn'. – M., 1911. – Kn. 2, iyul'. – S. 78.*

35. ГКУ РК ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499.
GKU RK GARK. F. 26. Op. 2. D. 499.
36. ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 727.
GKU RK GARK. F. 241. Op. 1. D. 727.
37. Прохоров Д. А. Деятельность ТУАК–ТОИАЭ по изучению истории, этнокультурных и конфессиональных традиций крымских караимов (1887–1930 гг.) / Д. А. Прохоров // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 19. – С. 162–177.
Prokhorov D. A. Deyatel'nost' TUAK–TOIAE po izucheniyu istorii, etnokul'turnykh i konfessional'nykh traditsiy krymskikh karaimov (1887–1930 gg.) / D. A. Prokhorov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2007. – № 19. – S. 162–177.
38. ГКУ РК ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1477.
GKU RK GARK. F. 27. Op. 13. D. 1477.
39. Из-за воды (Спор Чуфут-Кале с Успенским скитом) // Салгир. – 1902. – № 236. – 27 октября.
Iz-za vody (Spor Chufut-Kale s Uspenskim skitom) // Salgir. – 1902. – № 236. – 27 oktyabrya.
40. ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 818.
GKU RK GARK. F. 241. Op. 1. D. 818.
41. Исторические права на землю // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 2, июль. – С. 31–34.
Istoricheskie prava na zemlyu // Karaïmskaya zhizn'. – M., 1911. – Kn. 2, iyul'. – S. 31–34.
42. ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.
GKU RK GARK. F. 241. Op. 1. D. 1.
43. Прохоров Д. А. «Отдали себя в покровительство Вашего Величества добровольно и усердно»: К вопросу о контактах крымских караимов с представителями династии Романовых в конце XVIII – 60-х годах XIX вв. / Д. А. Прохоров // Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. Том II. Научные труды по иудаике / Под ред. В. В. Мочаловой и др. – М.: Центр «Сэфер», 2013. – С. 140–168.
Prokhorov D. A. «Otdali sebya v pokrovitel'st Vashego Velichest dobrovol'no i userdno»: K voprosu o kontaktakh krymskikh karaimov s predstaviteleya dinast Romanovykh v kontse XVIII – 60-kh godakh XIX vv. / D. A. Prokhorov // Materialy XX Mezhdunarodnoy ezhegodnoy konferentsii po iudaïke. Tom II. Nauchnye trudy po iudaïke / Pod red. V. V. Mochalovoy i dr. – M.: Tsentr «Sefer», 2013. – S. 140–168.
44. Прохоров Д. А. К истории визитов членов императорской семьи Романовых в «пещерный город» Чуфут-Кале в XIX – начале XX вв. / Д. А. Прохоров // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь; Тюмень, 2014. – С. 273–299.
Prokhorov D. A. K istorii vizitov chlenov imperatorskoy sem'i Romanovykh v «peshchernyy gorod» Chufut-Kale v XIX – nachale XX vv. / D. A. Prokhorov // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. – Sevastopol'; Tyumen', 2014. – S. 273–299.
45. Прохоров Д. А. К проблеме численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII века // Проблемы сохранения культурного и исторического наследия крымских татар: Тез. докл. научной конференции, г. Бахчисарай, 28 апреля 2016 г. – Бахчисарай, 2016. – С. 40–41.
Prokhorov D. A. K probleme chislennosti i sotsial'noy differentsiatsii karaïmskoy obshchiny Chufut-Kale v kontse XVIII veka // Problemy sokhraneniya kul'turnogo i istoricheskogo naslediya krymskikh tatar: Tez. dokl. nauchnoy konferentsii, g. Bakhchisaray, 28 aprelya 2016 g. – Bakhchisaray, 2016. – S. 40–41.
46. Прохоров Д. А. Статистика караимского населения Российской империи в конце XVIII – начале XX в. / Д. А. Прохоров // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. – Вып. XVII. – Симферополь; Керчь, 2012. – С. 634–705.
Prokhorov D. A. Statistika karaïmskogo naseleniya Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX v. / D. A. Prokhorov // Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii. – Vyp. XVII. – Simferopol'; Kerch', 2012. – S. 634–705.

Prokhorov D.A. Documents on the history of «cave city» Chufut-Kale in the State Archive of the Republic of Crimea (pre-revolutionary period) / D. A. Prokhorov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. , No. 2. – P. 75–90.

In the late nineteenth and early twentieth cent, Chufut-Kale became an object of great attention from the members of Karaite community, as well as learned people of Taurida governorate and important academic circles who took steps to study this cave town. For this purpose, Karaite museum and library were created; numerous excursions were organised; many Karaite communities and their individual members donated large sums of money for protection and restoration of this unique monument of history and culture. Revealed an array of information that were not previously introduced into scientific circulation, and is an important source for the scientific reconstruction of the past of the Karaite community of Calais. First of all, we should point out the archive funds 26, 64, 241, 489, where the deposited matters directly related to the history of “cave city” Chufut-Kale late nineteenth and early twentieth century. Among them are drawn to the attention of the documents on the poorly known and controversial issues Karaite’s history. For example, on the activities of the famous Karaite collector of antiquities Abraham Firkowicz, controversy surrounding the discovery of which continues in academia to date; on the number and the social stratification of the Karaite community of Chufut-Kale in different periods of its existence; on archaeological conservation activities carried out at Chufut-Kale plateau and Karaite cemetery in Valley of Josaphat with representatives of Russian and foreign scientists. In addition, the materials were found, illustrating the vicissitudes of judicial and legal conflicts, which became the center of “cave city” eighteenth and early twentieth – the first decade of twentieth. The above documents can be a promising step in the scientific reconstruction of many little-known pages of history of Chufut-Kale pre-revolutionary period.

Keywords: Chufut-Kale, Karaites, Tavrida governorate, Historic-Cultural and Architectural Heritage.

УДК 94 (477.75-21) «065/084» 355.02

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЛИКЕ ГОРОДИЩ-ПОЛИСМ И «КАСТРА ПЛЕМЕН»
В ОКРЕСТНОСТЯХ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX в.**

Сорочан С. Б.

**Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьков, Украина
e-mail: ssoro4an@yandex.ua**

В статье поднимается проблема положения и состояния городков, поселений – кастра и полисм – на территории Юго-Западного Крыма в хазарскую эпоху. Анализ имеющихся материалов источников позволяет предположить, что в условиях византийско-хазарского паритета и сотрудничества, в том числе на крымских землях, местные поселения и «кастра племен» в большинстве случаев потеряли характер оборонительных центров, убежищ, а оставались иногда совсем неукрепленными поселениями, причем под контролем византийских властей, который осуществлялся через Херсон.

Ключевые слова: Византия, хазары, Крым, «пещерные города», полисматон, кастрон.

Достаточно верно представляя схему организации византийской обороны в Юго-Западном Крыму, исследователи полагают, что эта система перестала функционировать, когда византийцы вывели свои гарнизоны из крепостей в связи с «... укреплением власти хазар в Крыму и стабилизацией военно-политической обстановки в регионе», так что после начала VIII в. система союзников, энспондов – федератов Империи оказалась здесь упразднена [1, с. 70; 2]. С этим, равно как и с объяснением главной причины происшедших изменений, можно согласиться лишь отчасти. Самое главное, облик и содержание здешних поселений и укреплений, известных в нарративных источниках как полисмы и кастра, имевших отношение к местному населению, а не только к византийской военно-административной структуре, остается неясным, как неясны и их функции, которые неминуемо должны были измениться после того, как тюркская военная угроза византийским владениям на крымских землях окончательно исчезла к 30-м гг. VII в. вместе с концом Тюркского каганата. Встает вопрос: в каком виде и в каком качестве они должны были существовать в новую, хазарскую эпоху, наступившую с конца VII в.?

Нет сомнений в том, что кастра (*kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon, castris gentium*), упоминаемые в мартирии братьев Евпрепия и Феодора, относящемся к событиям середины VII в. [3, с. 14, sec. 3; 4, col. 684 D] продолжали существовать и позже, равно как и окружавшие их окрестные поселения, численность которых ко второй половине VIII в. даже возросла, особенно в Восточном Крыму, вместе с ростом народонаселения, существенными демографическими изменениями, подобными взрыву [5, с. 192–193; 6, с. 136; 7, с. 244–245; 8, с. 148–149; 9, с. 117–118; 10,

с. 103–145]. Говорить об их разрушении хазарами нет оснований [11, с. 21, 53; ср.: 12, с. 150–152]. Простатевонты этих поселений, городков, крепостей Таврики играли активную роль в политических событиях 710–711 гг., приведших к узурпации трона Варданом Филиппиком и поддерживавших его противников Юстиниана II. До двадцати архонтов, управлявших этими городками и областями, понесли одинаковое наказание с херсонскими протевонами и, как утверждают источники, «вынуждены были задумать» вместе с прочими жителями кастра против Юстиниана II, обратившись за военной помощью к хагану хазар [13, с. 41, 64, 156, 164–165].

Совершенно прав в своем заключении относительно происходившего в Таврике издатель и вдумчивый комментатор Феофана Исповедника И. С. Чичуров, отмечавший, что все описанные события 710–711 гг. указывают не на конфликт Херсона с Империей ромеев, а на враждебность херсонитов к одному из ее василевсов [13, с. 130, коммент. 344]. По этому поводу достаточно указать, что глава городской администрации Херсона, как бы он ни назывался – протополит, архонт, протевон, «первенствующий», утверждался византийским императором [14, с. 570; 15, с. 435–474], но повод к мятежу не был связан с данным обстоятельством, очевидно, не столь волновавшим херсонитов. Добавим, что «инсургенты» не ставили целью отстоять некое «самоуправление», «внутреннюю автономию», которой они не обладали, и тем более расшатать существующую ромейскую административную систему, навсегда отложиться от Империи [ср.: 16, с. 23; 17, с. 332–333; 18, с. 72; 19, с. 434]. Это не было антивизантийское народное выступление, и его руководители были не только из числа местных. Подобные, отнюдь не уникальные примеры обнаруживаются и в истории других ромейских городов [подр. см.: 20, с. 21–46]. Наконец, это не была война между Хазарией и Византией, между которыми не было даже даннических отношений.

В этой связи показательным, что узурпатор, претендент на трон василевса, знатный каппадокийский армянин Вардан не очень доверял херсонитам, которые, очевидно, могли выдать его представителям «законного» императора так же, как в свое время они собирались это сделать в отношении самого Юстиниана II. Не потому ли, когда обстановка вокруг Херсона накалилась и легко могла выйти из-под контроля местных имперских властей, новый претендент на престол, при всей бесшабашности его лихого характера, довольно умно решил на всякий случай укрыться во владениях хагана. Только когда херсониты прислали послов с просьбой вернуть им Вардана, уже провозглашенного василевсом армией, местными ромейскими властями и горожанами, хаган пошел на это, связав ромеев клятвами в безопасности Вардана и потребовав солидный залог золотом с горожан и ромейских воинов, перешедших на сторону узурпатора [ср.: 13, с. 41, 157]). Примечательно, что хазары выступают в указанных выше событиях и по сути дела, и по факту как наемное войско – появляются только по приглашению, через послов, херсонитов и обитателей прочих кастра, полисмата и после выполнения услуги требуют оплаты, лишь для видимости замаскированной под залог [21, с. 347]. Но при всем том претензии на политическое господство в здешнем крае не приходят им в голову. Видимо, статус своеобразного

«кондоминиума» на крымских землях вполне устраивал хагана, не стремившегося портить отношения с могущественным, выгодным союзником, особенно полезным в войне с наседавшими арабами.

Поэтому события в Херсоне, Боспоре и крымских архонтиях никак нельзя рассматривать как попытку Юстиниана II «силой возвратить Дори», над которым хазары якобы установили господство, то есть как войну хаганата и Империи за Крым [ср.: 16, с. 23; 22, с. 59]. Ни Феофан, ни Никифор прямо не отождествляли Таврику с Хазарией: херсониты и представители властей других крымских городков-крепостей – кастра и полисмата – посылали за помощью «к хагану в Хазарию» (*pros ton Chaganon eis Chazarian*), то есть за пределы своих владений, за пределы «готфской земли», где, значит, они, не находили поддержки «оккупантов» – хазар [13, с. 41, 64; ср.: с. 156, 165]. Примечательно: хазары, призванные через византийских послов на помощь городу, появились не сразу, что тоже говорит в пользу отсутствия их постоянных воинских контингентов в здешних землях, какие они обычно имели в покоренных чужеземных областях [24, с. 62]. При принятии предположения о некоем «кондоминатном» статусе большей части земель Таврики в VIII в. это становится особенно понятным.

Кроме того, нельзя переоценивать значимость факта посылки за хазарским войском, ведь тот же Юстиниан Ринотмет в 705 г. и Анастасий II (Артемий) в 718 г. использовали булгар в военно-политической борьбе за константинопольский престол [24, р. 374; 25, р. 126], но из этого не следует, что на Византию распространялась власть Болгарского ханства. Как до, так и после событий октября – ноября 711 г. отношения Византии и Хазарии носили преимущественно мирный и дружественный характер. Хазарам не могли возвратить Херсон в виде некоего «взноса» в поддержку Вардана Филиппика, поскольку город не принадлежал им, в нем были и остались ромейские власти. Тем не менее помощь, оказанная хазарами в возведении на престол нового императора, не осталась им забыта [26, с. 199–200]. Хаганат и далее сохранял прочный, долговременный союз с Византией, а также заключил выгодный для обеих сторон договор о совместной борьбе против общего врага – арабов – и о разделе сфер влияния в Закавказье.

Применительно собственно к Херсону византийско-хазарский «кондоминиум» оказался кратковременным: после 711 г. специального чиновника (тудуна), представлявшего интересы хазар «от лица хагана», в городе более не было. Однако в целом статус Крымского полуострова не изменился, поскольку не изменились отношения василевсов к хаганату. Как в свое время верно заметил А. Л. Якобсон, «политический союз Византии и хазарского кагана, подтвержденный в 732 г. браком сына императора Льва III с дочерью “династа скифов” – хазарского кагана (в крещении Ириной), исключал владычество хазар в Таврике» [27, с. 205; ср.: 24, р. 409. 30–410. 3]. К сожалению, эта ключевая прогрессивная идея не была замечена исследователями ни до, ни после ее выдвижения, хотя она могла бы многое объяснить в парадоксальности крымской ситуации если не до момента создания здесь византийской фемы в 835–841 гг., то по меньшей мере до 70-х гг. VIII в., когда ситуация с хазарами стала

обостряться и они действительно предъявили на крымские земли политико-территориальные претензии, ставшие разрушать прежнее состояние взаимного мирного, паритетного сотрудничества [12, с. 151–152].

Но пока до этого было далеко. В значительной степени женитьба наследника престола Романии на хазарской принцессе явилась следствием ожесточенных арабско-хазарских войн 728–733 гг., в результате которых хазары потерпели несколько поражений, и поэтому византийцы пошли на экстраординарное укрепление военного союза со своим «нечестивым» с точки зрения веры, но главным партнером по борьбе с исламским халифатом. Новое поражение хазар в 737 г. в результате похода арабов на Кавказ и в Прикаспий даже привело к принятию хаганом хазар мусульманства и к установлению на некоторое время зависимости хаганата от арабов. Нельзя не согласиться, что при таком положении реальное значение хазар на территории Крымского полуострова, по крайней мере, до середины VIII в., было небольшим, и они не могли одновременно удерживать в повиновении весь регион или даже только «Восточный Крым и степи западной части» [6, с. 136; 16, с. 23]. В подобной ситуации Таврике гораздо проще было оставаться зоной двойного владения обоих государств, когда ни одно из них не смотрело друг на друга как на врага и каждая сторона оставалась при своих интересах. К тому же надо учитывать, что само понятие «граница» не соответствовало нынешним представлениям, являясь весьма аморфной, лимитрофной, что ясно осознавали обе стороны, контактировавшие на крымских землях в VIII в.

Исходя из этого важнейшего обстоятельства, обязательно следует учитывать, что в зоне византийско-хазарского соприкосновения в Крыму, ввиду устойчивых союзных, вполне доброжелательных, паритетных отношений, на первых порах не было особой нужды в милитаризации жизни, поэтому свертывание военных контингентов, фортификационного строительства, ощущаемое в это время, имело причиной отнюдь не хазарское господство или военные погромы. Как убежища эти крепости «племен» теперь надолго оказались не нужны, что породило у исследователей превратное представление о «замирании жизни». На деле не с упадком и обезлюдением, а со сравнительно мирной обстановкой, порожденной отношениями своеобразного византийско-хазарского «совладения» на крымских землях, можно связать археологически засвидетельствованный факт разборки, скорее всего, именно в VIII в. оборонительных стен на «пещерном городище» Тепе-Кермене [28, с. 29]. То же произошло на Эски-Кермене на южном участке, около главных ворот этого «пещерного городища», и на участке, защищавшем так называемый осадный источник, после чего городище продолжало существовать в режиме открытого поселения, как и Тепе-Кермен, потеряв прежнюю роль военного центра, опорной базы федератов [29, с. 117; 30, с. 250, 253–254]. Причем это обстоятельство не помешало обновлению или капитальной перестройке почти в то же самое время большой трехапсидной базилики городища и началу вырубки «пещерных» церквей [31, с. 293–294; 32, с. 99–113]. «Пещерные» сооружения высечены на месте «постелей» крепостной стены, которая была разобрана, как и протехисма перед южными воротами. Один из трех маршей дороги, ведущей к воротам, был срублен, а затем восстановлен вымосткой. Вообще,

весь южный оборонительный узел был со временем, не ранее IX в., заменен двумя «пещерными» храмами у подъемной дороги и церковно-погребальным комплексом так называемого «Судилища». Новая оборонительная стена была восстановлена, но позже, из некрупных тесаных камней вторичного использования, положенных насухо [29, с. 131]. Едва ли все эти постепенно накапливавшиеся изменения одного порядка можно объяснить некими военными катастрофами, репрессиями хазар после подавления антихазарского выступления Иоанна Готского в 787 г. и тем более последствиями неопределенного «похода князя Бравлина». В любом случае, только вполне благополучный «кастрон», административно-церковный и торговый центр окружи, не зная врагов и погромов, мог решиться на такие шаги.

Этим же объясняется отсутствие укреплений у некоторых местных полисмат, явно игравших роль районных административно-территориальных центров архонтий, позже – климата во главе с собственными простатевонтами или игемонами. Они явно находились не просто в сфере влияния Византии, но были подконтрольны властям Империи ромеев. О том, что это были реальные византийские владения, свидетельствуют находки на них или рядом с ними моливдулов византийских функционеров, как это прослеживается на Мангупе (Доросе) VII в. (печать патрикия Дорофея), в окрестностях городища Эски-Кермен (печать архонта Херсона Григория первой половины IX в.), городища в балке Бермана на Гераклейском полуострове (печать диойкита Халдии Михаила первой половины IX в.) [33, с. 19; 34, с. 9–13]. Судя по указаниям нарративных источников на численность простатевонтов таких полисм – городков, в Юго-Западной Таврике их было не менее двух десятков.

В плане важного уточнения того, что они собой представляли, особый интерес представляют раскопки недостаточно изученного средневекового поселения «Приморское», которое занимало большую площадь – около 20 га – в юго-западной и центральной части Ласпинской котловины [35, л. 74–76]. Расположенное в благодатном месте, в самом теплом и мягком уголке Крыма со средней годовой температурой 13,3°, оно имело удобную связь с Херсоном морем через соседний Символон (Балаклаву), а по суше – через Байдарскую долину [36, с. 32]. Наряду с однокамерными и двухкамерными домишками, находившимися на краях террас, здешний полисматон, раскинувшийся на большом каменистом холме и на склонах двух глубоких оврагов, располагал несколькими крупными многокамерными постройками, сложенными из крупного рваного камня, оштукатуренными и расписанными. Полы их были вымощены плиткой, а стены выложены в технике *opus mixtum*, хорошо известной исключительно в общественных сооружениях ранневизантийского Херсона и, надо подчеркнуть, нигде более за его пределами в Крыму не встречавшейся. Почти в центре поселения, которое можно рассматривать как протогород, находился большой крытый черепицей двухэтажный дом из нескольких обширных помещений, располагавшихся террасами (развал камней здания занимает площадь около 200 м²). Полевые наблюдения показывают, что стены его тоже были оштукатурены и расписаны синей и черной красками. Наряду с керамидами, плиткой, четырех- и треугольными плитками, овальными керамическими и мраморными плитками от интерьера этого здания дворцового облика

найлены фрагменты капители с изображением на углах звериных голов, карниз со стилизованным аканфом. Не исключено, что престижное сооружение могло являться резиденцией здешнего простатевонта, осуществлявшего власть от лица византийской державы. В этой связи особое и многозначительное место среди находок занимает вислая свинцовая печать конца VIII – первой половины IX в. с надписью «Нотарию Димитрию» на одной стороне и «Богородица помощи – тетраграмма – твоему рабу» [33, с. 19]. О времени существования урбанизированного поселения позволяет также судить многочисленный керамический материал VIII–XV вв. Он указывает на то, что здешняя полисма продолжала существовать и в хазарский, и в фемный период истории Таврики, оставаясь всегда под контролем византийских властей, шедшим прежде всего через Херсон, который в свою очередь контактировал с чиновниками из столицы империи и других районов Византии [37, с. 415–424; 38, с. 11; 15, с. 435–474; 39, с. 191–192; 40, с. 220]. Последующие полномасштабные раскопки этого урбанизированного памятника представляются весьма перспективными, поскольку демонстрируют не укрепленные, лучше изученные городища, как в случае с такими «кастра соседних племен», как Мангуп-Дорос или Эски-Кермен, а, очевидно, типичный полсмадон, один из тех, какие имели в виду византийские хронисты конца VIII – начала IX в., описывая крымские события 710–711 гг.

Список использованных источников и литературы

1. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. / В. Л. Мыц. – Киев : Наукова думка, 1991. – 164 с.
Myts V. L. Ukrepleniya Tavriki X–XV vv. / V. L. Myts. – Kiev : Naukova dumka, 1991. – 164 с.
2. Сидоренко В. А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII в.) : Автореф. ... дисс. ... канд. ист. наук / В. А. Сидоренко. – СПб., 1994. – 21 с.
Sidorenko V. A. Federaty Vizantii v Yugo-Zapadnom Krymu (poslednyaya chetvert' III – nachalo VIII v.) : Avtoref. ... diss. ... kand. ist. nauk / V. A. Sidorenko. – SPb., 1994. – 21 s.
3. Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton syn auto (по cod. Vaticanus gr. 1671, X в.) // Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима исповедника. – К., 1917. – С. 5–17.
Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton syn auto (по cod. Vaticanus gr. 1671, X v.) // Epithanovich S. L. Materiali k izucheniyu zhisni i tvorenij prep. Maksima ispovednika. – Kiev, 1917. – S. 5–17.
4. Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Hypnomesticon de Gestis S. Maximi, etc. Sholion sive Hypomnesticum // Patrologiae cursus completus. Patrologiae latina / ed. J.-P. Migne. – Paris, 1853. – Т. 129. – Col. 658–702.
5. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики / А. Л. Якобсон // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1970. – № 168. – 286 с.
Yakobson A. L. Rannesrednevekoveye poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki / A. L. Yakobson // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1970. – № 168. – 286 s.
6. Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики / А. Л. Якобсон // Античная древность и средние века. – Свердловск : УрГУ, 1973. – Вып. 10. – С. 131–138.
Yakobson A. L. Kul'tura i etnos rannesrednevekovykh selishch Tavriki / A. L. Yakobson // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Sverdlovsk : UrGU, 1973. – Vyp. 10. – S. 131–138.
7. Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма / И. А. Баранов // Археология Украинской ССР. – Киев : Наукова думка, 1986. – Т. 3. – С. 231–248.

- Baranov I. A. Pamyatniki rannesrednevekovogo Kryma / I. A. Baranov // *Arkheologiya Ukrainskoy SSR*. – Kiev : Naukova dumka, 1986. – Т. 3. – С. 231–248.
8. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья / И. А. Баранов. – Киев : Наукова думка, 1991. – 286 с.
- Baranov I. A. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya / I. A. Baranov. – Kiev : Naukova dumka, 1991. – 286 s.
9. Сорочан С. Б. Оторгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. / С. Б. Сорочан // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 114–119.
- Sorochan S. B. O torгово-ekonomicheskoy politike Vizantii v Tavrike VII IX vv. / S. B. Sorochan // *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*. – Simferopol', (1995) 1996. – S. 114–119.
10. Могаричев Ю. М. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, А. К. Шапошников. – Симферополь : АнтикВА, 2007. – 348 с.
- Mogarichev Yu. M. Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «khazarskogo perioda» / Yu. M. Mogarichev, A. V. Sazanov, A. K. Shaposhnikov. – Simferopol' : AntikvA, 2007. – 348 s.
11. Филиппенко В. Ф. Каламита – Инкерман : Крепость и монастырь / В. Ф. Филиппенко. – Севастополь : Б. и., 1997. – 126 с.
- Filipenko V. F. Kalamita – Inkerman : Krepost' i monastyr' / V. F. Filipenko. – Sevastopol' : B. i., 1997. – 126 s.
12. Могаричев Ю. М. Крым между Византией и Хазарией : Северная периферия Империи ромеев в VIII – середине X вв. / Ю. М. Могаричев // Империя ромеев во времени и пространстве : Центр и периферия. Тез. Докл. XXI Всероссийской науч. сессии византистов / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. – М. ; Белгород : Эпицентр, 2016. – С. 150–152.
- Mogarichev Yu. M. Krym mezhdru Vizantiei i Khazariei : Severnaya periferiya Imperii romeov v VIII – seredine Kh vv. / Yu. M. Mogarichev // *Imperiya romeov vo vremeni i prostranstve : Tsentr i periferiya. Tez. Dokl. XXI Vserossiyskoy nauch. sessii vizantinistov / Pod red. M. V. Gratsianskogo, P. V. Kuzenkova*. – M. ; Belgorod : Epitsentr, 2016. – S. 150–152.
13. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения : «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий / И. С. Чичуров. – М. : Наука, 1980. – 216 с.
- Chichurov I. S. Vizantiyskie istoricheskie sochineniya : «Khronografiya» Feofana, «Breviariy» Nikifora. Teksty, perevod, kommentariy / I. S. Chichurov. – M. : Nauka, 1980. – 216 s.
14. Храпунов Н. И. Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX в. // Проблемы истории, филологии и культуры. – М. ; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 557–579.
- Khrapunov N. I. Administratsiya vizantiyskogo Khersona v VIII – nachale IX v. // *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. – M. ; Magnitogorsk, 2002. – Vyp. 12. – S. 557–579.
15. Алексеенко Н. А. Имперская администрация Херсона : От архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) / Н. А. Алексеенко // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 : Древняя Русь и средневековая Европа : Возникновение государств / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – С. 435–474.
- Alekseenko N. A. Imperskaya administratsiya Khersona : Ot arkhontii do katepanata (po dannym sfragistiki) / N. A. Alekseenko // *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2014 : Drevnyaya Rus' i srednekovaya Evropa : Vozniknovenie gosudarstv / Otv. red. T. N. Dzhakson*. – M. : Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016. – S. 435–474.
16. Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – М. : Наука, 1986. – 163 с.
- Pletneva S. A. Khazary S. A. Pletneva. – M. : Nauka, 1986. – 163 s.
17. Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты / К. Цукерман // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2001. – Вып. 8. – С. 328–337.
- Tsukerman K. Khazary i Vizantiya: pervye kontakty / K. Tsukerman // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. – Simferopol', 2001. – Vyp. 8. – S. 328–337.
18. Науменко В. Е. К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. / В. Е. Науменко // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 70–72.

- Naumenko V. E. K voprosu o khazarskom «tudune» v Khersonese v nachale VIII v. / V. E. Naumenko // *Kumulyatsiya i translyatsiya vizantiyskoy kul'tury. Materialy XI nauch. Syuzyumovskikh chteniy.* – Ekaterinburg, 2003. – S. 70–72.
19. Науменко В. Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в. : Византийская версия / В. Е. Науменко // *МАИЭТ.* – 2003. – Вып. 10. – С. 431–452.
- Naumenko V. E. Khazarskiy «tudun» v Khersonese v nachale VIII v. : Vizantiyskaya versiya / V. E. Naumenko // *МАИЭТ.* – 2003. – Вып. 10. – С. 431–452.
20. Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» / С. Б. Сорочан // *Византийский временник.* – 2003. – Т. 62 (87). – С. 21–46.
- Sorochan S. B. Gosudarstvennoe ustroystvo rannesrednevekovogo Khersona i «prizraki samoupravleniya» / S. B. Sorochan // *Vizantiyskiy vremennik.* – 2003. – Т. 62 (87). – С. 21–46.
21. Науменко В. Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений / В. Е. Науменко // *Бахчисарайский историко-археологический сборник.* – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 342–349.
- Naumenko V. E. Mesto Bospora v sisteme khazaro-vizantiyskikh otnosheniy / V. E. Naumenko // *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik.* – Simferopol', 2001. – Вып. 2. – С. 342–349.
22. Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М. : Наука, 2003. – С. 53–67.
- Krym v VIII–IX vekakh. Khazarskoe gospodstvo // Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya IV–XIII veka / Otvt. red. T. I. Makarova, S. A. Pletneva. – M. : Nauka, 2003. – S. 53–67.
23. Герцен А. Г. Между Боспором и Херсоном : Хазары в Доросе / А. Г. Герцен // *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья.* – Керчь, 2002. – С. 60–63.
- Gertsen A. G. Mezhd Bosporom i Khersonom : Khazary v Dorose / A. G. Gertsen // *Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya.* – Kerch', 2002. – С. 60–63.
24. Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae : B. G. Teubner, 1883. – Vol. 1 : Textum graecum continens. – VIII, 503 p.
25. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, 1990. – XIII, 247 p.
26. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Арамонов. – Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 522 с.
- Artamonov M. I. Istoriya khazar / M. I. Aramonov. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. – 522 s.
27. Якобсон А. Л. [Рец.] // *Византийский временник* – 1977. – Т. 38. – С. 204–205. – (Феодальная Таврика. – К. : Наукова думка, 1974. – 216 с.)
- Yakobson A. L. [Rets.] // *Vizantiyskiy vremennik* – 1977. – Т. 38. – С. 204–205. – (Feodal'naya Tavrika. – K. : Naukova dumka, 1974. – 216 s.)
28. Виноградов А. Ю. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен / А. Ю. Виноградов, Н. Е. Гайдуков // *Сугдейский сборник.* – К. ; Судак, 2004. – С. 26–32.
- Vinogradov A. Yu. Tropa nad propast'yu. Peshchernyy monastyr' na severnom obryve gorodishcha Tepe-Kermen / A. Yu. Vinogradov, N. E. Gaydukov // *Sugdeyskiy sbornik.* – K. ; Sudak, 2004. – С. 26–32.
29. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // *Известия Гос. академии истории материальной культуры.* – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 115–152.
- Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–1929 gg. // *Izvestiya Gos. akademii istorii material'noy kul'tury.* – L., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 115–152.
30. Харитонов С. Ески-Кермен – загадкова археологічна пам'ятка середньовічного Криму // *Хроніка 2000. Український культурологічний альманах.* – Киев, 2000. – Вип. 33. – С. 249–258.
- Kharitonov S. Eski-Kermen – zagadkova arkheologichna pam'yatka seredn'ovichnogo Krymu // *Khronika 2000. Ukraïns'kiy kul'turologichniy al'manakh.* – Kiev, 2000. – Vip. 33. – С. 249–258.
31. Зубарь В. М. Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // *Херсонесский сборник.* – 1999. – Вып. 10. – С. 289–297.
- Zubar' V. M. Ob osnovnykh tendentsiyakh protsessa khristianizatsii naseleniya Yugo-Zapadnogo Kryma // *Khersonesskiy sbornik.* – 1999. – Вып. 10. – С. 289–297.

32. Лосицкий Ю. Г. Эски-Керменская базилика / Ю. Г. Лосицкий, Е. А. Паршина // Православные древности Таврики. – К. : Стило, 2002. – С. 99–113.

Lositskiy Yu. G. Eski-Kermenskaya bazilika / Yu. G. Lositskiy, E. A. Parshina // Pravoslavnye drevnosti Tavriki. – K. : Stilos, 2002. – S. 99–113.

33. Алексеенко Н. А. Новые сфрагистические находки в округе византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) / Н. А. Алексеенко // ХЕРСОНОС ТЕМАТА : Империя и «полис». Материалы VII Международного Византийского семинара (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический» 1–5 июня 2015 г.). – Севастополь, 2015. – С. 18–20.

Alekseenko N. A. Novye sfragisticheskie nakhodki v okruge vizantiyskogo Khersona (k voprosu ob adresatakh korrespondentsii) / N. A. Alekseenko // ХЕРСОНОС ТЕМАТА : Imperiya i «polis». Materialy VII Mezhdunarodnogo Vizantiyskogo seminar (Sevastopol', Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy» 1–5 iyunya 2015 g.). – Sevastopol', 2015. – S. 18–20.

34. Алексеенко Н. А. Территория византийского влияния в Таврике по находкам моливдулов имперских чиновников и придворных аристократов / Н. А. Алексеенко // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Государственная территория как фактор политогенеза. Материалы конференции. – М., 2015. – С. 9–13.

Alekseenko N. A. Territoriya vizantiyskogo vliyaniya v Tavrike po nakhodkam molivdulov imperskikh chinovnikov i pridvornyykh aristokratov / N. A. Alekseenko // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXVII chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto. Gosudarstvennaya territoriya kak faktor politogeneza. Materialy konferentsii. – M., 2015. – S. 9–13.

35. Паршина Е. А. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. / Е. А. Паршина, О. Я. Савеля // Научный архив Гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 3068. Л. 74–76 [Отчет о разведках в урочище Ласпи].

Parshina E. A. Otchet Sevastopol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii o polevykh issledovaniyakh v g. Sevastopole v 1991 g. / E. A. Parshina, O. Ya Savelya // Nauchnyy arkhiv Gos. muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy». F. 1. D. 3068. L. 74–76 [Otchet o razvedkakh v urochishche Laspi].

36. Добрынин Б. Ф. Ландшафты горного Крыма / Б. Ф. Добрынин // Крым. – М. ; Л., 1928. – № 1 (5). – Вып. 1. – С. 26–38.

Dobrynin B. F. Landshafty gornogo Kryma / B. F. Dobrynin // Krym. – M. ; L., 1928. – № 1 (5). – Vyp. 1. – S. 26–38.

37. Алексеенко Н. А. Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы / Н. А. Алексеенко // Труды Гос. Эрмитажа. – СПб., 2015. – Т. 64. – С. 415–424.

Alekseenko N. A. Vizantiyskaya Tavrika v sisteme imperskikh finansovykh i ekonomicheskikh kommunikatsiy po dannym pechatей chinovnikov fiska i tergovno-tamozhennoy sluzhby / N. A. Alekseenko // Trudy Gos. Ermitazha. – Sankt-Peterburg, 2015. – T. 64. – S. 415–424.

38. Алексеенко Н. А. Византийский Херсон : Империя и полис по данным сфрагистики / Н. А. Алексеенко // Империя ромеев во времени и в пространстве : Центр и периферия. Тез. Докл. XXI всероссийской науч. сессии византистов / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. – М. ; Белгород : Эпицентр, 2016. – С. 10–12.

Alekseenko N. A. Vizantiyskiy Cherson : Imperiya i polis po dannym sfragistiki / N. A. Alekseenko // Imperiya romeev vo vremeni i v prostranstve : Tsentr i periferiya. Tez. Dokl. XXI vserossiyskoy nauch. sessii vizantinistov / Pod red. M. V. Gratsianskogo, P. V. Kuzenkova. – M. ; Belgorod : Epitsentr, 2016. – S. 10–12.

39. Сорочан С. Б. Еще раз о политическом статусе крымской Сугдеи в VI–X вв. / С. Б. Сорочан // Империя ромеев во времени и в пространстве : Центр и периферия. Тез. Докл. XXI всероссийской науч. сессии византистов / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. – М. ; Белгород : Эпицентр, 2016. – С. 191–192.

Sorochan S. B. Eshche raz o politicheskom statuse krymskoy Sugdei v VI–X vv. / S. B. Sorochan // Imperiya romeev vo vremeni i v prostranstve : Tsentr i periferiya. Tez. Dokl. XXI vserossiyskoy nauch. sessii vizantinistov / Pod red. M. V. Gratsianskogo, P. V. Kuzenkova. – M. ; Belgorod : Epitsentr, 2016. – S. 191–192.

40. Чхаидзе В. Н. Связи Херсона, Сугдеи и Матархи по данным памятников сигиллографии IX–XI вв. / В. Н. Чхаидзе // Империя ромеев во времени и в пространстве : Центр и периферия. Тез. докл. XXI всероссийской науч. сессии византистов / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. – М. ; Белгород : Эпицентр, 2016. – С. 219–222.

Chkhaidze V. N. Svyazi Chersona, Sugdei i Matarkhi po dannym pamyatnikov sigillografii IX–XI vv. / V. N. Chkhaidze // Imperiya romeev vo vremeni i v prostranstve : Tsentr i periferiya. Tez. dokl. XXI vserossiyskoy nauch. sessii vizantinistov / Pod red. M. V. Gratsianskogo, P. V. Kuzenkova. – М. ; Belgorod : Epitsentr, 2016. – S. 219–222.

Sorochan S. B. On the question of the character of settlements-polisma and «kastra-tribes» in the vicinity of the Byzantine Cherson in the second half of VII – first half of the IX century / S. B. Sorochan // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 91–100.

The article raises the problem of the situation and status of towns, villages – kastra and polisma on the territory of the South-Western Crimea in Khazar era. Analysis of available sources allows to assume that in conditions of the Byzantine-Khazar parity and cooperation (including on the Crimean land), local settlements and «kastra tribes» in most cases have lost the character of defensive centers, shelters, and were sometimes entirely unfortified settlements under Byzantine governance control which was provided by Cherson.

Keywords: Byzantium, Khazars, Crimea, «cave towns», polismaton, kastron.

УДК 86.38

О ЗАПРЕТЕ ВИНОПИТИЯ В ИСЛАМЕ

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lspivaq@rambler.ru*

Запрет на употребление алкоголя, введенный в мусульманской общине после хиджры, стал своеобразным маркером, обозначившим ритуальную дистанцию между исламом и представителями других религиозных общин. В мировой историографии высказывались различные точки зрения на причины введения этого запрета. В статье предпринята попытка их анализа, сделан вывод о том, что в качестве объекта запрета для членов мусульманской общины выступило не столько виноградное вино, сколько само состояние опьянения. Запрет на винопитие в тексте Корана связывается не с ритуальным размежеванием между представителями авраамических религиозных традиций, но между мусульманами и арабами-язычниками. Вероятно, к IX в. актуальность ритуального дистанцирования мусульман от аравийских язычников была исчерпана. К этому времени на первое место для интеллектуальной элиты мусульманской общины вышла задача доказательства превосходства ислама над христианством и иудаизмом. В окончательной редакции «Жизнеописания пророка» Ибн Хишама запрет на употребления алкоголя для мусульман представлен как выбор верного пути, сделанный Мухаммадом, подчеркивающий превосходство ислама над общинами христиан и иудеев.

Ключевые слова: вино, запрет, ислам, иудаизм, Коран, Мухаммад, опьянение, предание, христианство.

Подводя итог религиозной деятельности Мухаммада, Иоанн Дамаскин заключает: «Он постановил делать обрезание как мужчинам, так и женщинам, и приказал не соблюдать суббот и не креститься, одно из дозволенного в законе есть, а от другого воздерживаться; винопитие же совершенно запретил» [1, с. 22]. Очевидно, что основной посыл здесь – обратить внимание читателя на ритуальную специфику ислама, отличающую его, прежде всего, от христианства и иудаизма. Присутствие запрета на употребление вина в этом ряду не случайно. Действительно, данный запрет, на наш взгляд, сыграл одну из ключевых ролей в процессе религиозной самоидентификации мусульманской общины. Следует подчеркнуть, что именно под этим углом зрения он рассматривался и некоторыми авторами, принадлежащими к мусульманской традиции. Среди них важное место занимает живший почти на столетие позднее Иоанна Дамаскина Абд ал-Малик б. Хишам ал-Химйари (ум. в 833 г.) [2, с. 11]. В ставшем каноническим тексте «ас-Сира ан-набавиййа» (Жизнеописание пророка) отказ от практики употребления вина напрямую связывается с процессом религиозной самоидентификации уммы и получает мистическую трактовку. Сообщение об этом событии со ссылкой на Ибн Исхака помещается Ибн Хишамом в контекст рассказа о Ночном путешествии и вознесении пророка и связывается с молитвой Мухаммада в Иерусалиме. «Наблюдал он знамения между небом и землей, пока не доехал до Священного дома. Он нашел там Ибрахима, Мусу, Ису в числе группы пророков, которые были

собраны для него. Он помолился вместе с ними и возглавил молитву. Потом ему принесли три сосуда: сосуд с молоком, сосуд с вином и сосуд с водой. Пророк сказал: «Я слышал, как кто-то говорил, когда все это было мне предложено: «Если возьмет воду, то он утонет и утонет его народ; если возьмет вино, то собьется с пути и собьется с пути его народ; если возьмет молоко, то пойдет по правильному пути и его народ пойдет по правильному пути». Я взял молоко и отпил немного. Джабраиль мне сказал: «Ты встал на правильный путь, и твой народ встал на правильный путь, о Мухаммад!»» [3, с. 122–123]. Очевидно, та деталь, что выбор Мухаммада совершается в присутствии Мусы и Исы, должна, по мнению автора, лишний раз подчеркнуть как дистанцирование ислама от иудаизма и христианства в вопросе употребления вина, так и его превосходство над ними.

В свете сказанного нельзя не обратить внимание на то, что запрет на винопитие в тексте Корана связывается не с ритуальным размежеванием между представителями авраамических религиозных традиций, но между мусульманами и арабами-язычниками. «О вы, которые уверовали! Вино, майсир, жертвенники, стрелы – мерзость из деяний сатаны. Сторонитесь же этого, – может быть, вы окажитесь счастливыми! Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы» (V, 92 (90) – 93 (91)) [4]. Как справедливо, на наш взгляд, отметил У. М. Уотт, важно то, что вино в данных айатах упоминается в одном ряду с майсиром (азартной игры на доли туши верблюда), жертвенниками и гадательными стрелами – языческими реалиями жизни доисламских арабов, что не оставляет сомнений в составе аудитории, к которой адресовано это кораническое послание [5, с. 326]. Исходя из примата коранического текста над сообщениями мусульманского предания жанра сира, следует признать, что запрет на винопитие, использованный первоначально как маркер религиозной идентичности мусульманской общины по отношению к арабам-язычникам, позднее в этом же качестве был распространен на отношения с общинами людей писания.

Вопрос о причинах и обстоятельствах введения этого запрета неоднократно становился предметом изучения мирового и отечественного востоковедения. В целом следует отметить, что высказанные в этой связи точки зрения условно могут быть сгруппированы в два разряда: к первому принадлежат те, в которых делается акцент на рациональных причинах введения запрета на употребление вина, ко второму – те, при помощи которых исследователи пытаются объяснить «социально-этический» и религиозный смысл запрета. Так, например, в своей знаменитой «Истории ислама» А. Мюллер писал, что главным мотивом «воспрещения употреблять вино» стало то, что оно, как и азартные игры, способно было вызывать раздоры среди мусульман и приводить к небрежению молитвой. Следовательно, запрет на винопитие – мера исключительно дисциплинарного характера [6, с. 192]. В этом же ключе рассматривает проблему и О. Г. Большаков, хронологически относя введение окончательного запрета на употребление вина к событиям осады мусульманами поселения Бану Надир. «Длительность лагерного стояния, томительного для людей, привыкших к коротким схваткам, приводила к ослаблению дисциплины, вином стали злоупотреблять даже

ближайшие сподвижники Мухаммада. Поэтому на шестой день осады последовало запрещение вина и майсира» [7, с. 120]. С другой стороны, неоднократно высказывались мнения о том, что введение запрета на употребление вина связано с идеализацией кочевого образа жизни: «запрещение пить вино может быть понято как элемент социально-этической проповеди Мухаммада, восходящей (независимо от того, осознал это Мухаммад или нет) к древним, общим для всего Ближнего Востока представлениям, идеализирующим кочевую жизнь» [8, с. 37]. Кочевой образ жизни при этом рассматривается как наиболее угодный божеству. На этом аспекте акцентируется внимание и в соответствующей статье «Encyclopaedia of Islam» [9, р. 994–997]. Как уже отмечалось, У. М. Уотт считает, что при изучении причин появления запрета винопития в мусульманской общине следует сконцентрироваться на выявлении «неизвестной нам» связи между употреблением вина и аравийской языческой религией [5, с. 326].

В отечественной историографии пути решения данной проблемы были намечены в уже упомянутой небольшой по объему статье И. Ш. Шифмана «О некоторых установлениях раннего ислама». В целом они могут быть сведены к следующему: «винопитийство» рассматривается в коранической проповеди как деяние греховное; хронологическим маркером в изменении отношения к вину следует считать хиджру; вино запрещено только в земной жизни, ибо в кораническом тексте содержатся многочисленные обещания возможности верующим пить вино после смерти, в «ином мире»; запретным является только вино, а не другие опьяняющие напитки, например, сикера; запрещая употребление вина, Мухаммад выступал против тех, кто нарушил древние (богоугодные) правила, связанные с кочевым образом жизни [8, с. 36–43]. Привлечение к изучению данного вопроса наряду с текстами коранических откровений материалов мусульманского предания позволяет, как нам кажется, внести ряд корректировок в приведенные положения. Действительно, текст Корана содержит описание вина, которое пьют праведники в раю: «Образ сада, который обещан богобоязненным: там – реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих, и реки из меда очищенного» (XLVII, 16 (15) – 17). «Поистине, ведь праведники в благоденствии на ложах созерцают! Ты узнаешь в лицах их блеск благоденствия. Поят их вином запечатанным. Завершение его – мускус. И к этому пусть стремятся стремящиеся. Смесь его из таснима – источника, из которого пьют приближенные» (LXXXIII, 22–28) [4]. В приведенных отрывках обращают на себя внимание детали, при помощи которых подчеркиваются особые, отличающее его от обычного, свойства райского вина. Не случайно в первом случае вино, «приятное для пьющих», находится в одном ряду с «не портящейся водой», «не меняющим вкус» (не прокисающим?) молоком, «очищенным медом». Данные детали, на наш взгляд, заставляют сделать вывод, что в ином мире, по кораническим представлениям, все перечисленные напитки меняют свои физические характеристики. На вопрос – чем же собственно райское вино отличается от обычного, земного? – ответ, как кажется, дан в суре XXXVII: «И будет вам воздано только за то, что вы совершали. Кроме рабов божиих чистых. Для тех – опре-

деленный надел – плоды, и они будут в почете в садах благоденствия, на ложах друг против друга. Будут обходить их с чашей из источника прозрачного, услады для пьющих. Нет в нем буйства, и не будут они им изнурены» (XXXVII, 38 (39) – 46 (47)) [4].

Выдающийся отечественный арабист, автор самого известного отечественного перевода Корана – И. Ю. Крачковский – считал возможным в данном случае перевести кораническое *غَوْل* как «буйство» [10, с. 598]. Действительно, одно из значений *غَوْل* (غول): «нападать неожиданно, врасплох; губить, убивать» [11, с. 574]. Примечательно, что в мусульманской традиции последние слова интерпретируются как «вино, которое не опьяняет». Например, в переводе Э. Р. Кулиева соответствующий аят принимает следующий вид: «Их будут обходить с чашей родникового напитка (вина), белого, доставляющего удовольствие пьющим. Он не лишает рассудка и не пьянит» (XXXVII, 45–46) [12]. С аналогичным смыслом передан этот текст в переводе Г. С. Саблукова: «Их, награжденных садами утех, восседающих там друг против друга на седалищах, будут обносить круговую чашей, с влагою, прозрачной, – сладостью для пьющих, от которой не будет головной боли, от которой не опьянеют» (XXXVII, 45–46) [13]. Таким образом, главная отличительная особенность райского вина заключается в том, что оно не приносит опьянения, следовательно, не вино само по себе, а чувство опьянения оказалось объектом запрета для членов мусульманской общины..

Последнее заставляет усомниться в том, что Коран запрещает только вино, оставляя свободу в отношении других опьяняющих напитков. Главным аргументом для сторонников такой точки зрения служит один из аятов XVI суры: «И из плодов пальм и лоз вы берете себе напиток пьянящий и хороший удел. Поистине, в этом – знамение для людей разумных» (XVI, 69 (67)) [4]. При его анализе необходимо учитывать то обстоятельство, что запрет на употребление вина, а по нашему убеждению и других опьяняющих напитков, вводился постепенно. Мусульманская традиция выделяет четыре этапа его введения – в соответствии с четырьмя группами аятов о вине в тексте Корана. К первой группе относится приведенное нами упоминание о вине в суре XVI. Во вторую группу объединяют аяты II суры: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: «В них обоих великий грех и некая польза для людей, но грех их – больше пользы»» (II, 216 (219)) [4]. Затем следует запрет для верующих приступать к молитве в состоянии опьянения (IV, 46 (43)). Наконец, аяты V суры, полностью запрещающие употребление вина (V, 92 (90) – 93 (91)) [14, 1028–1029]. Согласно наиболее распространенной точке зрения, упоминание «пьянящего напитка из плодов пальм и лоз» относится к мекканскому периоду [10, с. 566]. В этой связи важно подчеркнуть, что после совершения хиджры и появления аятов, осуждающих употребление вина, в тексте Корана больше не упоминаются иные опьяняющие напитки с положительной коннотацией. Более того, мусульманское предание настаивает на том, что вместе с запрещением виноградного вина был запрещен любой опьяняющий напиток. Показателен в этом отношении один из хадисов, приведенный в «Сахихе» Муслима: «Передают, что Анас ибн Малик сказал: Однажды, когда я прислуживал Абу Тальхе, Абу Дуджане, Му'азу ибн Джабалу и еще нескольким ансарам, наливая

им вино, к ним зашел какой-то человек и сказал: «Есть новости: Аллах ниспослал айаты, в которых говорится о запретности вина». И в этот день мы опрокинули все сосуды с вином, которое делалось из смешанных недозрелых и сушеных фиников. Катада сказал: «Когда вино было запрещено, все вино, которое у них было, делалось из смешанных недозрелых и сушеных фиников» (1280) [15, с. 646–647]. Согласно тексту другого хадиса, Умар б. ал-Хаттаб разъяснял во время одной из проповедей: «А затем, поистине, запрет на употребления вина был ниспослан в тот день, когда его делали из пяти вещей: из пшеницы, ячменя, фиников, изюма и меда, вином же является то, что охватывает разум» (1281) [15, с. 647]. Сказанное, на наш взгляд, опровергает вывод о том, что запрету в кораническом тексте подверглось только виноградное вино. Объектом запрета явилось состояние опьянения, а его сфера распространилась на любой опьяняющий напиток. Сделанный вывод противоречит рассуждению о том, что в основе коранического запрета лежит стремление Мухаммада вернуться «к древним, общим для всего Ближнего Востока представлениям, идеализирующим кочевую жизнь» [8, с. 37].

Учитывая сообщения мусульманского предания, гораздо убедительнее выглядит мысль о рациональных основах введения запрета на употребление вина и опьяняющих напитков в Коране. Действительно, как минимум двум последним группам коранических айатов, осуждающих винопитие, согласно данным литературы хадисов, соответствует тот или иной реальный исторический эпизод, способствовавший их появлению [7, с. 249]. Так, например, появление айатов, запрещающих приступать к молитве в нетрезвом состоянии: «О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите...» (IV, 46 (43)) [4], было ответом на эпизод, связанный с пьяным имамом, который во время произнесения слов «О неверные! Я не буду поклоняться тому, чему поклоняетесь вы», из-за своего состояния, опустил частицу отрицания [14, с. 1029]. Наиболее поразительную историю о событии, которое, согласно литературе хадисов, и привело к введению окончательного запрета на употребление вина, передает Муслим. Согласно его сообщению, во время раздела добычи после сражения у Бадра Али б. Абу Талибу досталась годовалая верблюдица, кроме того, в тот же день Мухаммад дал ему еще одну верблюдицу из пятой части добычи. Али б. Абу Талиб, поскольку дело было накануне его женитьбы на Фатиме, собирался привезти душистый тростник, желая продать его, чтобы на полученные деньги устроить свадебное угощение. Пока он собирал все необходимое, верблюдицы стояли у одного из домов ансаров. Когда же Али б. Абу Талиб отправился к верблюдицам, его взору открылось страшное зрелище – у верблюдиц оказались срублены горбы, вспороты бока, а печень у каждой была вырезана. Свидетели единодушно указали на Хамзу б. Абд-ал-Мутталиба (дядю пророка) как на виновника происшествия, который пил вино вместе с группой ансаров. Якобы певица, присутствующая среди пьющих, спела песню, в которой были слова: «О Хамза, тучны годовалые верблюдицы». После чего Хамза б. Абд-ал-Мутталиб и набросился на верблюдиц Али б. Абу Талиба. Выслушав это, Али б. Абу Талиб отправился к пророку Мухаммаду. Пророк вместе с потерпевшим пришел к дому,

в котором находился Хамза б. Абд-аль-Мутталиб. «Увидев, что внутри собрались люди, которые пьют вино, посланник Аллаха принялся порицать Хамзу за то, что тот сделал. Что же касается Хамзы, то он посмотрел на посланника Аллаха покрасневшими глазами, потом поднял глаза и посмотрел на его колени, потом поднял глаза и посмотрел на его пупок, потом поднял глаза и посмотрел на его лицо. Потом Хамза сказал: «Разве не являетесь вы только рабами моего отца?» Тогда посланник Аллаха понял, что Хамза пьян, стал пятиться назад, вышел из дома, и мы вышли вместе с ним» (1275) [15, с. 645]. Приведенные сообщения свидетельствуют о том, что употребление вина мухаджирами и ансарами создавало угрозу внутреннему миру в общине и как следствие – боеспособности уммы. Последнее, вероятно, является причиной того, что осуждение употребления алкоголя и запрет на него появляется после хиджры, в мединский период, когда мусульмане оказались в условиях войны. В пользу серьезности этой угрозы говорят многочисленные предписания, связанные с запретом винопития, возводимые традицией непосредственно к пророку Мухаммаду. Так, согласно ал-Бухари, Мухаммад утверждал, что пьющий вино не является верующим: «Передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что пророк сказал: «Когда прелюбодей прелюбодействует, верующим он не является, и когда кто-нибудь пьет вино, верующим он не является, и когда вор совершает кражу, верующим он не является»» (1841 (5575)) [16, с. 747]. Последовательность Мухаммада в вопросе об отрицании алкоголя выразилась в запрете всех, даже неизвестных ему, опьяняющих напитков. Муслим приводит следующий хадис, со ссылкой на Джабира: «... один человек, приехавший из Джайшана, задал посланнику Аллаха вопрос о напитке, приготовляемом из индийского проса и именуемом «мизр», который они пили у себя на родине. Пророк спросил: «Опьяняет ли этот напиток?» Тот сказал: «Да», и тогда посланник Аллаха сказал: «Все опьяняющее запретно»» (1276) [15, с. 645]. Подобным же образом было запрещено использование вина для приготовления уксуса (1290) [15, с. 650].

Говоря о причинах введения запрета на винопитие и употребления алкоголя в исламе, важно отметить, что разделение этих причин на «рациональные» и имеющие мистический или религиозно-этический характер актуально только для западного востоковедения. С точки зрения носителей исламского мировоззрения запрет на алкоголь ниспослан путем откровения и является точной трансляцией Мухаммадом слов Аллаха. Сам этот факт неизбежно предполагает наличие в ниспосланном запрете как рациональных (полезных для человека), так и сверхъестественных оснований. Вероятно, последним должны объясняться в тексте Корана и хадисов упоминания о пьяницах и винопитии в различных мифологических контекстах. К таким упоминаниям следует отнести, прежде всего, коранические айаты о вине в раю (XXXVII, 38 (39) – 46 (47); XLVII, 16 (15) – 17; LXXXIII, 22–28) [4]. Дальнейшее оформление этой темы происходило в рамках формирования мусульманского предания. Среди наиболее известных деталей которого можно выделить, например, мучения нераскаявшихся пьяниц во время Судного дня: «... лицо его будет черным, язык будет висеть изо рта, слюна стекать на его грудь. От жажды поднимется вопль из его груди»

[17, с. 139–140]. Сюда же относится упоминание того напитка, который обещан пьяницам Аллахом: «Поистине, Аллах пообещал поить человека, употребляющего опьяняющие напитки, тем, что именуется «тынат аль-хабаль». Люди стали спрашивать: «О посланник Аллаха, а что такое «тынат аль-хабаль»?» – и он сказал: «Это – пот тех, кто окажется в Огне»» (1276) [15, с. 645].

Очевидно, что после отказа членов мусульманской общины от употребления алкоголя ритуальное дистанцирование их от язычников, общин иудеев и христиан должно было заметно усилиться. Что касается последних, то вино, как известно, использовалось ими не только в качестве опьяняющего напитка, но и в ритуальных целях. Наиболее сложным в силу характера дошедших до нас источников является вопрос о ритуальном использовании вина аравийскими язычниками. Так, например, Хишам б. Мухаммад ал-Калби в своей знаменитой «Китаб ал-аснам» (Книге об идолах), упоминая жертвы идолам мукой и молоком, закалывание перед ними животных, сбривание волос, использование гадательных стрел, хранит молчание о жертвенных возлияниях или иных ритуальных практиках, связанных с использованием вина [18, с. 14–38]. Описывая доисламские верования арабов, аш-Шахрастани говорит, что от употребления вина в эпоху джахилии отказывались те, кто исповедовал веру ханифов. «Среди них – Амир б. аз-Зариб ал-Адвани... Амир объявил запретным для себя вино среди тех, кто считал его запретным. Он сказал о нем: Если я пью вино, то пью его за его приятность, а если оставляю его, то, воистину, я питаю отвращение, ненавижу. Если бы не приятность и не играющие и поющие невольницы, я не видел бы его, а оно не видело бы меня, иначе как на расстоянии, свысока, – просящее у юноши то, чего нет у него в руках, уносящее рассудок людей и богатство. Оно дает в наследство людям ненависть без гнева, порочит юношу мужественного, нарядного...» (242–243) [19, с. 67]. Еще более выразительные стихи об отказе от употребления вина оставил другой поэт – Ал-Услум ал-Йали: «Я перестал пить вино, а оно – предпочитаемо, и оставил распутниц, отказ от него – самое благородное. Я воздержался от этого, о Умайм, стремясь к благородству. Так поступает рассудительный, воздержанный» (243) [19, с. 68]. В приведенных отрывках обращает на себя внимание несколько деталей. Во-первых, присутствие во время винопития «играющих и поющих невольниц», «распутниц». Упоминание в хадисе о певице, «вдохновившей» Хамзу на убийство верблюдиц, заставляет сделать вывод о том, что эта деталь являлась неотъемлемой чертой пирушек доисламской эпохи. Во-вторых, бросается в глаза, что в стихах поэтов эпохи джахилии осуждению подвергается не столько вино само по себе, сколько негативные последствия опьянения. Наиболее ярко эти последствия проявились в истории Кайса б. Асима – еще одного поэта, оставившего вино в доисламское время. «Однажды, напившись, он стал приставать к своей дочери (или сестре), та убежала от него, а когда на следующий день он протрезвел, то ничего не мог вспомнить. Тогда-то он и зарекся пить вино, выразив свое отношение к нему в стихах: Я нашел вино необузданным, в нем – свойства, которые позорят благородного мужа. Клянусь Аллахом, я в жизни не выпью его и никогда не приглашу на него сотрапезника! Я не отдам за него цену моей жизни и никогда не стану исцелять им

больного! Воистину, вино позорит пьющих его и возлагает на них тягостное дело!» [20, с. 68].

Приведенный рассказ удивительным образом находит аналогии в *Китаб ал-Харадж* (Книга налога) (VIII в.) Абу Йусуфа Йакуба б. Ибрахима ал-Куфи. В разделе, посвященном сбору налогов с маджусов, Абу Йусуф рассказывает о сомнениях мусульман относительно правомерности взимания с маджусов подушной подати. Проблема заключалась в том, что, по мнению некоторых мусульман, маджусы (зороастрийцы) не являлись обладателями «Окровенной книги» и, следовательно, не могли претендовать на статус людей писания. За разъяснением в этом вопросе мусульмане, по сообщению Абу Йусуфа, обратились к Али б. Аби Талибу, который рассказал следующее. «Мажусы были общиной, обладавшей Откровенной книгой, которую они и читали, но один из их царей однажды пил до опьянения, схватил за руку свою сестру, вывел ее за ограду селения, причем за ним последовало четыре человека, на глазах у которых он ее изнасиловал. Когда он протрезвел, сестра сказала ему: «Вот, что ты содеял, а такие-то четверо глядели на тебя». Он ответил: «Я ничего об этом не знаю». Она сказала: «Так ты будешь убит и нет тебе спасения, если не послушаешься меня». Он ответил: «Я послушаюсь тебя». Она сказала: «Возведи такое поведение в религиозную систему и скажи, что это вероучение Адама, что Ева произошла от Адама, и предложи народу принять это вероучение, пригрозив им мечом: кто последует за тобой, того оставь, а кто откажется, того убей»» [21, с. 231]. В конечном итоге только под угрозой огня маджусы последовали за царем. Оставив в стороне проблему объяснения в арабо-мусульманской среде происхождения зороастрийского обычая кровнородственных браков, обратим внимание на то, что именно состояние опьянения, по мнению авторов предания, привело царя к совершению греха, а затем отвратило религиозную общину маджусов от «истинной веры», в результате чего они превратились в «многобожников». Приведенные примеры свидетельствуют в пользу того, что главное зло, которое несло в себе употребление алкоголя и которое было очевидно арабам уже в доисламское время, заключалось в том, что вино лишало разума, заставляло совершать поступки греховные с точки зрения нарождающейся религиозной этики. Отсюда становится понятным, почему вино, доступное праведникам в раю, в соответствии с кораническим текстом, должно быть лишено именно этого пагубного свойства. О том, что с точки зрения ислама греховным является не вино, но состояние опьянения, недвусмысленно свидетельствует следующая история, приведенная у Абу Йусуфа. «Рассказал нам аш-Шайбани со слов Хассана б. ал-Мухарика: «Какой-то человек, в то время как раз постившийся, сопровождал Умара б. ал-Хаттаба в пути; когда он разговелся, он набросился на принадлежавший Умару мех, привязанный к седлу, в котором было финиковое вино, выпил из него и опьянел; Умар наказал его ударами плетью, как того требует хадд. Тогда человек сказал Умару: «Ведь я пил из твоего меха». Умар ответил: «Я наказал тебя за то, что ты опьянел, а не за то, что ты пил»» [21, с. 288]. Таким образом, «неизвестная нам», по выражению У. М. Уотт, связь вина с языческой религией [5, с. 326] заключалась, видимо, в том, что неперенным спутником употребления алкоголя являлось, с од-

ной стороны, потеря контроля над собой, а с другой – достижение человеком того экстатического состояния, которое уместно в условиях господства язычества, но неприемлемо для этической религиозной системы.

Осмысление же ритуальной дистанции от представителей христианства и иудаизма членами мусульманской общины как следствие введения запрета на употребление алкоголя, надо думать, явление более позднее. Основой для него мог послужить тот факт, что аравийское виноделие, как и торговля вином, были тесно связаны с иудейскими общинами полуострова. Действительно, выращивание винограда и производство вина в доисламской Аравии надежно зафиксировано источниками. Так, например, Ибн Хишам сообщает, что после того, как провалилась попытка проповеди в Таифе, испытавшие сострадание к Мухаммаду, сыновья Рабии Утба и Шайба накормили его виноградом [3, с. 134], а во время осады Таифа пророк приказал вырубить виноградники сакифитов [3, с. 380]. Изучение источников, связанных с караванной торговлей в доисламское время, позволило прийти к следующему выводу: «Наиболее вероятным источником происхождения «аравийского вина» нужно считать район ат-Таифа... виноградарство и продажа вина в ат-Таифе находились под контролем иудеев...» [22, с. 91]. Производство вина представителями еврейской общины г. Сана фиксируют источники даже в XIX в. [23, с. 104]. Отражение неприятия мусульманами христианских таинств для VIII–IX вв. зафиксировано, например, в «Опровержении сарацин епископа Феодора Харранского по имени Абу Курра, в пересказе Иоанна Диякона». Отвечая на вопрос мусульманина о возможности превращения обычного хлеба в «Тело Христово», Феодор Харранский вынужден прибегнуть к следующей аргументации: «Ибо священник возлагает на Святой Престол хлеб, равно как и вино, и Дух Святой, призванный молитвою, нисходит и посещает предложенные Дары; и огнем Своего Божества в Тело и Кровь Христовы превращает хлеб и вино, подобно тому как печень превращает пищу в человеческое тело. Или ты не допускаешь, друг, что Всевышний Дух может совершить то же, что может твоя печень?» (XXII) [1, с. 42–43]. Еще более показательны «Историческое сказание Григория Декаполита», написанное, вероятно, в IX в., согласно тексту которого «племянник халифа Сирии» увидел воочию во время проскомидии, «будто священник взял в свои руки младенца и, зажав его, наполнял его кровью чашу, и тельце его разрезая на части, клал их на дискос!» [1, с. 79]. Следует признать, что в конечном счете в качестве одного из конфессиональных маркеров, обозначающих границу между исламом, христианством и иудаизмом, запрет на винопитие представителями мусульманской общины был осмыслен к моменту создания текста «ас-Сира ан-набавийя» Ибн Хишама [3, с. 122–123], где ритуально-бытовое отличие превращено в мистическое превосходство.

Основные вехи истории запрета на употребление алкоголя в мусульманской традиции могут быть представлены следующим образом. Осуждение винопития и вводимый в три этапа запрет на него были вызваны к жизни, прежде всего, причинами дисциплинарного характера. Объектом запрета стало не столько виноградное вино, сколько состояние опьянения, вследствие чего запрет был распространен на все

опьяняющие напитки. Адресатами соответствующих коранических аятов являлись члены уммы – мухаджиры и ансары. Параллельно шло мифологическое осмысление дарованного запрета. Отражением этого процесса являются содержащиеся в тексте Корана упоминания о райском вине, которое будет доступно праведным верующим после смерти. Главной характеристикой райского вина, отличающей его от вина обычного, является то, что вино иного мира не несет с собой опьянения. Дальнейшее осмысление запрета на алкоголь связано с формированием и развитием мусульманского предания, в рамках которого этот запрет приобретает дополнительную бытовую, юридическую и мифологическую детализацию. Безусловно, уже на начальном этапе функционирования запрета на употребление алкоголя эта особенность жизни мусульманской общины стала своеобразным маркером, обозначившим ритуальную дистанцию между мусульманами, с одной стороны, и аравийскими язычниками, иудеями, христианами – с другой. К IX в. актуальность ритуального обособления от аравийских язычников была исчерпана, зато усилилась потребность в доказательствах превосходства ислама над иудаизмом и христианством. В этих условиях запрет на употребление алкоголя, как это представлено, например, в тексте Ибн Хишма, стал играть роль одного из таких доказательств.

Список использованных источников и литературы

1. Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии) / Под ред. Ю. В. Максимова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 230 с.
Vizantijskie sochinenija ob islame (teksty perevodov i kommentarii) / Pod red. Ju. V. Maksimova. – M. : izd-vo PSTGU, 2006. – 230 s.
2. Пиотровский М. Б. Мухаммад и начало ислама. Введение / М. Б. Пиотровский // Хрестоматия по исламу. – М. : Наука, 1994. – С. 9–11.
Piotrovskij M. B. Muhammad i nachalo islama. Vvedenie / M. B. Piotrovskij // Hrestomatija po islamu. – M. : Nauka, 1994. – S. 9–11.
3. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада / Пер. Н. А. Гайнуллиной. – М. : ИД «УММА», 2002. – 485 с.
Ibn Hisham. Zhizneopisanie Proroka Muhammada / Per. N. A. Gajnullina. – M. : ID «UMMA», 2002. – 485 s.
4. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – Баку : Язычы, – 1990. – 744 с.
Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku : Jazychy, 1990. – 744 s.
5. Уотт У. М. Мухаммад в Медине / Пер. с англ. – СПб. : изд-во «Диля», 2007. – 480 с.
Uott U. M. Muhammad v Medine / Per. s angl. – SPb. : izd-vo «Dilja», 2007. – 480 s.
6. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / А. Мюллер. – М. : Изд-во «Астрель»; Изд-во «АСТ», 2004. – 911 с.
Mjuller A. Istorija islama: ot doislamskoj istorii arabov do padenija dinastii Abbasidov / A. Mjuller. – M. : OOO izd-vo «Astrel'»; izd-vo «AST», 2004. – 911 s.
7. Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1 : Ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М. : Наука, 1989. – 312 с.
Bol'shakov O. G. Istorija Halifata. T. 1 : Islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – M. : Nauka, 1989. – 312 s.
8. Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама / И. Ш. Шифман // Ислам. Религия, общество, государство. – М. : Наука, 1984. – С. 36–43.
Shifman I. Sh. O nekotoryh ustanovlenijah rannego islama / I. Sh. Shiman // Islam. Religija, obshhestvo, gosudarstvo. – M. : Nauka, 1984. – S. 36–43.

9. Wensinck A. J. Khamr / A. J. Wensinck // The Encyclopaedia of Islam. – V. 4. – Leiden : E. J. Brill, 1995. – P. 994–997.
10. Крачковский И. Ю. Комментарии / И. Ю. Крачковский // Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – Баку : Язычы, 1990. – С. 598.
- Krachkovskij I. Ju. Kommentarii / I. Ju. Krachkovskij // Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku : Jazychy, 1990. – S. 598.
11. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М. : Рус. яз., 1985. – С. 574.
- Baranov H. K. Arabsko-russkij slovar' / H. K. Baranov. – M. : Rus. jaz., 1985. – S. 574.
12. Коран. Перевод смыслов / Пер. с араб. Э. Р. Кулиева. – М. : Умма, 2012. – 1168 с.
- Koran. Perevod smyslov / Per. s arab. Je. R. Kulieva. – M. : Umma, 2012. – 1168 s.
13. Коран / пер. с араб. Г. С. Саблукова. – Казань : Центральная типография, 1907. – 1169 с.
- Koran / per. s arab. G. S. Sablukova. – Kazan' : Central'naja tipografija, 1907. – 1169 s.
14. Ефремова Н. В. Жизнь пророка Мухаммада / Н. В. Ефремова, Т. К. Ибрагим. – М. : Ладомир, 2009. – 1062 с.
- Efremova N. V. Zhizn' proroka Muhammada / N. V. Efremova, T. K. Ibragim. – M. : Ladomir, 2009. – 1062 s.
15. Муслим. Сахих : Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2011. – 1216 с.
- Muslim. Sahih : Kratkoe izlozhenie, sostavlennoe imamom al'-Munziri / per. s arab. V. A. Nirsha. – M. : Umma, 2011. – 1216 s.
16. ал-Бухари. Сахих / пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2005. – 959 с.
- al-Buhari. Sahih / per. s arab. V. A. Nirsha. – M. : Umma, 2005. – 959 s.
17. Керимов М. Г. Шариат. Закон жизни мусульман / М. Г. Керимов. – М. : Ленон, 1999. – 304 с.
- Kerimov M. G. Shariat. Zakon zhizni musul'man / M. G. Kerimov. – M. : Lenon, 1999. – 304 s.
18. Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам) / пер. с араб., пред. и прим. В. В. Полосина ; отв. ред. П. А. Грязневич. – М. : Наука, ГРВЛ, 1984. – 64 с.
- Hisham ibn Muhammad al-Kalbi. Kniga ob idolah (Kitab al-asnam) / per. s arab., pred. i prim. V. V. Polosina ; otv. red. P. A. Grjaznevich. – M. : «Nauka», GRVL, 1984. – 64 s.
19. аш-Шахрастани Мухаммад б. Абд ал-Карим. Верования арабов во времена ал-джахилии / пер. с араб. С. М. Прозорова // Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. Т. II. – М. : Наука ; Вост. лит., 2016. – С. 50–78.
- ash-Shahrastani Muhammad b. Abd al-Karim. Verovanija arabov vo vremena al-dzhahilii / per. s arab. S. M. Prozorova // Prozorov S. M. Islam kak ideologicheskaja sistema. T. II. – M. : Nauka ; Vost. lit., 2016. – S. 50–78.
20. Прозоров С. М. Примечания / С. М. Прозоров // аш-Шахрастани Мухаммад б. Абд ал-Карим. Верования арабов во времена ал-джахилии / пер. с араб. С. М. Прозорова / В кн. : Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. Т. II. – М. : Наука ; Вост. лит., 2016. – С. 50–78.
- Prozorov S. M. Primechanija / S. M. Prozorov // ash-Shahrastani Muhammad b. Abd al-Karim. Verovanija arabov vo vremena al-dzhahilii / per. s arab. S. M. Prozorova / V kn. : Prozorov S. M. Islam kak ideologicheskaja sistema. T. II. – M. : Nauka ; Vost. lit., 2016. – S. 50–78.
21. Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / пер. А. Э. Шмидта. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2001. – XXXIII + 415 с.
- Abu Jusuf Jakub b. Ibrahim al-Kufi. Kitab al-Haradz / per. A. Je. Shmidta. – SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. – XXXIII + 415 s.
22. Бухарин М. Д. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи / М. Д. Бухарин. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. – 375 с.
- Buharin M. D. Aravija, Vostochnaja Afrika i Sredizemnomor'e: trgovye i istoriko-kul'turnye svjazi / M. D. Buharin. – M. : Izdat. firma «Vostochnaja literature» RAN, 2009. – 375 s.
23. Сенченко И. П. Арабы Аравии. Очерки по истории, этнографии и культуре / И. П. Сенченко. – СПб. : Алетея, 2015. – 384 с.
- Senchenko I. P. Araby Aravii. Oчерki po istorii, jetnografii i kul'ture / I. P. Senchenko. – SPb. : Aletejja, 2015. – 384 s.

Spivak I. A. On the prohibition of drinking wine in Islam / I. A. Spivak // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 101–112.

The prohibition of alcohol consumption, imposed in the Muslim community after the Hegira, became a kind of marker, signifying the ritual distance between Islam and other religious communities. In world historiography there were different views on the reasons for introducing the ban. This article attempts to analyze them, it is concluded that not only grape wine itself was acted as the object of the prohibition for members of the Muslim community, but the intoxication. The Prohibition in the text of the Quran is associated not with the ritual demarcation between representatives of the Abrahamic faith traditions, but between Muslims and pagan Arabs. Probably to the IX century the relevance of ritual distancing of Muslims from the Arabian pagans was exhausted. By this time objective evidence of the superiority of Islam over Christianity and Judaism was in the first place for the intellectual elite of the Muslim community. In the final edition of the «Biography of the Prophet» by Ibn Hisham the Prohibition for Muslims is presented as choosing the right path made by Muhammad, emphasizing the superiority of Islam over the Christian communities and Jews.

Keywords: wine, prohibition, Islam, Judaism, Quran, Muhammad, intoxication, tradition, Christianity.

УДК 930.271:902.6

О ДАТИРОВКЕ ХЕРСОНЕССКОГО ДЕКРЕТА В ЧЕСТЬ СИРИСКА, СЫНА ГЕРАКЛИДА

Туровский Е. Я.

*Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь, Российская Федерация
E-mail: turovs_1@mail.ru*

Декрет в честь Сириסקа, сына Гераклида, херсонесского гражданина и историка, описавшего отношения города с царями и городами согласно с достоинством государства, – один из наиболее интересных памятников лапидарной эпиграфики эпохи эллинизма. Широкую датировку памятника рамками III в. до н. э., восходящую к его первому публикатору В. В. Латышеву, в настоящее время возможно значительно уточнить. Наиболее вероятной датировкой памятника представляется время около конца первой четверти III в. до н. э.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, декрет в честь Сириסקа, херсонесский историк, датировка.

Среди направлений, интересовавших Виталия Николаевича Даниленко, не последнее место занимали ономастика и просопография. Открытия, сделанные исследователем в башне Зинона и куртине XVII херсонесской крепости, значительно дополнили архив имен граждан полиса. Сделанный им свод имен херсонеситов долгое время был единственным в своем роде [1, с. 136–178]. В этой работе исследователь в круге своих задач рассматривал и возможность соотнести имя определенного персонажа с этим же именем, известным по иным источникам. В дальнейшем у исследователей наметилась тенденция рассматривать, когда это возможно, отдельных херсонесских персонажей, примерно реконструируя их *cursus honorum* [2, с. 350–359; 3, с. 100–123].

Объектом нашего рассмотрения является одна из самых известных херсонесских надписей, в которой речь идет о выдающемся гражданине города – Сириске, сыне Гераклида. В декрете говорится исключительно о достижениях Сириסקа как историка, который отразил отношения Херсонеса с городами и царями, а также описал явления богини Девы (IOSPE, I², 344). Вот сохранившаяся часть декрета в переводе В. В. Латышева: «Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сириск, сын Гераклида, явления Девы трудолюбиво описав, прочитал, и про отношения к царям Боспора рассказал, и бывшие дружественные отношения с городами исследовал согласно достоинству народа, – то дабы он получил достойные почести, да постановит совет и народ похвалить его за то, и симмнамонам увенчать его золотым венком в Дионисии, в 21 день и быть провозглашению: «Народ венчает Сириסקа, сына Гераклида, за то, что он описал явления Девы и бывшие дружественные отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно

с достоинством государства. Написать симмнамонам на каменной плите народное постановление и выставить в притворе храма Девы; понесенный же расход выдать согласно решению казначею священных сумм. Это решено советом и народом месяца (...) в десятый день (...).

Первый публикатор надписи – В. В. Латышев – датировал документ широко: III в. до н. э. (IOSPE, I², 344). Э. И. Соломоник склонялась к уточнению датировки декрета второй половиной III в. до н. э. Она полагала, что театр, где историк читал свои произведения, существовал в Херсонесе с середины III в. до н. э. [4, с. 14]. Но херсонесский театр был сооружен не позднее последней четверти IV в. до н. э., о чем свидетельствует большое количество поддающихся достаточно четкой датировке керамических клейм разных центров, найденных в слоях из-под театральных построек [5, с. 36–38; 6, с. 70].

В декрете отмечается одна из заслуг Сирииска – его деятельность на ниве истории, при этом о других родах деятельности этого херсонесского гражданина не сообщается. Постараемся разыскать нашего персонажа по другим источникам и уточнить датировку декрета.

Начнем с нумизматики. Среди чиновников, контролировавших выпуск монеты в Херсонесе, имя Сирииск встречается один раз. Сирииск – один из пяти магистратов, контролировавших выпуск монеты типа: Дева поражает копьем лань – бодающий бык [1, табл. V, № 79]. Относительно датировки серии есть разные точки зрения. Например, В. А. Анохин датирует её первым десятилетием III в. до н. э. [7, с. 139]. По другой точке зрения, её выпуск приходится на последние годы IV в. до н. э. [8, с. 90–92]. Хочется подчеркнуть, что в данном случае следует отталкиваться от реальных фактов, а не от схоластических схем. Мнение В. А. Анохина целиком основано на утверждении, согласно которому каждая новая серия херсонесских монет выходила приблизительно один раз в десять лет [7, с. 18]. Эта точка зрения неоднократно подвергалась справедливой критике [9, с. 34–41; 10, с. 123]. Мы же полагаем, что начало обозначения личных имен монетных магистратов происходит около рубежа третьей и последней четвертей IV в. до н. э. (к слову, к близкому выводу относительно начала маркировки монет именами пришел и В. А. Анохин [7, с. 137, 138]), а далее путем арифметического подсчета таких магистратских имен, предшествующих серии Дева – бык, мы выходим на дату – ок. 305–300 гг. до н. э. [8, с. 92].

И еще об одной сфере деятельности, в которой проявил себя херсонесский гражданин по имени Сирииск. Он избирался астиномом. Среди обязанностей этих ежегодно сменяемых магистратов был контроль над керамическим производством в Херсонесе. Клейма с именами астиномов наносились на ручки, реже на горла амфор, а также на кровельную черепицу. Согласно хронологической классификации херсонесских керамических клейм В. И. Каца, деятельность астинома Сирииска приходится на 315–300 гг. до н. э. [6, с. 76; 11, с. 442]. Таким образом, деятельность монетного магистрата и астинома приходится, скорее всего, на конец IV в. до н. э. Есть все основания предполагать, что оба означенных персонажа – одно и то же лицо. Конечно, отсутствие отчества снижает доказательность этой гипотезы, но редкость имени и

близость по времени клейм и монет делает такое предположение очень вероятным. Безусловно, *cursus honorum* Сирика был шире двух упомянутых должностей. Он мог избираться и назначаться на другие подобные должности: например, быть агораномом, стратегом, секретарем, жрецом или гимнасиархом. Но в души сограждан он запал не достижениями на карьерной лестнице, а своими литературно-историческими произведениями.

Допустив а priori, что оба означенных магистрата и наш историк одно и то же лицо, мы должны признать, что почетный декрет не может датироваться второй половиной III в. до н. э. Поясним почему.

В последнем десятилетии IV в. до н. э., когда наш герой начинал свой путь по карьерной лестнице, ему было лет 25–30. Мы не знаем, с какого возраста херсонесские граждане допускались к выборным должностям. В Афинах, например, возрастной ценз существовал – избираться на должности гражданин мог с 30 лет. Как уже отмечалось, две известные нам магистратуры не были единственными в карьере Сирика – были и другие, о которых у нас нет сведений. Литературно-исторической деятельностью Сирик занялся, скорее всего, уже в зрелом возрасте – где-то лет в 40–45. Учитывая продолжительность жизни в те времена, это действительно зрелый возраст, мало кто доживал даже до 60. Таким образом, говорить о второй половине III в. до н. э. невозможно: Сирик, вступив во вторую половину этого столетия, имел бы возраст за 70 лет.

Теперь остановимся на общеполитической обстановке вокруг Херсонеса в интересующие нас времена. Конец IV – первая треть III в. до н. э. – время наивысшего расцвета Херсонесского государства. Велика его аграрная территория в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму. Гражданский конфликт, имевший место в эти времена и нашедший отражение в Присяге херсонеситов и законе об амнистии [12, с. 61–72], благополучно завершился, варвары вели себя мирно. Очевидно, что бюджет государства позволял определенные экстраординарные траты, в числе которых – чествования особо выдающихся граждан. Именно в эти времена была поставлена бронзовая конная статуя Агасикла, сына Ктесия, с надписью на постаменте (IOSPE, I², 418) [2, с. 350; 8, с. 180]. Характерно, что и Агасикл, и Сирик примерно в одно и то же время отвечали за выпуск монеты и контролировали амфорное производство. Можно уверенно полагать, что оба персонажа, если и не были полными ровесниками, то, по крайней мере, принадлежали к одному поколению.

Трудности в Херсонесе начались, о чем свидетельствуют археологические и нумизматические данные, около рубежа первой – второй четвертей III в. до н. э. Они были вызваны первой волной нападения варваров на греков Северного Причерноморья. В связи с чем гибнут херсонесские неукрепленные усадьбы у Евпаторийского маяка [13, с. 74], у озера Панское [2, с. 362], массово зарываются клады из полновесных серебряных и медных монет [14, с. 350–352; 15, с. 25, 26]. Во второй четверти III в. до н. э. положение ненадолго стабилизируется, но в середине 60-х гг. этого столетия Херсонес постигает настоящая катастрофа, связанная с новой еще более разрушительной волной варварской экспансии, затронувшей все греческие сельские

(и не только сельские – например, город Никоний) поселения Северного Причерноморья [16, с. 73–76]. Картина бедствий на территории Херсонесского государства представляется следующим образом. Наиболее сильный урон нанесен херсонесским поселениям в Северо-Западном Крыму, они подверглись варварскому набегу, надо полагать, раньше, чем собственно Херсонес и его ближайшая округа на Гераклеяском полуострове. Можно предполагать, что исторические судьбы отдельных херсонесских поселений в Северо-Западном Крыму имели отличия. Два крупнейших из них – Керкинитида и Калос Лимен, по мнению В. А. Кутайсова, с большим трудом (как показывают раскопки), но все-таки сумели уцелеть [16, с. 76, 77]. Другие, как, например, усадьбы у озера Панское, погибли в пожаре, при этом часть жителей, не успевших убежать, погибла [17, с. 136–138], другие, возможно, успели уплыть в Калос Лимен или в Херсонес, а могли и попасть в плен к варварам. Многие крупные памятники херсонесской аграрной территории в Северо-Западном Крыму еще не исследованы, поэтому картина в процессе дальнейших исследований будет уточняться, но уже сейчас можно уверенно констатировать, что подавляющее большинство греческих памятников в этом районе прекратило существование.

А какова судьба усадеб Гераклеяского полуострова? В Херсонес, по всей видимости, прибыли многочисленные беженцы из Северо-Западного Крыма с информацией о постигших их драматических событиях. Херсонеситы предпринимают экстраординарные меры для защиты своего города: они создают дополнительные фортификационные сооружения в низинном юго-восточном районе Херсонеса (башня Зинона и XVII куртина). При этом в качестве строительного материала используют надгробные памятники городского некрополя. Это важный момент, подчеркивающий драматизм ситуации. Усадьбы ближайшей хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове, по-видимому, организованно покидаются их обитателями, все ценное эвакуируется, а прекрасные пиленые квадры башен этих усадеб разбираются и вывозятся в Херсонес для строительства и укрепления куртин и башен херсонесской крепости [18, с. 82–84]. Благодаря принятым оборонительным мерам город уцелел, но состояние его экономики и безопасности оказались на грани краха. Сельскохозяйственные угодья полиса теперь сосредоточены только вблизи крепостных стен города, и их эксплуатация была сопряжена с большими рисками. По-видимому, полису пришлось привлечь все запасы и резервы, накопленные в период благополучия и процветания, включая храмовые сокровища и резервы богатейших сограждан. Примерно на треть столетия для Херсонеса наступают трудные времена.

По всему получается, что первая четверть III в. до н. э. – время, наиболее подходящее для экстраординарных трат: установки алтарей, храмов, статуй, почетных декретов и пр. Вторая половина этого столетия – время потерь, разрушенной экономики, перманентного натиска со стороны варваров, время затягивания поясов, напряжения сил. Не лучшее время, чтобы дорогостоящими акциями чествовать граждан, пусть и, безусловно, достойных, и даже выдающихся.

Еще один момент в пользу довольно ранней датировки декрета в честь Сириסקа – палеография надписи. Буквы в декрете достаточно подквадратные, характерные по

графике для предыдущего столетия, имеют много общего с палеографией херсонесской присяги (IOSPE, I², 401), хотя есть и определенные отличия.

Следует, на наш взгляд, подчеркнуть два момента: на характер надписи, безусловно, влиял индивидуальный почерк резчика (в меньшей степени для лапидарной эпиграфики, в большей – для монет и особенно керамических клейм), но при этом основные тенденции палеографии данного времени в каждой надписи присутствуют. Рассмотрим особенности графики букв в легендах серебряных херсонесских монет, уверенно датированных первой третью III в. до н. э., и букв декрета в честь Сирика с лапидарными надписями и буквами в легендах монет остальной части III в. до н. э. Среди лапидарных надписей, которые можно уверенно датировать серединой – второй половиной III в. до н. э., прежде всего, нужно назвать надпись о неожиданном набеге соседних варваров во время религиозной церемонии за стенами Херсонеса (IOSPE, I², 343), которая, скорее всего, датируется временем около середины III в. до н. э., и акт о продаже или аренде земельных участков (IOSPE, I², 403), который, по-видимому, следует датировать временем ближе к концу второй трети III столетия.

Первое, что бросается в глаза при анализе графики лапидарных надписей и легенд монет первой трети III в. до н. э., – известная эклектика: в одной надписи иногда встречаются довольно разные написания одной и той же буквы, что не отменяет общей тенденции.

В надписях лапидарных и в легендах монет середины – второй половины III в. до н. э. чувствуется усиление эклектики в написании букв. С одной стороны, по-прежнему сохраняется графика некоторых букв, возникшая еще в IV в. до н. э., но она становится необязательной, и в рамках одной надписи встречаются достаточно разные написания букв. Высота букв становится в основном равной высоте строки, лучше вписывается в линейку, «подрастает» омикрон, почти не отличаясь по высоте от других букв.

Графика большинства букв обеих частей III столетия продолжает иметь много общего, отсутствуют, например, такие инновации, как А с ломанной гастой и лунарное написание некоторых букв, которые широко используются уже в следующем столетии. Обратимся к характеристике графики отдельных букв.

А – для первой трети III в. до н. э. характеризуется широко разбросанными гастами, которые как бы являются сторонами равнобедренного треугольника, а горизонтальная гаста расположена ближе к середине буквы и всегда строго горизонтальна. Для остальной части столетия **А** в надписях имеет много вариантов написания: косые гасты не всегда под 45 градусов, горизонтальная гаста то выше, то ниже середины, не всегда строго горизонтальна.

В – в надписи Сирика буква имеет одинаковые полукружия, смыкающиеся у её середины, такая же графика буквы на медной херсонесской монете конца первой трети III в. до н. э. с именем Боллион. Во второй – третьей третях столетия варианты графического изображения **В** шире: полукружности выходят за границы вертикальной гасты, смыкаются то ниже, то выше середины буквы, иногда полукружия явно разноразмерны.

Г – в первой трети III в. как в надписи, так и на монетах имеет две гасты строго под прямым углом, примерно равной величины. На остальном протяжении столетия горизонтальная гаста чаще меньше вертикальной и не всегда строго горизонтальна.

Δ – в первой трети III в. все гасты буквы, как правило, равновелики, на одной из монет отмечен вариант, когда горизонтальная гаста выходит за пределы треугольника в обе стороны. На остальной части столетия косые гасты не всегда под 45 градусов, образуя неправильный треугольник.

Е – в первой трети III в. средняя горизонтальная гаста буквы и в надписи, и на монетах неизменно вдвое меньше конечных. На остальном протяжении столетия все три горизонтальные гасты чаще равновелики или близки к этому.

Z – в первой трети III в. графическое оформление буквы весьма своеобразно, оно выполнено в виде буквы Н, положенной на бок.

Н – в первой трети III в. вертикальные гасты строго вертикальны, горизонтальная идет от середины вертикальных. На остальном протяжении столетия горизонтальная гаста часто «гуляет» в сторону от центра.

Θ – в первой трети III в. правильная окружность с точкой посередине, как правило, меньше высоты строки. На остальном протяжении столетия графика буквы практически та же, но её высота, как правило, соответствует высоте строки.

Κ – в первой трети III в. написание буквы весьма необычно: вертикальная гаста отвечает высоте надписи, а вот две косые, смыкаясь в середине вертикальной, очень невелики и сильно не достают до границы надписи. По-видимому, это можно считать хронологическим признаком, поскольку уже на остальном протяжении столетия косые гасты буквы (одна или две) чаще достигают границы строки.

Λ – в первой трети III в. напоминает написание Α, но в некоторых случаях, особенно при дублировании букв, расстояние между гастами заметно сближается (сказанное касается монет, но не надписи). На остальном протяжении столетия это сближение расстояния между гастами наблюдается все чаще.

Μ – в первой трети III в. вертикальные гасты – не вполне вертикальны, заваливаясь во внешнюю сторону, косые гасты смыкаются посередине высоты буквы. На остальном протяжении столетия наблюдается большая вариативность написания буквы (косые гасты смыкаются порою на границе строки).

Ν – в первой трети III в. вертикальные гасты равновелики по высоте буквы и строго вертикальны, косая соединяет верх одной и низ другой. На остальном протяжении столетия часто вертикальные гасты разновелики.

Ο – в первой трети III в. почти всегда меньше остальных букв, иногда на монетах производит впечатление жирной точки. На остальном протяжении столетия часто имеет высоту, совпадающую с размером строки.

Π – в первой трети III в. всегда левая вертикальная гаста дает высоту буквы, правая – в лучшем случае её половину, горизонтальная гаста иногда выходит за границу вертикальных в ту или иную сторону. На остальном протяжении столетия правая гаста часто больше половины левой.

Р – в первой трети III в. вертикальная гаста дает высоту буквы, полукружие, как правило, заканчивается на середине высоты, на остальном протяжении столетия полукружие разных размеров – то увеличенное, то уменьшенное от прежнего норматива.

Σ – в первой трети III в. всегда верхняя и нижняя горизонтальные гасты представляют собою косые гасты (угол отклонения варьируется), на остальном протяжении столетия угол отклонения уменьшается, иногда совпадая с границей строки.

Т – в первой трети III в. вертикальная и горизонтальная гасты почти равновелики, сочетаются посредине горизонтальной гасты, на остальном протяжении столетия горизонтальные гасты, как правило, меньше вертикальных.

Υ – в первой трети III в. дана по высоте строки надписи (и в надписи, и на монетах), вертикальная гаста заканчивается посредине буквы, где соединяются косые гасты, на остальном протяжении столетия буква изображалась примерно также.

Φ – в первой трети III в. вертикальная гаста определяется высотой строки, полукружия с двух сторон смыкаются посредине верхней гасты.

Χ – имеют равновеликие косые гасты по высоте строки, пересекаясь по их середине.

Ω – на монетах (более ранних в рамках первой четверти III в. до н. э.) наблюдается обычное начертание, когда горизонтальные гасты как бы выходят с краев полукружия; на более поздних монетах горизонтальные гасты лепятся к полукружию, подобно ушам.

Исходя из сказанного, наиболее вероятная дата декрета в честь Сирика – конец первой четверти III в. до н. э. Датировка надписи второй четвертью этого столетия (до середины 60-х гг.) также возможна, хотя и менее вероятна. Датировку надписи второй половиной III в. до н. э. следует исключить. Данные палеографии объективны. Работу по комплексному изучению памятника с учетом данных палеографии следует продолжить.

Список использованных источников и литературы

1. Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV–II вв. до н. э. : По эпиграфическим данным Северного Причерноморья / В. Н. Даниленко // АДСВ. – Свердловск, 1966. – Вып. 4. – С. 136–178.
Danilenko V. N. Prosopografiya Chersonesa IV–II vv. do n. e. : Po epigraficheskim dannym Severnogo Prichernomor'ya / V. N. Danilenko // ADSV. – Sverdlovsk, 1966. – Vyp. 4. – S. 136–178.
2. Виноградов Ю. Г. Образование территориального Херсонесского государства / Ю. Г. Виноградов, А. Н. Щеглов // Эллинизм : Экономика, политика, культура. – М. : Наука, 1990. – С. 310–371.
Vinogradov Yu. G. Obrazovanie territorial'nogo Chersonesskogo gosudarstva / Yu. G. Vinogradov, A. N. Shcheglov // Ellinizm : Ekonomika, politika, kul'tura. – M. : Nauka, 1990. – S. 310–371.
3. Гилевич А. М. Херсонесец Батилл, сын Никагора / А. М. Гилевич, А. Н. Щеглов // Hyperboreus. – 1996. – Vol. 2. – Fasc. 2. – P. 100–123.
Gilevich A. M. Chersonesets Batill, syn Nikagora / A. M. Gilevich, A. N. Shcheglov // Hyperboreus. – 1996. – Vol. 2. – Fasc. 2. – P. 100–123.
4. Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса : Греческие лапидарные надписи античного времени / Э. И. Соломоник. – Симферополь : Таврия, 1999. – 199 с.
Solomonik E. I. Kamennaya letopis' Chersonesa : Grecheskie lapidarnye nadpisi antichnogo vremeni / E. I. Soloonik. – Simferopol' : Tavriya, 1999. – 199 s.
5. Зедгенидзе А. А. Исследования северо-западного участка античного театра в Херсонесе / А. А. Зедгенидзе // КСИА. – 1976. – Вып. 145. – С. 36–38.

- Zedgenidze A. A. Issledovaniya severo-zapadnogo uchastka antichnogo teatra v Khersonese / A. A. Zedgenidze // KSIA. – 1976. – Vyp. 145. – S. 36–38.
6. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического : Каталог-определитель / В. И. Кац. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1994. – 170 с.
- Kats V. I. Keramicheskie kleyma Chersonesa Tavricheskogo : Katalog-opredelitel' / V. I. Kats. – Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1994. – 170 s.
7. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.) / В. А. Анохин. – Киев : Наукова думка, 1977. – 176 с.
- Anokhin V. A. Monetnoe delo Chersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.) / V. A. Anokhin. – Kiev : Naukova dumka, 1977. – 176 s.
8. Туровский Е. Я. Монеты античного и средневекового Херсонеса : Каталог-определитель / Е. Туровский, В. М. Горбатов. – Симферополь : Диайпи, 2013. – 156 с.
- Turovskiy E. Ya. Monety antichnogo i srednevekovogo Chersonesa : Katalog-opredelitel' / E. Turovskiy, V. M. Gorbato. – Simferopol' : Diaypi, 2013. – 156 s.
9. Грандмезон Н. Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического / Н. Н. Грандмезон // Нумизматика античного Причерноморья. – Киев, 1982. – С.34–41.
- Grandmazon N. N. Zametki o monetakh Chersonesa Tavricheskogo / N. N. Grandmazon // Numizmatika antichnogo Prichernomor'ya. – Kiev, 1982. – S.34–41.
10. Фролова Н. А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н. э. / Н. А. Фролова // ВДИ. – 1988. – № 2. – С. 122–142.
- Frolova N. A. Problemy monetnoy chekanki Bospora VI–II vv. do n. e. / N. A. Frolova // VDI. – 1988. – № 2. – S. 122–142.
11. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма : Опыт комплексного изучения / В. И. Кац // Боспорские исследования. – Вып. XVIII. – Симферополь ; Керчь, 2007. – 480 с.
- Kats V. I. Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma : Opyt kompleksnogo izucheniya / V. I. Kats // Bosporskie issledovaniya. – Vyp. XVIII. – Simferopol' ; Kerch', 2007. – 480 s.
12. Соломоник Э. И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках / Э. И. Соломоник // ВДИ. – 1984. – №3. – С.72–81.
- Solomonik E. I. Fragment nadpisi iz Chersonesa o politicheskikh izgnannikakh / E. I. Solomonik // VDI. – 1984. – №3. – S.72–81.
13. Колесников А. Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка / А. Б. Колесников // ВДИ. – 1985. – № 2. – С. 67–93.
- Kolesnikov A. B. Keramicheskie kleyma iz raskopok usadeb u Evpatoriyskogo mayaka / A. B. Kolesnikov // VDI. – 1985. – № 2. – S. 67–93.
14. Гилевич А. М. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV–II вв. до н. э. / А. М. Гилевич // Археологические вести. – 1999. – № 6. – С. 346–373.
- Gilevich A. M. Khronologiya i topografiya kladov i kollektivnykh nakhodok chersonesskikh monet IV–II vv. do n. e. / A. M. Gilevich // Arkheologicheskie vesti. – 1999. – № 6. – S. 346–373.
15. Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н. э. / Е. Я. Туровский. – Симферополь, 1997. – 87 с.
- Turovskiy E. Ya. Monety nezavisimogo Chersonesa IV–II vv. do n. e. / E. Ya. Turovskiy. – Simferopol', 1997. – 87 s.
16. Кутайсов В. А. Керкinitida и Херсонес в IV–II вв. до н.э / В. А. Кутайсов // ВДИ. – 2003. – № 2. – С. 60–90.
- Kutaysov V. A. Kerkinitida i Chersones v IV–II vv. do n. e. / V. A. Kutaysov // VDI. – 2003. – № 2. – S. 60–90.
17. Щеглов А. Н. Полис и хора / А. Н. Щеглов. – Симферополь : Таврия, 1976. – 176 с.
- Shcheglov A. N. Polis i khora / A. N. Shcheglov. – Simferopol' : Tavriya, 1976. – 176 s.
18. Золотарев М. И. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове / М. И. Золотарев, Е. Я. Туровский // Древнее Причерноморье : Материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П. О. Карышковского. – Одесса, 1990. – С. 71–89.

Zolotarev M. I. K istorii antichnykh sel'skikh usadeb Chersonesa na Gerakleyskom poluostrove / M. I. Zolotarev, E. Ya. Turovskiy // Drevnee Prichernomor'e : Materialy I Vsesoyuznykh chteniy pamyati professora P. O. Karyshkovskogo. – Odessa, 1990. – S. 71–89.

Turovsky E. Ya. On the dating of the decree of Chersonesos in honor of Sirisk, son of Heracleides // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 113–123.

The decree in honor of Sirisk of the son Heracleides, the Chersonese citizen and the historian who has described the city relations with kings and the cities it agrees with the advantage of the state, – one of the most interesting monuments of a lapidary epigraphy of an era of Hellenism. Now perhaps considerably to specify the broad dating of a monument a framework of the 3rd century BC which is going back to his first publisher V. V. Latyshev. The most probable dating of a monument time about the end of the first quarter of the 3rd century BC.

Keywords: Chersonesos, the decree in honor of Sirisk, the Chersonese historian, dating.

Табл. 1. Монеты первой половины III в. до н. э.

Табл. 2. Монеты второй половины III в. до н. э.

бук ва	1-я треть III в. до н.э.	2,3 трети III в. до н.э.	бук ва	1-я треть III в. до н.э.	2,3 трети III в. до н.э.
Α	Α	Α Α Α Α	Ν	Ν Ν Ν	Ν Ν Ν
Β	Β	Β Β Β	Ξ	Ξ Ξ Ξ	Ξ Ξ
Γ	Γ	Γ Γ Γ	Ο	Ο •	Ο Ο
Δ	Δ	Δ Δ	Π	Π Π	Π Π Π
Ε	Ε	Ε Ε Ε Ε	Ρ	Ρ	Ρ Ρ Ρ Ρ
Ζ	Ζ		Σ	Σ Σ Σ Σ	Σ Σ Σ Σ
Η	Η Η	Η Η Η	Τ	Τ Τ	Τ Τ Τ Τ
Θ	Θ Θ	Θ	Υ	Υ Υ	Υ Υ Υ
Ι	Ι	Ι Ι	Φ	Φ Φ Φ Φ	Φ Φ Φ
Κ	Κ	Κ Κ Κ	Χ	Χ Χ Χ	Χ Χ Χ
Λ	Λ Λ	Λ Λ Λ	Ψ	Ψ Ψ Ψ	Ψ Ψ
Μ	Μ Μ	Μ Μ Μ	Ω	Ω Ω • Ω	Ω Ω

Табл. 3. Графика букв на херсонесских надписях и монетах.

УДК 904.930

АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ ЦЕРКВИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Федосеев Н. Ф.¹, Пономарев Л. Ю.²

**¹Институт археологии Крыма РАН, Керчь, Российская федерация
E-mail: bospor@bk.ru**

**²Независимый исследователь, Керчь, Российская федерация
l_ponomarev@mail.ru**

Представлен краткий историографический обзор античных древностей: надгробий, постаментов, архитектурных деталей и статуй, обнаруженных в конце XVIII–XIX вв. в стенах, среди облицовки пола, во дворе и хозяйственных постройках церкви Иоанна Предтечи в Керчи.

Ключевые слова: церковь Иоанна Предтечи, Керчь, античные надгробия, барельефы, античные постаменты, Жильбер Ромм.

После того как в 1829 г. в прибрежной части Керчи была разобрана генуэзско-турецкая крепость, единственным средневековым памятником на территории города осталась церковь Иоанна Предтечи, древнейшая (восточная) часть которой представляет собой хорошо сохранившийся крестово-купольный храм средневизантийского периода (рис. 1, 1–3) [1, с. 244–248].

Благодаря уникальной сохранности церковь обратила на себя внимание ученых путешественников уже в конце XVIII в. и с тех пор постоянно упоминалась на страницах научных изданий, путевых дневников, справочников и путеводителей [2, с. 272–306]. Однако широкую известность она получила не только как яркий образец византийской храмовой архитектуры. Антикovedов, и особенно тех из них, кто специализировался в области древнегреческого искусства и эпиграфики, она привлекала, прежде всего, благодаря многочисленным изделиям из камня: архитектурным деталям, надгробиям, постаментам и обломкам статуй, которые были найдены в ее стенах и облицовке пола, а также в доме священника, на территории церковного двора и в его ограде¹.

Впрочем, уникальным сооружением в этом отношении церковь отнюдь не являлась. Разнообразные античные изделия из мрамора и известняка были вмонтированы и в стены многих других построек Керчи, причем не только османского периода, но и возведенных уже после 1771 г. [3, с. 96–97; 4, с. 272]. Обломки «древних мраморов» были также во множестве использованы при строительстве стен и внутренних построек генуэзско-турецкой крепости и в облицовке ее рва [3, с. 97; 5, рис. 11; 6, с. 26]. Особенно много их найдено в 1829 г. во время разборки крепостных сооружений, чему способствовал

¹ К 20-м гг. XIX в. церковный двор постепенно был превращен в своеобразный лапидарий под открытым небом, причем хранившиеся здесь крупногабаритные античные изделия из камня найдены не только в церкви и вокруг нее, но и в других районах Керчи.

нанятый И. А. Стемповским надсмотрщик, который «безотлучно находился при разломке стен старых строений, осматривая все добываемые из оных камни и наблюдая о сбережении и обращении в музей тех, кои окажутся с изображениями, надписями и проч.» [5, с. 222]. Своевременно предпринятые керченским градоначальником меры позволили пополнить коллекцию Керченского музея мраморными и известняковыми «украшениями древней архитектуры», «прекрасным фризом», хорошо сохранившимся карнизом и обломками посвяtitельных и почетных надписей [5, с. 222; 7, I, с. 46, 91, № 1, 27; 8, с. 148–149, прим. 1; 9, № 17, 37, 41]¹. Наиболее же часто в путевых дневниках конца XVIII – начала XIX вв. упоминались барельефная плита с изображением грифона и мраморная скульптура льва, которые были установлены в восточных («морских») и западных воротах крепости не позднее 60-х гг. XVII в. [12, с. 192, 195; 3, с. 97; 13, р. 122; 14, с. 108; 15, рис. на с. 148; 5, с. 213–214, рис. 77; 16, с. 377–378, рис. 1].

Кроме того, обломки «античных мраморов» – надгробий и постамента с надписью, датированной 192 г. н. э., – были использованы в облицовке «главного керченского фонтана», сооруженного недалеко от западных крепостных ворот еще в османский период [4, р. 279; 13, р. 122; 17, с. 20; 7, с. 102, № 35; 9, № 50].

В конце XVIII – первом десятилетии XIX вв. на эту особенность городских построек обращал внимание едва ли не каждый из побывавших в Керчи путешественников. Так, в 1786 г. Жильберу Ромму весь город показался «сооруженным из обломков греческих зданий» [3, с. 97]. Большим количеством античных древностей, использованных в качестве строительного материала, был поражен и Э.-Д. Кларк, посетивший Керчь в 1800 г. По его словам, стены города «покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными». А некоторые из них использовались в качестве «ступеней перед дверьми домов» или служили их украшением, причем зачастую будучи установленными «наискось или в совершенно перевернутом виде» [13, р. 118–119]. Изобилие мрамора среди «нетесаных камней... во многих униженных хижинах» Керчи отметил в 1802 г. и П. И. Сумароков [14, с. 109].

Что же касается церкви, то впервые на ее античные древности в 1786 г. обратил внимание Жильбер Ромм. Среди мраморных плит ее пола он обнаружил два фриза. Третий фриз, гораздо лучше сохранившийся, был использован в конструкции лестницы северного (бокового) входа. Здесь же находились два мраморных постамента, а в кладке северной стены Ж. Ромм заметил надгробную плиту с эпитафией «ΘΕΟΝΑΥΙΕ | ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ | ΑΜΑΣΤΡΙΑΝΕ, | ΧΑΙΡΕ»² [9, № 610; 3, с. 97; 5, рис. 12]. Однако следует отметить, что античное происхождение многих мраморных деталей, особенно фризов из церкви, вызвали у Ж. Ромма сомнения. Путешественник полагал, что

¹ Район, занимаемый генуэзско-турецкой крепостью, оказался едва ли не самым богатым на подобного рода находки, особенно много здесь найдено эпиграфических памятников, прежде всего, посвяtitельных надписей. Не исключено, что именно здесь в I–IV вв. располагался общественный и религиозный центр Пантикапея [8, с. 148; 10, с. 172]. Как известно, большое количество надписей концентрировалось на агоре, расположение коей и предполагают в этом районе некоторые исследователи [11, с. 164].

² Керченский лапидарий, № 155.

они могли происходить «из построенной турками мечети, из развалин нескольких храмов или из какого-нибудь большого здания, которое было воздвигнуто в этой местности греками». Позднее, продолжив поездку по Крыму, он укрепился в своих сомнениях. В Бахчисарае Ж. Ромм обратил внимание на мраморные украшения общественной бани, часть которых были «такого же характера», как и некоторые фризы, найденные им в керченской церкви. Благодаря этому обстоятельству, как пишет сам автор, он стал доверять услышанным им в Керчи рассказам о том, что большая часть мраморных украшений попала в церковь из мечети [3, с. 118–119].

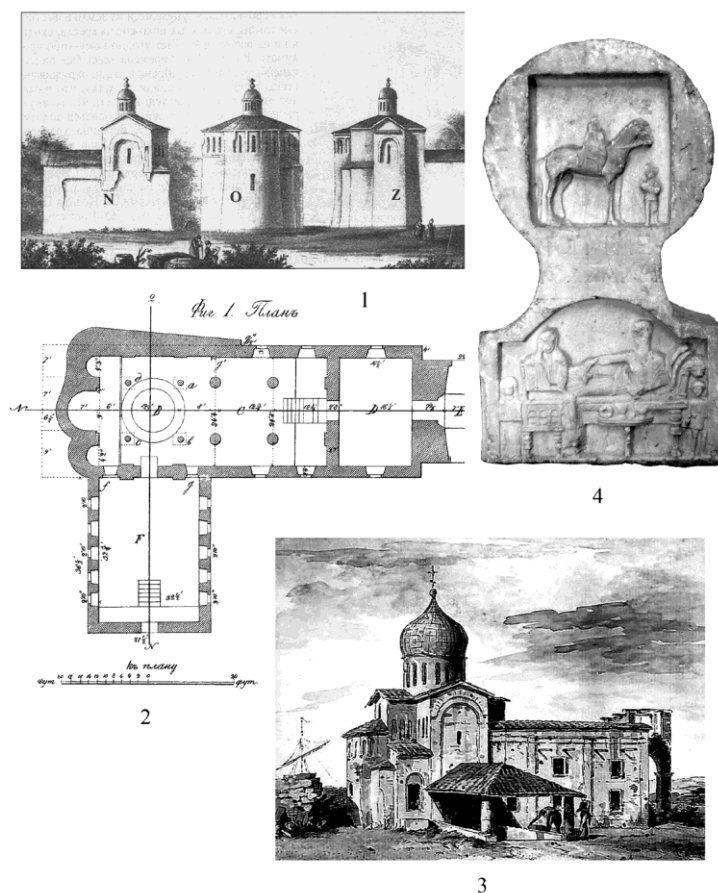

Рис. 1. 1 – Церковь Иоанна Предтечи. Вид с юга, востока и севера. Рисунок неизвестного автора (Мурзакевич, ЖМНП, 1837, с. 682); 2 – церковь Иоанна Предтечи. План с пристройками первой половины XIX в. (Рыдзевский, Инженерный журнал, 1868, фиг. 1); 3 – «Вид древней церкви в Керчи», 1803 г. акварель И. А. Иванова (вид на северный фасад с западной пристройкой и колокольней 1801–1804 гг.); 4 – надгробие Публия, сына Косса, из северной стены церкви.

В 1794 г. несколько надгробий зарисовал П. С. Паллас и предложил свою версию, объясняющую, каким образом они могли попасть в стены храма и других городских построек: «При раскопе фундаментов было найдено много старых могил и других древностей различного рода, скрытых работавшими солдатами, а камни с надписями были ими употреблены в постройки» [4, с. 272]. Еще один известняковый барельеф с изображением сцены заgrabной трапезы и надписью «ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ» он нашел в доме священника. По словам П. С. Палласа, «камень этот взят из облицовки фонтана, находившегося когда-то к западу от почтовой дороги, ведущей в Керчь» [4, с. 279, fig. 2; 18, р. 324; 9, № 833].

В 1793–1794 гг. к изучению лапидарных памятников Боспора обратился Ф. К. Маршал фон Биберштейн. Некоторые из них, в том числе и надгробия из южной и северной стен церкви и дома священника [9, № 285, 496, 610, 833], изданы им в небольшой анонимной статье «О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива» [19, с. 595, рис. 18; 19; 21; 23; 28–30]. В 1802 г. надписи, опубликованные Ф. К. Маршалом фон Биберштейном, были переизданы Мэтью Гатри. Он же, видимо, со слов своей жены – Марии Гатри, посетившей Керчь в 1795 г., – упоминает о колоннах «колоссального размера», лежавших рядом с храмом [цит. по: 5, с. 50–52; 18, р. 173, 309–327]. Краткое описание и изображения трех надгробий из северной и южной стен храма опубликовал Л. С. Ваксель [20, р. 8, № 8–10]. На множество «греческих барельефов», вмонтированных в городские постройки и собранных для ремонта церкви, в 1800 г. обратил внимание Э.-Д. Кларк, при этом был возмущен варварским отношением к ним со стороны местных жителей [13, р. 119]. Такая же картина представилась и П. И. Сумарокову. Вокруг церкви он заметил разбросанные обломки мраморных колонн и капителей, а на ее наружных стенах – «грубо высеченные выпуклостью изображения» [14, с. 108–109]. В 1803 г. схематические рисунки некоторых надгробий с текстом и переводом эпитафий в одной из своих «Путевых тетрадей» привел Н. А. Львов [цит. по: 5, с. 67–70, рис. 12–13; 21, II, рис. 30–31]. Несколько рисунков и «памятных записок» о керченских древностях, в том числе и надгробий в стенах церкви, сделал в 1806 г. английский путешественник Реджинальд Хебер [цит. по: 22, с. 668].

На два барельефа при посещении церкви в 1818 г. обратил внимание А. И. Михайловский-Данилевский, сопровождавший Александра I в его поездке по южным землям Российской империи. И хотя их подробного описания он не привел, но, насколько можно понять из его слов, остался впечатлен ими как высокохудожественными произведениями, напомнившими ему «об упадке искусств со времени их работы» [23, с. 92].

В 1822 г. с античными древностями церкви ознакомился английский врач и путешественник Роберт Лайелл. Во дворе он осмотрел собранные у ее стен обломки карнизов, капителей и колонн и особо отметил «обезглавленную статую женщины титанических размеров, выполненную из мрамора, драпировка на которой была чрезвычайно красивая» [24, р. 376]. Очевидно, что Р. Лайелл принял за нее торс огромной статуи, в которой исследователи XIX в. видели Эскулапа или Асклепия. После того,

как эта статуя была перемещена в Эрмитаж, О. Ф. Вальдгауер, сравнил ее со скульптурой карийского царя Мавсола и атрибутировал как изображение «боспорского царя» [25, s. 50, Nr. 36, Taf. 18]. Один из авторов данной статьи предположил, что это боспорский царь Перисад I (349–309 гг. до Р. Х.) (рис. 2, 2, 3) [26, с. 385].

Четыре барельефа, из которых два «высокой работы, с именами усопших и окончанием – радуйся», насчитал на стенах храма в 1825 г. П. П. Свиньин [27, с. 458]. При этом, как и Р. Лайелла, его внимание особенно привлекли «женская колоссальная статуя отменно смелого резца» и «торс мужчины... гораздо низшей работы», установленные в церковном дворе [27, с. 458–459]. «Великое множество надписей, барельефов, обломков от колонн, вмазанных в стены церкви и находимых вокруг ея» позволили ему предположить, что она была построена первыми «пришедшими сюда христианами из развалин храма знаменитого Эскулапа Пантикапейского» [28, с. 24; 29, с. 366].

Рис. 2. 1. – «Колоссальный торс Эскулапа» (Ашик, 1848, III, р. СI); 2. – Торс «колоссальной мраморной статуи Эскулапа». Рис. А. Я. Фабра (Дюбрюкс, 2010, рис. 94). 3. – Статуя боспорского царя Перисада (современное состояние, Эрмитаж).

О надгробиях, вмонтированных среди мраморных плит пола, в 1827 г. упоминает и Керчь-Еникальский градоначальник Ф. Ф. Вигель. По его словам, на некоторых из них высечены «разные фигуры» и служили они «совсем для другого употребления», иными словами были использованы в кладке вторично [30, с. 78]. Как одна из достопримечательностей церкви «мраморы с разными фигурами, большей частью грубыми изображениями» были включены также в «Описание древним зданиям, находящимся в крепости Еникальской и бывшей Керченской, и вообще на крымском берегу Таврического или Воспорского пролива», составленное 17 марта 1827 г. инженер-капитаном и командиром Еникальской инженерной команды Хр. Штиром [21, I, с. 55–56].

В 1832 и 1834 гг. Керчь посетил Фредерик Дюбуа де Монпере. В своем сочинении он уделит внимание и церкви Иоанна Предтечи, попутно отметив, что «памятники Пантикапея» начинались «уже в стенах храма». По его мнению, многие из них были «привезены сюда» (на церковный двор), чтобы «уберечь от разрушения». Однако подробного их описания он не привел, поскольку, по его словам, они были опубликованы в сочинении П. С. Палласа [31, р. 117; 15, с. 15].

В 1836 г. с лапидарными памятниками церкви ознакомился Н. Н. Мурзакевич. На северной стене он отметил два надгробия с изображениями и надписями, прочтенными им как «Феонайя (дочь) Дионисия радуйся» и «Публий Косса радуйся» (рис. 1, 4)¹, а на южной стене еще два надгробия без надписей [32, с. 682–683; 5, рис. 12; 9, №№ 610, 496]. Спустя несколько лет о надгробиях Феоны и Публия упомянул архиепископ Гавриил [33, с. 323; 34, с. 198].

Наиболее полная сводка античных лапидарных памятников из церкви приведена в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство», изданном в 1848 г. В их числе – почитательная надпись на мраморной колонне, обнаруженная в 1839 г. внутри церкви или недалеко от нее, а также эпитафии на надгробиях Наны и Демостратеи (южная стена), Лисимаха, сына Эвхариона (в алтарной части), Публия, сына Косса, и Феоны, сына Дионисия (северная стена) [7, I, с. 87, № 25; II, с. 60–62, 64, № 4, 5, 6, 8, 15; 9, № 285, 610]. Среди других античных изделий из мрамора А. Б. Ашик назвал уже упоминавшийся нами «колоссальный торс Эскулапа» (по его мнению, может быть, и Юпитера), находившийся с «незапамятных времен» в ограде церковного двора и здесь же, якобы, обнаруженный в 1800 г. Э.-Д. Кларком (рис. 2, 1) [7, с. 52–53, р. CI; 28, с. 24; 15, с. 8].

В 1844 г., вслед за А. Б. Ашиком, но уже в виде отдельной статьи Н. Н. Мурзакевич опубликовал пьедестал в виде колонны с латинской надписью о постановке статуи царю Савромату I, обнаруженную в 1839 г. в церковном дворе [35, с. 286–287; 9, № 46]². А в 1840 г. в ограде церкви или при расчистке церковного двора обнаружен мраморный фриз с изображением Артемиды, Аполлона, Гермеса и нимфы Киллены, небольшую статью которому посвятил Н. П. Кондаков [36, с. 16–25, табл. I, № 3; 5,

¹ В реальности же: «Феона, сын Диониса, амастриец, прощай» и «Публий, сын Косса, прощай».

² В настоящее время колонна хранится в Одесском археологическом музее [37, с. 35].

рис. 85]. В ней он также упомянул, что во время ремонта церкви найдено еще несколько надгробий, которые были вмонтированы «в стены новых частей церкви и стену церковного амбара» [36, с. 25]. Благодаря Н. П. Кондакову мраморный фриз получил широкую известность среди европейских исследователей. Краткий обзор публикаций, в которых рассматривался этот уникальный памятник, уже гораздо позднее в одной из своих статей привел Б. В. Варнеке [38, с. 15–25]. В 1890 г. некоторые надписи из церкви издал В. В. Латышев [39, II, № 40, 115, 192, 200, 285].

Помимо надгробий, барельефов и обломков архитектурных деталей, в качестве строительного материала в церковь попали два античных мраморных постамента. Один из них, благодаря сохранившейся надписи Леострата, получил широкую известность и неоднократно публиковался в российских и европейских изданиях конца XVIII–XIX вв. [4, s. 278; 20, p. 8, № 7; 18, p. 315; 40, p. 18, pl. VI; 41, VI, № 1; 42, № 2107; 21, II, рис. 69; 15, с. 50, прим. 1; 7, с. 61, № 11; 43, с. 340; 9, № 23]. Другой постамент, надпись на котором практически не сохранилась, не привлек внимания эпиграфистов, но стал одной из почитаемых святыней храма.

Со слов Жильбера Ромма можно предположить, что изначально они были вмонтированы в лестницу северного бокового входа, в ступенях которой путешественник заметил два пьедестала [3, с. 97]. Однако, по сведениям Л. С. Вакселя и А. Б. Ашика, по крайней мере один из них, а именно – постамент с посвящением Леострата, обнаружили среди плит мраморного пола [20, p. 8; 7, с. 61]. Изготовлен он из блока серого мрамора размерами 0,24×0,98×0,48 м. На верхней его поверхности вырублены углубления в форме ступней для ног статуи, а на лицевой стороне вырезана посвятельная надпись: «В царствование Перисада, сына Спартока, Леострат, сын П... за своего брата... посвятил Матери (?)» [44, с. 144, № 3 (35); 19, с. 592, 596, рис. 26–27; 45, с. 106, рис. 127–133]. В 1794 г. П. С. Паллас отметил его новое месторасположение – «в краю стены, выступающем у входа в церковь» [4, s. 279]. В 1804 г. постамент возле церкви видел Г. К. Э. Кёлер [40, p. 18, pl. VI]. Впоследствии его передали Феодосийскому музею древностей, что подтверждает найденная в архиве А. Н. Оленина «Опись Феодосийского музеума, учрежденного в 1811 г.» [46, с. 130–131; 7, с. 61, прим. 1; 47, с. 110–111]. В 1825 г. среди некоторых других экспонатов музейной коллекции его упомянул П. П. Свиньин [27, с. 463]. Спустя несколько лет с ним ознакомился Ф. Дюбуа де Монпере [21, II, рис. 69]. Однако когда постамент попал в музей, документально установить пока не удалось. На основании «Описи...» музея из бумаг А. Н. Оленина, датируемой 1816 г., можно лишь утверждать, что постамент привезли в Феодосию между 1811 и 1816 гг. [47, с. 110; 5, с. 209]. Возможно, он был куплен городским головой Феодосии и первым хранителем Феодосийского музея древностей А. В. Галлерой (Галерой), направленным в 1811 г. феодосийским градоначальником С. М. Броневским в Керчь и Ени-Кале для приобретения предметов древности [45, с. 98, прим. 7]. Нельзя также исключать, что его доставил П. Дюбрюкс, которому в этом же году С. М. Броневский поручил пополнить музейную коллекцию [21, I, с. 135; 45, с. 98, прим. 7]. В настоящее время место хранения постамента установить не удалось [44, с. 144; 45, с. 106, прим. 27].

Второй постамент такой известности среди исследователей не получил, поскольку посвятельная надпись на нем практически стерта и не поддавалась прочтению. По словам Н. Н. Мурзакевича, «заметно, что на нем была древняя эллинская надпись; но невежество ее сгладило» [32, с. 683]. Архиепископ Гавриил описывает его как «квадратный камень, наверху которого видна как-бы человеческая ступень» [33, с. 324]. Уже в конце XVIII в. керченские обыватели окружили постамент легендами и преданиями, согласно которым углубления в виде человеческих ног на поверхности камня оставил «некой Святой», стоявший на нем «многие годы кряду», а небольшая выемка рядом с ними трактовалась как отверстие «для оконечности посоха» [48, с. 71; 32, с. 683; 49, с. 250]. «Следы Святого» приписывали Св. Иоанну Предтечи или апостолу Андрею Первозванному, а наполняемая в углубления «святая вода» считалась целительной [50, с. 149]. Какое-то время постамент находился внутри церкви, но со временем, как указывает архиепископ Гавриил, посетивший Керчь в 1829 и 1835 гг., был установлен в трех саженях от западного входа в церковь [48, с. 71; 21, II, с. 90; 33, с. 324]. Позднее его поместили в стеклянный футляр, под которым находилась икона Св. Иоанна Предтечи с лампадой, а в начале XX в. постамент уже хранился в небольшой построенной для него часовенке [50, с. 148; 49, с. 250; 51, с. 39]. В целом же установить точное количество античных надгробий, постаментов и обломков статуй, барельефов и архитектурных деталей, найденных как в самой церкви, так и на территории церковного двора, в его ограде и хозяйственных постройках, уже не представляется возможным. Некоторые из них безвозвратно утеряны, при этом большей частью так и не получили должного описания. Другие же были переданы архиепископом Гавриилом и керченским протоиереем Д. Карличем в музей Одесского общества истории и древностей [5, с. 284], и только лишь два надгробия из северной стены, поступившие в 1895 г. в Керченский музей древностей, до сих пор хранятся в лапидарии Восточно-Крымского заповедника [9, № 496¹, 610²]. В Керченский музей древностей попали также постаменты с посвятельными надписями Фарнака и Динамии, найденные в 1895 г. при рытье фундамента северного придела церкви [9, № 29³, 38]. Два надгробия – одно безымянное, второе – сестер Наны и Демостратеи [9, № 285] – оставлены реставраторами в южной стене церкви. Последняя подобного рода находка – надгробие «Деметрии, дочери Поседиппа» – сделана в южной стене храма, под обвалившейся штукатуркой в 1951 г. [52, с. 204–206, рис. 3; 4; 9, № 176], а в 1958 г. во время исследования фундаментов церкви экспедицией ИА УССР под руководством Е. В. Веймарна найден мраморный торс Асклепия [53, с. 180–182, рис. 1]. В дальнейшем лапидарная коллекция церкви может быть пополнена только в том случае, если вокруг нее продолжатся раскопки.

¹ Керченский лапидарий, № 1166.

² Керченский лапидарий, № 155.

³ Керченский лапидарий, № 756.

Список использованных источников и литературы

1. Науменко В. Е. Христианские памятники и топография Боспора X–XII вв. / В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев // Климентовский сборник. Материалы VI международной конференции «Церковная археология : Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / Под ред. Т. Ю. Яшаевой. – Севастополь : Телескоп, 2013. – С. 244–263.
- Naumenko V. E. Khristianskie pamyatniki i topografiya Bospora X–XII vv. / V. E. Naumenko, L. Yu. Ponomarev // Klimentovskiy sbornik. Materialy VI mezhdunarodnoy konferentsii «Tserkovnaya arkheologiya : Chersones – gorod svyatogo Klimenta» (Sevastopol', 2011 g.) / Pod red. T. Yu. Yashaevoy. – Sevastopol' : Teleskop, 2013. – S. 244–263.
2. Пономарев Л. Ю. Керченская церковь Иоанна Предтечи (историографический обзор) / Л. Ю. Пономарев, Д. В. Бейлин, С. А. Бейлина // Научный сборник Керченского заповедника. – Симферополь, 2014. – Вып. IV. – С. 272–306.
- Ponomarev L. Yu. Kerchenskaya tserkov' Ioanna Predtechi (istoriograficheskiy obzor) / L. Yu. Ponomarev, D. V. Beylin, S. A. Beylina // Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika. – Simferopol', 2014. – Vyp. IV. – S. 272–306.
3. Петрова Э. Б. Крымские путешествия : Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году» / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова ; под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 168 с.
- Petrova E. B. Krymskie puteshestviya : Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu» / E. B. Petrova, T. A. Prokhorova ; pod red. E. B. Petrovoy. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2011. – 168 s.
4. Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794 : In 2 bd / P. Pallas. – Leipzig : Bey Gottfried Martini, 1801. – Bd. II. – 520 s.
5. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX vv.) / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – 676 s.
6. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море / Пер. с франц. А. Дюбрюкса / П. Дюбрюкс // ЗООИД. – Одесса, 1858. – Т. IV. – Отд. 1. – С. 3–84.
- Dyubryuks P. Opisanie razvalin i sledov drevnikh gorodov i ukrepleniye nekogda sushchestvovavshikh na evropeyskom beregu Bosfora Kimmeriyskogo ot vkhoda v proliv bliz Enikal'skogo mayaka do gory Opuk vlyuchitel'no pri Chernom more / Per. s frants. A. Dyubryuksa / P. Dyubryuks // ZOOID. – Odessa, 1858. – T. IV. – Otd. 1. – S. 3–84.
7. Ашик А. Б. Восторское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами / А. Б. Ашик. – Одесса : Тип. Т. Неймана и К°, 1848–1849. – Ч. I – 117 с.; Ч. II – 88 с.; Ч. III – 96 с.
- Ashik A. B. Vosporskoye tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamyatnikami raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami / A. B. Ashik. – Odessa : Tip. T. Neymana i K°, 1848–1849. – Ch. I – 117 s.; Ch. II – 88 s.; Ch. III – 96 s.
8. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор : Критическое обозрение памятников литературных и археологических / М. И. Ростовцев. – Л. : Ленинградский Гублит., 1925. – 624 с.
- Rostovtsev M. I. Skifiya i Bospor : Kriticheskoye obozreniye pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh / M. I. Rostovtsev. – L. : Leningradskiy Gublity., 1925. – 624 s.
9. Корпус боспорских надписей (КБН) / Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 950 с.
- Korpus bosporskikh nadpisey (KBN) / T. N. Knipovich, V. F. Gaydukevich, A. I. Dovatur, D. P. Kallistov. – M. ; L. : Nauka, 1965. – 950 s.
10. Сазанов А. В. Топография Пантикапея I–IV вв. н. э. / А. В. Сазанов // СА. – 1985. – № 3. – С. 166–177.

- Sazanov A. V. Topografiya Pantikapeya I–IV vv. n. e. / A. V. Sazanov // SA. – 1985. – № 3. – S. 166–177.
11. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. – М. ; Л. : Наука, 1949. – 624 с.
- Gaydukevich V. F. Bosporskoe tsarstvo / V. F. Gaydukevich. – M. ; L. : Nauka, 1949. – 624 s.
12. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер., вступ. ст. и комм. Е. В. Бахревского ; изд. 2-е. – Симферополь : Доля, 2008. – 272 с.
- Chelebi E. Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka) / Per., vstup. st. i komm. E. V. Bakhrevskogo ; izd. 2-e. – Simferopol' : Dolya, 2008. – 272 s.
13. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. Fourth edition / E. D. Clarke. – London : Printed for T. Cadell and W. Davies, 1817. – Vol. II. – 524 p.
14. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / П. И. Сумароков. – СПб. : В Императорской тип., 1805. – Ч. II. – 244 с.
- Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu / P. I. Sumarokov. – SPb. : V Imperatorskoy tip., 1805. – Ch. II. – 244 s.
15. Спасский Г. [И.] Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями / Г. И. Спасский. – М. : В Университетской тип., 1846. – 151 с.
- Spasskiy G. [I.] Bosfor Kimmeriyskiy s ego drevnostyami i dostopamyatnostyami / G. I. Spasskiy. – M. : V Universitetskoy tip., 1846. – 151 s.
16. Федосеев Н. Ф. Боспорский грифон / Н. Ф. Федосеев // Древности Боспора. – М., 2015. – Вып. 19. – С. 377–385.
- Fedoseev N. F. Bosporskij grifon / N. F. Fedoseev // Drevnosti Bospora. – M., 2015. – Vyp. 19. – S. 377–385.
17. Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым : В 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6 / Пер. с фр., пред. и прим. Т. М. Фадеевой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
- Dyubua de Monpere Frederik Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniiyu i v Krym : V 6 t. Parizh, 1843. T. 5, 6 / Per. s fr., pred. i prim. T. M. Fadeevoy. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2009. – 328 s.
18. Guthrie M. A tour, performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy / M. Guthrie. – London : T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802. – 446 p.
19. Тункина И. В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) / И. В. Тункина // Человек и древности : Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Под ред. И. С. Каменецкого, А. Н. Сорокина. – М. : Гриф и К, 2010. – С. 588–610.
- Tunkina I. V. Arkheologo-epigraficheskie issledovaniya F. K. Marshala fon Bibershteyna v Vostochnom Krymu i na Kavkaze v kontse XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam) / I. V. Tunkina // Chelovek i drevnosti : Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) / Pod red. I. S. Kamenetskogo, A. N. Sorokina. – M. : Grif i K, 2010. – S. 588–610.
20. Waxel L. Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans á l'Empire de Russie. Dessinees d'après les originaux en 1797 et 1798 / L. Waxel. – Berlin : Ches J. Fr. Schüppel, 1803. – 30 s.
21. Дюбрюкс П. Собрание сочинений : В 2 т. / Сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; подгот. текстов И. В. Тункиной и Н. Л. Сухачева ; пер. с фр. яз. Н. Л. Сухачева. – СПб. : Коло, 2010. – Т. 1 : Тексты. – 726 с.; Т. 2 : Иллюстрации. – 310 с.
- Dyubryuks P. Sobranie sochineniy : V 2 t. / Sost. i отв. red. d.i.n. I. V. Tunkina ; podgot. tekstov I. V. Tunkinoy i N. L. Sukhacheva ; per. s fr. yaz. N. L. Sukhacheva. – SPb. : Kolo, 2010. – T. 1 : Teksty. – 726 s.; T. 2 : Illyustratsii. – 310 s.
22. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806) / Н. И. Храпунов // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. – Вып. XIV. – С. 645–697.

- Khrapunov N. I. Krym v opisaniyakh Redzhinal'da Khebera (1806) / N. I. Khrapunov // МАИЕТ. – Simferopol', 2008. – Вып. XIV. – С. 645–697.
23. [Михайловский-Данилевский А. И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Путешествие с императором Александром I по южной России в 1818 году / Сообщ. Н. К. Шильдера // Русская старина. – СПб., 1897. – Т. XCI. – № 7. – С. 69–102.
- [Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I.] Iz vospominaniy Mikhaylovskogo-Danilevskogo. Puteshestvie s imperatorom Aleksandrom I po yuzhnoy Rossii v 1818 godu / Soobshch. N. K. Shil'dera // Russkaya starina. – SPb., 1897. – T. XCI. – № 7. – S. 69–102.
24. Layall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia / R. Layall. – London : Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. – Vol. 1. – 528 p.
25. Waldhauer O. Die antiken Skulpturen der Ermitage / O. Waldhauer. – Berlin, 1928. – Bd. 1. – 158 s.
26. Федосеев Н. Ф. Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба / Н. Ф. Федосеев // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Боспорские чтения. – Керчь, 2011. – Вып. XII. – С. 377–385.
- Fedoseev N. F. Ellinskoe i varvorskoe v pogrebenii kurgana Kul'-oba / N. F. Fedoseev // Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyanie kul'tur. Bosporskie chteniya. – Kerch', 2011. – Вып. XII. – С. 377–385.
27. Свиньин П. П. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 году, относительно археологии / П. П. Свиньин // Отечественные записки. – СПб., 1826. – Ч. XXV. – Кн. LXXI. – С. 440–467.
- Svin'in P. P. Obozrenie puteshestviya izdatelya Otechestvennykh zapisok po Rossii, v 1825 godu, otnositel'no arkheologii / P. P. Svin'in // Otechestvennye zapiski. – SPb., 1826. – Ch. XXV. – Kn. LXXI. – S. 440–467.
28. Свиньин П. П. Керчь, Древняя Пантикапея. (Из живописного путешествия по России, Издателя Отеч. записок) / П. П. Свиньин // Отечественные записки. – СПб., 1828. – Ч. 34. – Кн. 96. – С. 3–31.
- Svin'in P. P. Kerch', Drevnyaya Pantikapeya. (Iz zhivopisnogo puteshestviya po Rossii, Izdatelya Otech. Zapisok) / P. P. Svin'in // Otechestvennye zapiski. – SPb., 1828. – Ch. 34. – Kn. 96. – S. 3–31.
29. [Свиньин П. П.] Керчь, Древняя Пантикапея / П. П. Свиньин // Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П. П. Свиньиного. – СПб. : В тип. Н. Греча, 1839. – Ч. 1. – С. 361–371.
- [Svin'in P. P.] Kerch', Drevnyaya Pantikapeya / P. P. Svin'in // Kartiny Rossii i byt raznoplemennykh ee narodov iz puteshestviy P. P. Svin'ina. – SPb. : V tip. N. Grecha, 1839. – Ch. 1. – S. 361–371.
30. [Вигель Ф. Ф.] Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1864. – Кн. 1. Январь – Март. Отд. 2. – С. 11–99.
- [Vigel' F. F.] Zapiska o Kerchi / F. F. Vigel' // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. – M., 1864. – Kn. 1. Yanvar'-Mart. Otd. 2. – S. 11–99.
31. Montpéreux, Du Bois de Fr. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, Géorgie, Arménie et en Crimée i avec un atlas geographique, pittaresque, acheologique, geologique etc. / Du Bois de Fr. Montpéreux. – Paris. – T. V. – 464 p.
32. Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. / Н. Н. Мурзакевич // ЖМНП. – СПб., 1837. – Ч. 13. – № 3. – С. 621–961.
- Murzakevich N. N. Poezdka v Krym v 1836 g. / N. N. Murzakevich // ZhMNP. – SPb., 1837. – Ch. 13. – № 3. – S. 621–961.
33. Гавриил [Розанов] Остатки христианских древностей в Крыму : Уезд Феодосийский / Гавриил // ЗООИД. – Одесса, 1844. – Т. I. – Отд. 2. – С. 320–328.
- Gavriil [Rozanov] Ostatki khristianskikh drevnostey v Krymu : Uezd Feodosiyskiy / Gavriil // ZOOID. – Odessa, 1844. – T. I. – Otd. 2. – S. 320–328.
34. Гавриил [Розанов] Хронологико-историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической / Гавриил // ЗООИД. – Одесса, 1848. – Т. II. – Отд. 1. – С. 140–210.
- Gavriil [Rozanov] Khronologiko-istoricheskoe opisanie tserkvey eparkhii Khersonskoy i Tavricheskoy / Gavriil // ZOOID. – Odessa, 1848. – T. II. – Otd. 1. – S. 140–210.

35. Мурзакевич Н. Н. О латинской надписи, с именем воспорского царя Савромата II / Н. Н. Мурзакевич // ЗООИД. – Одесса, 1844. – Т. I. – Отд. 2. – С. 286–288.
- Murzakevich N. N. O latinskoj nadpisi, s imenem vosporskago tsarya Savromata II / N. N. Murzakevich // ZOOID. – Odessa, 1844. – Т. I. – Отд. 2. – С. 286–288.
36. Кондаков Н. П. Мраморный рельеф из Пантикапеи / Н. П. Кондаков // ЗООИД. – Одесса, 1877. – Т. X. – Отд. 1. – С. 16–25.
- Kondakov N. P. Mramornyy rel'ef iz Pantikapei / N. P. Kondakov // ZOOID. – Odessa, 1877. – Т. X. – Отд. 1. – С. 16–25.
37. Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. План города / В. Д. Блаватский // МИА. – М., 1951. – № 19 (Материалы по археологии северного Причерноморья в античную эпоху. I.). – С. 9–62.
- Blavatskiy V. D. Materialy po istorii Pantikapeya. Plan goroda / V. D. Blavatskiy // MIA. – М., 1951. – № 19 (Materialy po arkheologii severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu. I.). – С. 9–62.
38. Варнеке Б. В. К истолкованию керченского рельефа / Б. В. Варнеке // ЗООИД. – Одесса, 1915. – Т. XXXII. – С. 15–24.
- Varneke B. V. K istolkovaniyu kerchenskogo rel'efa / B. V. Varneke // ZOOID. – Odessa, 1915. – Т. XXXII. – С. 15–24.
39. Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / B. Latyshev. – Petropoli, 1890. – 440 p.
40. Koehler H. K. E. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye / H. K. E. Koehler. – St. Petersbourg : D L'imprimerie impériale, 1805. – 86 p.
41. Raoul-Rochette M. Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien, publiées et expliquées / M. Raoul-Rochette. – Paris : Firmin Didot, père et fils, 1822. – 235 p.
42. Boeckh A. Corpus inscriptionum Graecarum / A. Boeckh. – Berolini, ex Officina Academica vendit G. Reimeri libraria, 1843. – Bd. 2. – 1136 s.
43. Григорьев В. В. Цари Воспора Киммерийского, преимущественно по современным им надписям и монетам / В. В. Григорьев // Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом. – СПб. : Тип. брат. Пантелеевых, 1876. – С. 322–417.
- Grigor'ev V. V. Tsari Vospora – Kimmerijskago, preimushchestvenno po sovremennym im nadpisyam i monetam / V. V. Grigor'ev // Rossiya i Aziya. Sbornik issledovanij i statej po istorii, etnografii i geografii napisannykh v raznoe vremya V. V. Grigor'evym orientalistom. – SPb. : Tip. brat. Panteleevykh, 1876. – С. 322–417.
44. Трейстер М. Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья / М. Ю. Трейстер // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1999. – Вып. X. – С. 121–158.
- Trejster M. Yu. Materialy k korpusu postamentov bronzovykh statuj Severnogo Prichernomor'ya / M. Yu. Trejster // Khersonesskij sbornik. – Sevastopol', 1999. – Вып. X. – С. 121–158.
45. Тункина И. В. Открытие Феодосии : Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. / И. В. Тункина. – К. : Болеро, 2011. – 240 с.
- Tunkina I. V. Otkrytie Feodosii : Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosijskogo muzeya drevnostej. 1771–1871 gg. / I. V. Tunkina. – К. : Bolero, 2011. – 240 s.
46. Кеппен П. И. Древности северного берега Понта / П. И. Кеппен. – М. : В Университетской тип., 1828. – 175 с.
- Keppen P. I. Drevnosti severnogo berega Ponta / P. I. Keppen. – М. : V Universitetskoj tip., 1828. – 175 s.
47. Латышев В. В. К истории археологических исследований в южной России. Из переписки А. Н. Оленина / В. В. Латышев // ЗООИД. – Одесса, 1889. – Т. XV. – Отд. 1. – С. 61–115.
- Latyshev V. V. K istorii arkheologicheskikh issledovanij v yuzhnoj Rossii. Iz perepiski A. N. Olenina / V. V. Latyshev // ZOOID. – Odessa, 1889. – Т. XV. – Отд. 1. – С. 61–115.
48. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест / П. И. Сумароков. – М. : В Университетской тип., у Ридигера и Клаудия, 1800. – Ч. I. – 238 с.

Sumarokov P. I. Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vseh tekhnicheskikh mest / P. I. Sumarokov. – M. : V Universitetskoj tipografii, u Ridigera i Klaudiy, 1800. – Ch. I. – 238 s.

49. Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии Гермогена, Епископа Таврического, (ныне Псковского). – Симферополь : Таврическая Губернская тип., 1886. – 271 с.

Spravochnaya knizhka o prikhodakh i khramakh Tavricheskoj eparkhii Germogena, Episkopa Tavricheskogo, (nyne Pskovskogo). – Simferopol' : Tavricheskaya Gubernskaya tip., 1886. – 271 s.

50. Зенкевич Х. Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками / Х. Х. Зенкевич. – Керчь : Скоропечатная типо-литография Х. Н. Лаго и К^о (бывш. Холева), 1894. – 162 с.

Zenkevich Kh. Kh. Kerch v proshedshe i nastoyaschem. Istoriko-arkheologicheskij i geograficheskij ocherk s prilozheniem opisaniya dostoprimechatel'nostej goroda i ego okrestnostej, khronologicheskogo ukazatelya i statisticheskikh svedenij i s risunkami / Kh. Kh. Zenkevich. – Kerch' : Skoropechatnaya tipolitografiya Kh. N. Lago i K^o (byvsh. Kholeva), 1894. – 162 s.

51. Санжаровец В. Ф. Прицерковное Иоанно-Предтеченское кладбище в Керчи и памятник К. И. Месаксуду / В. Ф. Санжаровец // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 17. – С. 39–43.

Sanzharovets V. F. Pritserkovnoe Ioanno-Predtechenskoe kladbishche v Kerchi i pamyatnik K. I. Mesaksudi / V. F. Sanzharovets // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2006. – № 17. – S. 39–43.

52. Болтунова А. И. Неизданные надписи Боспора / А. И. Болтунова // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1960. – Т. 1. – С. 199–207.

Boltunova A. I. Neizdannye nadpisi Bospora / A. I. Boltunova // Numizmatika i epigrafika. – M., 1960. – T. 1. – S. 199–207.

53. Кобылина М. М. Новые находки скульптуры в Пантикапее / М. М. Кобылина // МИА. – М., 1962. – № 103 (Пантикапей). – С. 180–189.

Kobylyina M. M. Novye nakhodki skul'ptury v Pantikapee / M. M. Kobylyina // MIA. – M., 1962. – № 103 (Pantikapej). – S. 180–189.

Fedoseev N. F., L. Yu. Ponomarev Ancient antiquity church of John the Baptist in Kerch (historiographical review) / N. F. Fedoseev, L. Yu. Ponomarev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 124–136.

The article provides a brief overview of the historiographical ancient antiquities – gravestones, pedestals, architectural details and statues found at the end of XVIII – XIX centuries in the walls, including floor tiling, in a courtyard and outbuildings of the church of John the Baptist in Kerch.

Keywords: Church of John the Baptist, Kerch, ancient tombs, bas-reliefs, antique pedestals, Gilbert Romm.

УДК 72.04(033.2:012.6):(1-924.71:(1-14))

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ КАПИТЕЛИ И ДРУГИЕ ЭЛЕМЕНТЫ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Хрушкова Л. Г.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
E-mail: khrushkovaL@list.ru*

Несколько капителей ранневизантийской эпохи, хранящихся в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике, составляют неоднородную группу предметов различного происхождения. Четыре капители из местного камня относятся к типу ионических импостных капителей, они являются подражаниями византийских капителей того же типа, широко распространенных в V – VI вв. Две фрагментированные капители из проконнесского мрамора и одна небольшая капитель из камня с «тонким зубчатым» аканфом также относятся к ранневизантийской эпохе. Одна мраморная капитель датируется римской эпохой. Эта коллекция говорит о том, что во внутренних областях Крыма, куда византийский мрамор доставлялся в очень ограниченном количестве, некоторые элементы декора христианских базилик производились на месте.

Ключевые слова: Крым, Бахчисарай, Мангуп, ранневизантийские капители, архитектурные детали, Проконнесс, мрамор, известняк.

В коллекции архитектурных деталей Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника имеется несколько ранневизантийских капителей. Посвященная им статья опубликована в малодоступном заинтересованному читателю издании [1, р. 85–94]¹. В настоящем сборнике эта статья публикуется в переработанном и расширенном виде.

Среди капителей Бахчисарайского музея ионические импостные капители составляют однородную группу². Ионическая импостная капитель – характерное порождение позднеантичной эпохи. Более того, капитель этого типа, наряду с простым импостом, – это действительно изобретение византийских мастеров, все остальные типы капители Византия заимствовала из античности, так или иначе видоизменив их. Различные типы античных капителей соответствовали своему назначению до тех пор, пока колоннады базилик связывались плоским конструктивным элементом – архитравом. Но когда архитравы стали уступать место более совершенной арочной системе, возникла серьезная проблема перехода от колонны и капители к арке, кото-

¹ Я ознакомилась с капителями Бахчисарайского историко-культурного заповедника в июле 2010 г. Выражаю сердечную признательность Александру Германовичу Герцену и Оксане Николаевне Алпашкиной за содействие и помощь в работе.

² В старой литературе на русском языке, вплоть до 20-х гг. XX в., вместо общепринятого сейчас термина «импост» иногда употреблялось немецкое наименование – «кемпфер» (Kempfer).

рая существенно шире, нежели постелистая часть капители, на которую опирается пята арки. С этой целью и был изобретен импост, своего рода каменная подушка, переходный элемент в виде усеченной пирамиды, у которой основание меньше, чем постель, на которую опирается арка. Время появления импоста не совсем ясно, очевидно лишь, что широкое распространение он получил в V и особенно в VI в. Сначала импост высекали отдельно и его могли устанавливать на капитель любого типа. Более удачным в конструктивном отношении и более быстрым в изготовлении было соединение в одном блоке ионической капители и венчающего ее импоста.

Из всех типов позднеантичной капители именно ионическая капитель оказалась самой удобной, потому что прямоугольное основание импоста хорошо подходило к капители с неравными сторонами. Так, в историческом развитии капители наблюдается некоторый парадокс: когда традиционная ионическая капитель уже почти отжила свой век, ее соединение с импостом дало ей новую долгую и счастливую жизнь. Поздние формы ионической импостной капители пережили эпоху Юстиниана, когда этот тип капители достиг своего расцвета. Его применяли всюду: в Константинополе и Малой Азии, на Балканах, на островах Эгейского моря и на Кипре, в Причерноморье и в Северной Африке. Главным центром распространения ионической импостной капители стали проконнесские мастерские византийской столицы, которые наладили массовое производство этой продукции. Импостную ионическую капитель производили и в других местах, например, в Греции, в Эфесе, чаще – в мраморе, но иногда и в местном камне. Успеху этой формы способствовала простота ее исполнения: у этой капители отсутствуют два ряда пышных отогнутых листьев аканфа на корпусе, импост может иметь декор только на одной стороне или не иметь его вовсе. В Херсонесе капители этого типа преобладают, их число достигает 40 % от общего количества [2, с. 144–146], или 32 целых (или почти целых) экземпляров и сверх того 15 фрагментов различных размеров [3, s. 44–52, tabl. 75–95].

Типологию ионических импостных капителей создал Рудольф Кауч, чей фундаментальный труд о позднеантичной капители остается непревзойденным и в наши дни. В основе его классификации был, прежде всего, стилистический анализ пластического декора в традициях немецкого искусствознания, но также и форма капители. Он отмечает, что возможное возникновение ионической импостной капители уже в IV в. остается точно не доказанным, но хорошо известно, что ее расцвет относится к юстиниановской эпохе [4, S. 165–182]. Позже к этой теме обращались другие авторы, в их числе Жан-Пьер Содини, Клаудиа Барзанти и др. Последней по времени обобщающей работой является диссертация Василики Веми об ионической импостной капители в Греции, в этой книге читатель найдет и обзор предшествующих работ [5]. Проблема хронологии остается основной и самой трудной. Веми поставила своей задачей разработать хронологию ионической импостной капители в Греции, детально рассматривая все элементы капители и выделяя те структурные элементы, которые «имеют хронологическое значение». При этом морфологии отдается предпочтение перед стилистическим анализом декора. Имеются в виду «элементы фундаментальной формы капители» и соотношения между ними, особое значение придается сопо-

ставлению высоты ионического элемента и высоты импоста. Речь идет об установлении относительной хронологии [5, р. 6–8]. Однако едва ли эту задачу удалось решить. Относительная хронология капителей в Греции по-прежнему составляет проблему. Известное наблюдение, что со временем ионический элемент склонен уменьшаться, в сравнении с разрастающимся импостом, не является достаточным, чтобы датировать массу капителей, которые производились в разных центрах. Их особенности вряд ли подчинялись однолинейной эволюции. Что же касается абсолютной хронологии, здесь самое главное то, что число капителей с точными датами-реперами не увеличивается [5, р. 5]. Впрочем, для Константинополя хорошо датированные церкви, такие, как базилика Св. Иоанна Предтечи в Студийском монастыре (Имрахор) 453 г. и серия памятников V–VI вв. византийской столицы и Равенны, создают основу для датировки капителей, которые вывозились из проконнесских мастерских в разные места, в том числе и в Херсонес.

А. Л. Якобсон датировал ионические импостные капители VI в. или юстиниановской эпохой и полувеком позже, А. Бернацкий присоединился к этому мнению. Согласно современной точке зрения, в Константинополе ранние образцы типа датируются серединой V в., а большинство подобных капителей были изготовлены в первой половине VI в. [6, р. 159–170; 7, р. 326–327]. В Херсонес капители доставлялись из Константинополя, здесь тоже ранние ионические импостные капители из епископской (Уваровской) базилики датируются временем между серединой и последней четвертью V в. [8, р. 156, fig. 31; 9, с. 189–190; 10, р. 136–137]. Судя по размерам, в Херсонесе, как и всюду, ионические капители-импосты использовались главным образом в хорах базилик [11, Sp. 103–106].

Четыре капители из Бахчисарайского музея изготовлены из местного камня – известняка желтоватого цвета, который называют «местным мрамором», или мраморовидным известняком. Проконнесский мрамор обычно доставляли морским путем, поэтому его ввоз во внутренние районы Крыма был очень ограничен. Образцами для местных мастеров служили, скорее всего, мраморные проконнесские капители, прежде всего, из Херсонеса.

Капитель 1. Ионическая импостная капитель (рис. 1), на которой имеется шифр и инвентарный номер, указывающий на ее происхождение из Чуфут-кале¹. Там ранее были найдены три коринфские капители из мрамора, которые могли относиться к базилике ранневизантийской эпохи [12, с. 143–146, 161; 13, Sp. 82, 94, 112–114]. Верхняя часть импоста бахчисарайской капители отбита. Размеры основания, которое покоится на колонне: 43 х 43 см, размер верхней постели: 67 х 57 см. Высота импоста в современном состоянии 16 см, высота ионического элемента 11 см. В центре основания капители находится маленькое квадратное в плане углубление для крепления, здесь же два канала для свинца. Обе части капители четко отделены друг от друга. Ионическая часть не выступает за края импоста, волюты не связаны между собою. Эти особенности характерны для всей группы ионических капителей-импостов Бахчисарайского музея.

¹ ЧК МПГ 42–57: Чуфут-Кале, Музей пещерных городов, инв. № 42–57.

Эхин лицевой стороны капители 1 поврежден в середине, сохранились только два маленьких угловых листа аканфа, которые, возможно, обрамляли ов. На обратной стороне эхина два листика меньших размеров соединены между собою, образуя маленький ов. Сохранилась одна волюта, она правильного рисунка и вырезана четко. Балюстры не выступают относительно боковых сторон импоста, они немного сужены в середине и разделены перевязью, по обеим сторонам которой расположены копьевидные листья, – это элемент классического ионика (рис. 2).

Лицевая сторона импоста украшена листьями аканфа, расположенными симметрично по сторонам центрального мотива, вероятно, креста с удлинённой нижней ветвью. Именно этот мотив был самым распространенным как на ионических импостных капителях, так и на простых импостах. Обратная сторона импоста нашей капители гладкая. Капитель можно датировать первой половиной VI в.

Капитель 2. Ионическая импостная капитель того же типа, что и капитель 1 (рис. 3). Ее размеры – 40 x 45 см у основания, высота ионического элемента – 8,5 см, размеры верхней постели – 56 x 87 см, высота импоста – 29 см. Здесь высота импоста заметно больше, чем высота ионического элемента. Лицевая сторона эхина украшена овом и двумя трехдольными листьями аканфа, которые заменяют здесь традиционные пальметты классических капителей. Эти листья аканфа соединены небольшим выступом, который связывает волюты между собою и отмечает переход от эхина к импосту. Обратная сторона эхина украшена двумя маленькими трехдольными листиками аканфа, которые соединяются, образуя маленький ов (рис. 4). Волюты хорошо очерчены, глазок рельефный. Балюстры слегка сжаты в середине, которая отмечена перевязью, они украшены длинными листьями, частично сбитыми.

Вверху импост завершается горизонтальной полосой. Этот обычный элемент капителей рассматриваемого типа играет роль абака. Обе узкие стороны импоста украшены. В середине лицевой стороны расположен «процветший» крест с удлинённой нижней ветвью, часто и неточно именуемый «латинским крестом». Листья аканфа, окружающие крест, заполняют всю поверхность импоста. Эта типичная для фасада импоста декоративная схема «выкристаллизовалась в мастерских Константинополя» [5, р. 39].

В середине оборотной стороны импоста капители 2 две пальметты окружают маленький овал, который соответствует овалу на эхине. Четыре листа винограда, расположенные с обеих сторон, заполняют поверхность импоста. Декор, состоящий из листьев, полностью покрывающих импост и расположенный вокруг центрального мотива, чаще всего креста, появляется в середине V в., в церкви монастыря Св. Иоанна Студия в Константинополе [5, р. 73–74]. Одна мраморная ионическая капитель-импост из Кушадаси (Kazım Ymam Parki) дает пример сходства морфологических и декоративных черт, близких к нашей капители, включая и мотив на реверсе эхина. Эта капитель типична для начала VI в. [14, р. 42–45, fig. 4–6]. Оригинальной чертой капители № 2 из Бахчисарая является изображение листьев винограда на реверсе вместо привычных листьев аканфа. Эта капитель датируется первой половиной VI в.

В коллекции херсонесских мраморных капителей нет ионических импостных капителей, украшенных на обеих узких сторонах импоста, но можно привести два простых импоста, у которых декор лицевой стороны очень близок к капители 2 из Бахчисарая. Один из этих импостов находится в византийской экспозиции Херсонесского музея-заповедника, а другой – на колонне в базилике № 28, расположенной рядом с собором Св. Владимира XIX в. [3, tabl. 102, 103]. Упомянем также пять ионических импостных капителей из Херсонеса со сходным декором на лицевой стороне импоста: крест, с обеих сторон окруженный листьями аканфа. Обратная сторона этих капителей лишена всякого декора [3, tabl. 80, 91, 92].

Капитель 3. Ионическая импост-капитель (рис. 5) того же типа, что и предыдущие две. Ее размеры: основание 42 x 41 см, верхняя постель 85 x 54 см, высота импоста 20 см, высота ионического элемента 7–8,5 см. Верхняя часть импоста представляет горизонтальную полосу. Обе узкие стороны импоста, лицевая и обратная, лишены декора. Волюты не связаны между собою, они не моделированы, а скорее прочерчены. Лицевая сторона эхина украшена одним овом и двумя угловыми трехдольными листьями аканфа, как на капители 2. На оборотной стороне эхина видны два маленьких листа аканфа, они встречаются в середине, образуя маленький ов. Эта деталь похожа на аналогичный элемент капители 1. На одной балюстре два листа аканфа разделены перевязью (рис. 6). Другая балюстра украшена растительным мотивом и перекрещивающимися прочерченными линиями. Капитель можно датировать первой половиной VI в. В Херсонесе имеется четыре мраморные ионические импостные капители, у которых на импосте нет декора [3, tabl. 75, 77, 78, 93].

Капитель 4. Ионическая импостная капитель (рис. 7) того же типа, что и предыдущие три. Размеры основания 41 x 39 см, размеры верхней постели 74 x 47 см, высота ионического элемента 10 см, высота импоста 18 см. Верхняя часть импоста представляет собой горизонтальную полосу. Лицевая сторона импоста украшена «процветшим» крестом с расширяющимися концами в виде треугольников (форма, часто именуемая *croix pattée*). Обратная сторона импоста без декора. Ионическая часть отступает вглубь от краев импоста, который несколько шире. Четкая грань между импостом и эхином отсутствует, наблюдается смешение, соединение в едином целом обеих структурных частей капители, ионической части и импоста. Эти черты сближают бахчисарайскую капитель с группой 2 «упрощенного типа» (тип III) по классификации ионических импостных капителей, предложенной Веми. Такой тип эхина распространен на протяжении долгого периода, начиная с последней четверти V в. и до конца VI в. [5, p. 19–21].

Бахчисарайская капитель не окончена. Волюты не моделированы, а графически прочерчены в виде спиралей, которые украшают оконечности балюстр. Балюстры представляют собою простые цилиндры, без сужения в середине и без декора. Эхин тоже никак не украшен, он остался в виде закругленного выступа. Формой цилиндрических балюстр и прочерченными спиралями волют бахчисарайский экземпляр очень близок к капители из церкви Св. Иоанна в Эфесе, которая тоже осталась неоконченной. Эфесская капитель, выполненная на месте из привозного проконнесского мрамора, датируется юстиниановской эпохой [15, p. 226–227, fig. 8, 9]. Еще одна неоконченная капитель из музея в Варне (Одессос) в Болгарии близка к бахчисарайской

тем, что все ее элементы – эхин, гладкие цилиндрические балюстры и импост – лишены декора. В течение первой половины VI в. число неоконченных капителей этого типа увеличивается [6, р. 170, fig. 117]. Капитель из Бахчисарая можно датировать первой половиной VI в.

Образцы незавершенных капителей дают представление о последовательности выполнения элементов. Сначала из общего блока камня высекался импост и одновременно с ним ионическая часть, в которой из общей массы по узким сторонам выступали эхины и контуры волнот, а по длинным сторонам – балюстры. Эти обобщенные формы были лишены декора и деталей. Затем выполнялись детали: мотив креста, иногда вместе с листьями аканфа, и иные элементы на импосте, на эхине с обеих сторон – овы или листья аканфа различных форм, спирали на волнотах и растительные мотивы на балюстрах, которые чаще всего уже не имели посередине сжатия, унаследованного от классической эпохи. Нередко импост украшен одним лишь крестом на лицевой стороне.

В музее-заповеднике «Херсонес Таврический» хранится восемь экземпляров ионических капителей-импостов из проконнесского мрамора, у которых на импосте такая же форма «длинного креста» с расширяющимися в виде треугольников концами [3, tabl. 84–89], но среди капителей этой группы нет ни одного экземпляра ничем не украшенного эхина. Стиль бахчисарайских капителей, особенно № 2 и № 4, значительно упрощен и довольно грубый.

В Бахчисарайском музее-заповеднике находятся еще четыре капители, которые не составляют единой группы.

5. Нижняя часть маленькой капители из проконнесского мрамора (рис. 8), найденная в 1938 г. во время раскопок на плато Мангуп¹. Ее размеры в современном состоянии: высота 16–17 см, диаметр базы 28,5 см. На корпусе капители расположена корона из восьми листьев аканфа тонкого зубчатого аканфа, которые, встречаясь, образуют фигуру, похожую на арочку, которая служит как бы рамкой для трехдольных листьев тонкого зубчатого аканфа. На астрагале расположен ряд мелких листьев аканфа, поставленных косо. Эта деталь типична для композитных капителей, так же, как и для двузонных, с протомами животных по углам верхней зоны и с тонким зубчатым аканфом в нижней части. Бахчисарайская капитель относилась к одному из двух названных типов. Ее можно датировать второй половиной V в. [9, с. 182, рис. 7]. Композитные капители с тонким зубчатым аканфом производились в константинопольских мастерских, они принадлежат к числу самых сложных и изысканных созданий поздней античности. В херсонесской коллекции они немногочисленны. К уже известным капителям [9, с. 174–191; 10, р. 129–140] добавим еще одну. Это неопубликованная композитная капитель с двумя рядами тонкого зубчатого аканфа из фондов Государственного Исторического музея в Москве² (рис. 9).

¹ На капители указан шифр: КП 62466, инв. АВ 12891, находка 1938.

² Пользуюсь случаем выразить благодарность Денису Валерьяновичу Журавлеву, благодаря любезности которого я смогла ознакомиться с коллекцией византийских мраморов, поступивших в ГИМ из Херсонеса.

Особенность состава херсонесской коллекции капителей объясняется хронологическим фактором. Эпоха самого активного строительства в Херсонесе – это конец V – первая половина VI в. и эпоха Юстиниана. Преимущественный же период распространения капителей с тонким зубчатым аканфом – это эпоха предшествующая: от середины до третьей четверти V в. и, возможно, до конца этого столетия. Таким образом, пик строительной деятельности в Херсонесе не совпадает с временем наибольшего распространения капителей с тонким зубчатым аканфом.

6. Маленькая капитель выполнена из светло-серого известняка, ее верхняя часть повреждена (рис. 10). Высота капители 20 см, диаметр основания 28 см. Судя по размерам, она могла принадлежать алтарной преграде. На корпусе капители расположен один ряд из четырех слегка отогнутых листьев аканфа. Абак украшен мотивом «чешуек». Эта капитель представляет собою подражание капители с тонким зубчатым аканфом. Имитация довольно неумелая, поскольку форма мелких зубчиков тонкого аканфа выработана в мраморе и исполнить их в другом материале трудно. На бахчисарайском экземпляре листья упрощенной формы покрыты регулярно расположенными овальными и треугольными отверстиями, которые выполнены сверлами. Один необычно массивный выступающий ов помешен на несвойственное ему место на корпусе капители, между листьями аканфа, и переходит на абак. Очевидно, что мастер не имел ясного представления о структуре капители. Эту капитель можно датировать концом V или началом VI в.

В качестве аналогии этой капители из камня можно указать маленькую известняковую капитель из базилики в Партенитах. Аканф этой капители тоже является довольно грубым подражанием тонкому зубчатому аканфу мраморных капителей (рис. 11). Высота партенитской капители 17 см, поэтому Н. И. Репников справедливо предположил ее принадлежность к алтарной преграде [17, с. 114, рис. 52; 18, с. 96]. Еще одна малая капитель местной работы из известняка с подражанием тонкому зубчатому аканфу была найдена на Мангупе [18, с. 95]. Ее отличительная черта: крупная розетка, украшающая лицевую сторону абак, занимает также и часть лицевой стороны капители (рис. 12). Такое свободное отношение к структуре традиционной капители напоминает капитель из Бахчисарайского музея.

Еще одно изделие из местного камня, украшенное неотогнутыми и плоско трактованными листьями тонкого зубчатого аканфа – карниз (?) из Мангупа [18, с. 99]. Капитель-импост с таким же схематизированным и неотогнутым аканфом, но из мрамора, известна в Херсонесе. В свое время ее опубликовал Якобсон [2, рис. 47], но, видимо, с тех пор она была утрачена, потому что ее нет в каталоге херсонесских мраморов Бернацкого. Мастера, выполнявшие такие элементы декора из известняка, могли использовать образцы, имевшиеся здесь же, на Мангупе. Об этом свидетельствует небольшая четырехлистная мраморная капитель V в., которая сейчас находится в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского [18, с. 94]. Она отличается редкой чертой, которую мы, однако, встречаем не в Херсонесе, а в Константинополе, в Студийской базилике: у мангупской капители редко встречающиеся двойные листья аканфа – знак особой изысканности, парадности [6, р. 142].

Упомянем еще одну капитель из камня, найденную в низовьях р. Бельбек [18, с. 96]. Это импост «корзиночной» формы. В литературе о Крыме такие капители именуют «кубовыми», хотя импост по своей морфологической природе не может иметь кубическую форму. Капитель из Бельбека оправдывает название «корзиночной» не только по форме, но и по декору, который похож на плетенку. Капитель кажется незавершенной: плетенка не доходит до правого края, а верхняя широкая полоса оставлена без декора. Корзиночные капители, в том числе и с мотивом плетенки, производились из проконнесского мрамора в VI в. Скорее всего, к этому времени относится и капитель из долины Бельбека. Подобных капителей в Херсонесе нет. Таким образом, некоторые капители из восточных регионов Крыма свидетельствуют о том, что здесь поддерживали прямые, а не через Херсонес, контакты с Константинополем и другими центрами.

В Партенидах Репников обнаружил фрагмент тонкой колонки высотой 33 см, диаметром 13 см, у основания 16 см (рис. 13). Тоже выполненная в камне, эта, по его выражению, «отличная резная колонка» дает пример высокохудожественного исполнения крупных листьев тонкого зубчатого аканфа, которые покрывают всю поверхность колонки [17, с. 114, рис. 50]. Судя по ее толщине, колонка служила одной из ножек престола. Эти фрагменты происходят из какой-то базилики VI в. Они свидетельствуют о том, что при отсутствии устойчивого поступления импортного мрамора местные мастера смело, хотя и с разной степенью успеха, брались за работы по украшению интерьера церквей изделиями из камня.

7. Коринфская капитель из проконнесского мрамора, найденная на Мангупе. Она была обращена в чашу (рис. 14, 15). Превращения такого рода нередки. Капитель, полая изнутри, служила прочным и красивым сосудом, удобным в церковном применении. Чаще всего их использовали как крещальные купели. Подобные примеры известны в Греции [6, fig. 57], в Равенне, Никее, Аполлонии в Киренаике и, конечно, в Херсонесе [19, р. 128–131, fig. 3–6, 9]. Феодосийский музей обладает тремя сосудами, изготовленными из мраморных капителей, подобный сосуд имеется также в музее Судака [16, с. 144–145, рис. 55, 56]. Мраморные чаши меньших размеров могли служить сосудами для освященной воды. По-видимому, это случай бахчисарайской капители, которая для крещальной купели мала. Размеры капители: высота 46 см, диаметр внизу 33 см, диаметр сверху изнутри 25 см. Сосуд закрывался крышкой, выемка для нее идет по верхнему краю.

Декор сохранился только в нижней части, он состоит из пяти листьев аканфа, составляющих один ряд. В верхней части капители декор утрачен, поэтому мы не можем судить, была ли это обычная коринфская капитель или она принадлежала к одному из двух подтипов: «лирной» капители или капители «V-образной», согласно типологии, выработанной Каучем. Встречаясь, листья аканфа образуют углубления геометрических форм. Такой тип аканфа получил специальное название «аканф-маска», которое характеризует условную геометризацию стилизованного листа. Углубления, расположенные в определенном, нередко симметричном, порядке, могут «читаться» как самостоятельный узор, негативный по отношению к выступающим над

фоном листьям. Коринфские капители с таким аканфом широко распространились во второй половине V и в первой пол VI в. [6, р. 111–135; 7, р. 319–321]. В коллекции Херсонеса имеется 26 достаточно хорошо сохранившихся коринфских капителей и пять фрагментов с «аканфом-маской» [3, s. 33–37, tabl. 47–61].

8. В бахчисарайской коллекции есть еще одна мраморная капитель (рис. 16), найденная в 1938 г. на плато Эски-Кермен. Она частично повреждена, ее размеры: высота 52 см, длина лицевой стороны 64 см в верхней части. По определению А. И. Буйских, эта капитель принадлежит архитектурной традиции Малой Азии и датируется II в. [20, с. 24, рис. 8, 1]. Монументальные сооружения этого времени неизвестны в Эски-Кермене, видимо, она была доставлена туда из другого пункта.

Дата большой базилики на Мангупском плато является предметом долгих дискуссий, при этом хронологическая вилка очень широка, между VI и IX веками. Новые исследования на плато дают новые материалы, в том числе и о хронологии монументальных сооружений [21, с. 240–295]. По моему мнению, базилика была сооружена в юстиниановскую эпоху. Об этом говорят особенности ее плана, строительной техники и литургических устройств. Такой крупный памятник должен был иметь богатую декорацию. В Бахчисарайском музее-заповеднике хранится коллекция мелких фрагментов плит и колонок из мрамора, которые происходят из старых раскопок базилики (рис. 17). Размеры некоторых фрагментов следующие: 28 x 13 x 3,5–5 см, 20 x 19 x 6, 5 см, 18 x 17 x 4 см, 18 x 13 x 4, 5 см, 16 x 13,5 x 9 см, 10 x 8 x 2 см. Эти детали относились к интерьеру базилики. Судя по их толщине и характерным мултурам, большинство их были частями плит алтарной преграды. Такие плиты в VI в. в массовом количестве производились в проконнесских мастерских и вывозились в разные места. Три фрагмента колонок, 25 см в диаметре, также были элементами конструкции алтарной преграды. Несколько мраморных плиток лишены декора, обычно их использовали для мощения полов. Ряд фрагментов плит из известняка были подражаниями мрамору, но другие были самостоятельными произведениями местных резчиков по камню (рис. 18, 18а). Это еще одно свидетельство того, что в условиях недостатка мрамора использовался местный камень, а привозные мраморные изделия служили образцами.

Из мангупской базилики происходит архитектурный фрагмент, на который мое внимание обратил Александр Германович Герцен. Это блок известняка, в 2009 г. лежавший слева от западного входа в центральный неф базилики (рис. 19). Одна его сторона украшена равноконечным крестом, вписанным в круг. Крест образован пересекающимися в центре круга сегментами, которые образуют рукава креста с вогнутыми рукавами. Крест обрамлен двойным кругом с треугольниками, которые являются стилизацией венка – мотива, который в раннехристианское время очень часто сочетался с крестом или хризмой. Кресты такой формы были широко распространены на христианском Востоке в V–VI вв. Их родиной, скорее всего, была Сирия, там они встречаются часто, на различных элементах архитектурного декора [22, рl. XIV,1, XL,2, XLIII,3]. Кресты такой формы многочисленны в Грузии и Армении, которые культурно и конфессионально были тесно связаны с Сирией. Подобные кре-

сты, высеченные из местного известняка, встречаются в регионах, куда вывозился и византийский мрамор, например, в Абхазии [23, с. 31, табл. XIX,3]. В Херсонесе, где мрамор был в изобилии, как нигде в Крыму, форма равноконечного креста с вогнутыми и расширяющимися рукавами встречается крайне редко. Мне известен один пример изображения подобного креста из архивных материалов Мартина Ивановича Скубетова. В одной из его черновых тетрадей видим крест в двойном круге с треугольниками (рис. 20). Он зарисован тщательно, указано множество промеров, но мы не знаем, откуда происходит эта архитектурная деталь¹. В этом частном вопросе мы тоже отмечаем некоторое сходство Мангуна и Херсонеса – двух городов, где условия строительства крупных базилик и их украшения были совершенно различными.

Византийский мрамор проникал во внутренние районы Крыма в очень ограниченных количествах по сравнению с Херсонесом. Им дорожили, именно здесь известны вообще редкие случаи «реставрационных работ». Я имею виду капитель из проконесского мрамора, которая была найдена в 1869 г. в Партенитах, или на базилике [17, с. 112, рис. 46–48], или, по другим данным, на винограднике муллы Беялы [24, с. 420], куда она могла попасть из ближайшего церковного здания, то есть из той же базилики (рис. 21). Эта ионическая импостная капитель принадлежит к небольшой и редкой группе капителей, у которых в декоре импоста видим два типа аканфа: «остролистный» аканф сочетается с крупными листьями тонкого зубчатого аканфа, расположенными на углах импоста.

Партенитская капитель отличается одной особенностью: здесь листья тонкого зубчатого аканфа расположены по углам только лицевой стороны импоста, а на углах оборотной стороны видим аканф, условно и не вполне точно именуемый остролистным. Поэтому и на боковых гранях импоста с одной стороны изображен лист аканфа «остролистный», а с другой – тонкий зубчатый. В центре лицевой стороны импоста располагался овальный рельефный кабошон с вписанным в него крестом с удлиненной нижней ветвью. Кабошон сильно выступал над фоном, его окружали листья аканфа, крест был выполнен в тонкой ажурной технике. Этот хрупкий декоративный элемент на партенитской капители был утрачен, как это произошло и со многими другими капителями такого рода. Среди них капитель из раскопок Уваровской базилики, хранящаяся в Государственном Историческом музее в Москве, а также импост из константинопольской базилики монастыря Св. Иоанна Студия 453 г. [25, с. 394–395, рис. 11; 28, р. 394–397].

В Партенитах капитель отреставрировали. На месте утраченного кабошона, где остался гладкий, ничем не заполненный овал, мастер вырезал крест. Однако это уже совсем другая работа и иной уровень исполнения. Воспроизвести ажурный крест, приподнятый над фоном, было уже невозможно технически, поэтому мастер вырезал крест на свободном месте, поместив его в овал неправильной угловатой формы. Рисунок этого нового креста грубоватый, пропорции нарушены, – достаточно сравнить

¹ Научный архив ГМЗХТ. Ф. № 1. Д. № 135. «Из архива М. Скубетова». Пользуюсь случаем выразить благодарность заведующей архивом Херсонесского музея-заповедника Татьяне Александровне Прохоровой за содействие в работе.

его с превосходно исполненным крестом на оборотной узкой стороне импоста той же капители. У нового креста между ветвями помещены не листья аканфа (о них, видимо, уже забыли), а листики лилии (крины). Композиция креста в сочетании с мотивом лилии характерна для раннего средневековья, для эпохи VIII–IX вв. Видимо, во время строительства Партенитской базилики капитель, привезенная из Херсонеса, стала элементом интерьера, и ее отреставрировали, восстановив главное – изображение креста. Споллии такого рода могли использовать в алтаре, в конструкции престола, например.

Споры о дате строительства Партенитской базилики продолжаются. С. Б. Адаксина и В. Л. Мыц настаивают на датировке памятника X в. [24, с. 401–503]. Однако эта дата не находит обоснования в материалах раскопок, проведенных авторами в 1998–2001 гг. Прежде всего, реконструкция плана церкви является чистой гипотезой, потому что раскрытая раскопками часть памятника очень незначительна, да и та сохранилась лишь на уровне фундаментов. Неясно даже, какой типологии показанное на этой реконструкции сооружение. План, опубликованный Н. И. Репниковым, несравненно более достоверный, потому что в момент обмера базилика была раскопана полностью, ее стены частью еще сохранялись, поэтому все основные элементы план – стены, проемы, опоры – являются результатом натурной фиксации реальных объектов.

Стратиграфическое положение археологических материалов, которые Адаксина и Мыц считают датирующими, вызывает сомнение, потому что в разных публикациях тех же авторов сообщается различная информация о месте находки одних и тех же предметов. Стеклопая лампадка с ушками-петельками, найденная в слое разрушения, – характерный и широко распространенный предмет ранневизантийского времени. Однако о дате лампадки не сказано ничего.

Столь важный элемент декора, как вымостка *opus sectile*, на протяжении столетия после статьи Репникова не привлекала внимания. Адаксина и Мыц тоже упоминают о ней в нескольких словах, считая ее «идентичной» вымостке Десятичной церкви в Киеве. В действительности же между вымостками этих двух памятников нет ничего общего, они принадлежат разным эпохам. Этот вопрос в последнее время рассматривался неоднократно [26, р. 506–509; 27, с. 45–48; 25, с. 392]. Адаксина и Мыц упоминают баптистерий в северном «пастофории». Однако наличие крещальной купели в северной апсиде (резервуар в апсиде открыл Репников) полностью исключает датировку памятника средневизантийской эпохой, когда «пастофорий» являлся протесисом (жертвенником), но никогда не бывал местом крещения. Адаксина и Мыц считают «кенотафом» монументальную гробницу из мраморных плит в южном нефе базилики. Но что такое «христианский кенотаф» и был ли он возможен в Партенитах? Это вопросы. И, наконец, в работе Адаксиной и Мыца объемом свыше 100 страниц нет ни одного фотодокумента, поэтому читатель, к сожалению, не может представить себе, как выглядит памятник сейчас, многие десятилетия спустя после раскопок Репникова. В этом контексте вторично использованная партенитская капитель – свидетельство того, что в период раннего средневековья ее стремились приспособить к какой-то новой функции.

Коллекция капителей из Бахчисарайского музея дает нам представление об архитектурном декоре некоторых «малых городов» Крыма в ранневизантийскую эпоху. Несомненно, Херсонес был главным местом импорта мраморов из проконнесских мастерских. Но византийские мраморы проникали и во внутренние районы Крыма, и иногда им подражали местные мастера, выполнявшие сходные изделия из камня.

Список использованных источников и литературы

1. Khrushkova L. Quelques chapiteaux protobyzantins inédits du Sud-Est de la Crimée // *Mélanges Jean-Pierre Caillet* / ed. M. Jurković. – Zagreb-Motovun: University of Zagreb, 2013. – P. 85–94.
2. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. / А. Л. Якобсон. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР, 63). – 363 с.
Yakobson A. L. Rannesrednevekovyj Khersones. / A. L. Yakobson. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1959 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 63). – 363 S.
3. Biernacki A.B. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. – 328 s.
4. Kautsch R. Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitelle im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co., 1936 (Nachdruck, 1970).
5. Vemi V. Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne. – Athènes; Paris: École française d'Athènes, 1989 (Bulletin de Correspondance Hellénique, Suppl. XVII).
6. Barsanti C. L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regione pontiche durante il IV–VI secolo // *Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte*, serie III. 1989. XII. – P. 91–214.
7. Sodini J.-P., Barsanti C., Guiglia Guidobaldi A. La sculpture architecturale en marbre au VIe siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine // *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae*, II. – Città del Vaticano-Split, 1998. – P. 301–376.
8. Khrushkova L. Chersonesos in the Crimea: the First Christian Buildings (4th-5th Centuries) // *Antiquité Tardive*. 2008. 16. – P. 141–158.
9. Хрушкова Л. Г. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом : капители с тонким зубчатым аканфом / Л. Г. Хрушкова // ВВ. – 2011. – 70. – С. 174–191.
Khrushkova L. G. Prokonnesskij mramor v Khersonese Tavricheskom: kapiteli s tonkim zubchatym akanfom / L. G. Khrushkova // ВВ. – 2011. – С. 174–191.
10. Khrushkova L. Chersonesus in the Crimea: Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves // *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history* / ed. G. R. Tsatskhelidze. BAR International Series 2432. – Oxford, 2012. – P. 129–140.
11. Peschlow U. Kapitell // *Reallexikon für Antike und Christentum*. 2001. Bd. 20. – Sp. 58–123.
12. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь: Дар, 1999. – 350 с.
Ajbabain A. I. Etnicheskaya istoriya rennevizantijskogo Kryma / A. I. Ajbabain – Simferopol: Dar, 1999. – 350 s.
13. Khrushkova L. Krim (Chersonesus Taurica) // *Reallexikon für Antike und Christentum*. 2007. Bd. 22. – Sp. 75–125.
14. Russo E. Sculture architettoniche e decorative paleocristiane e bizantine nel Kazim Yaman Parki di Kuşadası // *Bizantinistica*, serie seconda. 2008 (2007). 9. – P. 41–60.
15. Russo E. The Ionic Impost Capitals of the Church of St. John in Ephesus, in: *Araştırma Sonuçları Toplantısı 1. Cilt. Cöceci, 28 Mayıs – 1 Haziran 2007*. – Ankara, 2008. – P. 221–234.
16. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV – XVIII веков / Е. А. Айбабина. – Симферополь, 2002.
Ajbabina E. A. Dekorativnaja kamennaja rezba Kaffy XIV – XVIII vekov / E. A. Ajbabina. – Simferopol, 2002.

17. Репников Н. И. Партенитская базилика / Н. И. Репников // ИАК. — 1909. — 32. — С. 91–140.
Repnikov N. I. Partenitskaya bazilika / N. I. Repnikov // IAK. 1909. — 32. — S. 91–140.
18. Смірнов Р. Скульптура та архітектурний декор (IV – перша половина XVI ст.) / Р. Смірнов // Історія українського мистецтва. У п'яти томах. Гол. ред. Г. Скрипник. Мистецтво середніх віків. / под ред. Л. Ганзенко і др. Київ: НАН України; ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2010. — С. 87–112.
Smirnov R. Skulptura ta arkhitekturnyj dekor (IV – persha polovina XVI st.) / R. Smirnov // Istoriya ukrainskogo mystetstva. U pjaty tomakh. Gol. red. K. Skrypnyk. Mystetstvo serednykh vikiv. / pod red. L. Ganzenko i dr. Kyiv: NAN Ukrainy; IMFE im. M.T. Rylskogo, 2010. — S. 87–112.
19. Jastrzębowska E. Ein Kapitell oder ein Becken und wofür // Études et Travaux. 2012. XXV. — P. 128–131.
20. Буйских А. В. К изучению стилей в монументальной архитектуре Херсонеса Таврического первых веков н. э. / А. В. Буйских // Херсонесский сборник. ANACARSIS. Памяти Ю. Г. Виноградова. — Севастополь, 2001. — С. 13–33.
Bujskikh A. V. K izucheniyu stilej v monumentalnoj arkhitekture Khersonesa Tavricheskogo pervykh vekov n. e. / A. V. Bujskikh // Khersonesskij sbornik. ANACARSIS. Pamyati Yu. G. Vinogradova. — Sevastopol, 2001. — S. 13–33.
21. Герцен А. Г., Иванова О. С., Наumenко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX — начало X в.) / А. Г. Герцен, О. С. Иванова, В. Е. Наumenко // МАИЭТ. — 2010. — 16. — С. 240–295.
Gertsen A. G., Ivanova O. S., V. E. Naumenko. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastrojki (seredina IX-nachalo X v.) / A. G. Gertsen, O. S. Ivanova, V. E. Naumenko // MAIET. 2010. — 16. — S. 240–295.
22. Lassus J. Invenaire archéologique de la région au Nord-Est de Hama. Vol. 1–2. — Damas, 1935–1936 (Documents d'études orientales publiés par l'Institut français de Damas, IV).
23. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. / Л. Г. Хрушкова. — Тбилиси: Мецниереба, 1980. — 126 с.
Khrushkova L. G. Skulptura rannesrednevekovej Abkhazii. V–X veka. / L. G. Khrushkova. — Tbilisi: Metsniereba, 1980. — 126 s.
24. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц // Христианский Восток. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; М.: Индрик, 2013. — Т. 6 (XII). — С. 401–503.
Adaksina S. B., Myts V. L. Partenitskaya bazilika v X-XI vv. (pervyj etap sushchestvovaniya pamyatnika) / S. B. Adaksina, V. L. Myts // Khristianskij Vostok. — SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha; M.: Indrik, 2013. — T. 6 (XII). — S. 401–503.
25. Хрушкова Л. Г. Базилика в Партенитах (Южный Крым): мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? / Л. Г. Хрушкова // Климентовский сборник. Материалы 6 Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента» (Севастополь, 2011) / под ред. Т. Ю. Яшаевой. — Севастополь: Телескоп, 2013. — С. 384–408.
Khrushkova L. G. Bazilika v Partenitakh (Yuzhnyj Krym): mog li byt v nej pokhoronen episkop Ioann Gotskij? / L. G. Khrushkova // Klimentovskij sbornik. Materialy 6 Mezhdunarodnoj konferentsii “Tserkovnaya arkheologiya: Khersones — gorod svyatogo Klimenta” (Sevastopol, 2011) / pod red. T. Yu. Yashaevoy. — Sevastopol: Teleskop, 2013. — S. 384–408.
26. Khrushkova L. *Opus sectile* Pavements in the Crimea and on the East Coast of the Black Sea // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics. October 16th–20th 2009. Bursa, Turkey / ed. M. Şahin. Istanbul, 2011. — P. 505–518.
27. Хрушкова Л. Г. Полы *opus sectile* в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст / Л. Г. Хрушкова // Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара, 22–24 ноября 2010 года / под ред. Д. Д. Елшина. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. — С. 34–59.
Khrushkova L. G. Poly *opus sectile* v Vostochnom Prichernomorje, Krymu, Kive: vizantijskij kontekst / L. G. Khrushkova // Pervye kamennye khramy Drevnej Rusi. Materialy arkhitekturno-

arkheologicheskogo seminara, 22–24 noyabrya 2010 goda / pod. red. D. D. Elshina. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2012. – S. 34–59.

28. Khroushkova L. Chersonèse en Crimée aux IVe–VIe siècles: topographie et chronologie // *Acta XV Congressus internationalis archaeologiae christianae. Toleti* (8-12.9.2008). *Episcopus, civitas, territorium. Pars I* / ed. O. Brandt et al. – Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 2013. – P. 387–402.

Khrushkova L. G. Early Byzantine capitals from the South-Western Crimea / L. G. Khrushkova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 137–162.

There are several capitals in the Museum of Bakhčisarai, located in the centre of the Crimea. Four capitals of the Age of Justinian, form a homogeneous group. Made from a local variety of marble, they belong to the type of the Ionic Impost capital. This type is the most numerous (32 objects, in addition to fragments) in the collection of capitals brought from Prokonnessos to Chersonesos. The other capitals in the Bakhčisarai museum do not form a single group. Among them is the lower part of a capital with “fine-toothed acanthus” (middle of the 5th – first decades of the 6th century), a Corinthian capital turned into a bowl (late 5th – early 6th century), a small capital of local limestone with imitation “fine-toothed acanthus” (late 5th – early 6th century). An item apart is the Roman Corinthian capital of the 2nd century.

Keywords: Crimea, Bakhčisaray, Mangup, early byzantine capitals, architectonic details, Prokonnessos, marble, limestone.

Рис. 1. Бахчисарайский музей. Капитель 1, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 2. Бахчисарайский музей. Капитель 1, балюстра (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 3. Бахчисарайский музей. Капитель 2, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 4. Бахчисарайский музей. Капитель 2, оборотная сторона (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 5. Бахчисарайский музей. Капитель 3, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 6. Бахчисарайский музей. Капитель 3, балюстра и боковая сторона импоста (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 7. Бахчисарайский музей. Капитель 4, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 8. Бахчисарайский музей. Капитель с тонким зубчатым аканфом, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой)

Рис. 9. Москва. Государственный Исторический музей. Капитель с тонким зубчатым аканфом, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 10. Бахчисарайский музей. Капитель четырехлистная с тонким зубчатым аканфом, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

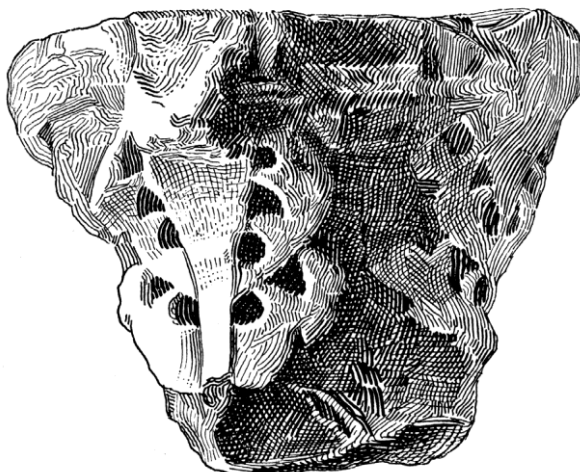

Рис. 11. Парфениты. Капитель четырехлистная с тонким зубчатым аканфом, известняк (по: Р. П. Смирнов / Н. И. Репников).

Рис. 12. Мангуп. Капитель с тонким зубчатым аканфом, известняк (по: Р. П. Смирнов / А. Маркевич).

Рис. 13. Партениты. Колонка от престола, известняк (по: Н. И. Репников).

Рис. 14. Бахчисарайский музей. Капитель коринфская – чаша, мрамор
(фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 15. Бахчисарайский музей. Капитель коринфская – чаша, вид сверху (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 16. Бахчисарайский музей. Капитель римской императорской эпохи, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

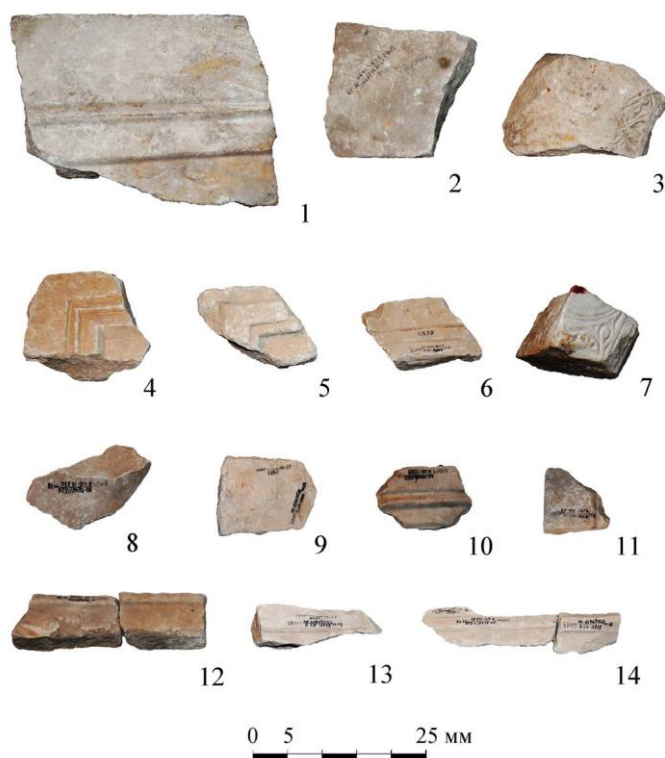

Рис. 17. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагменты плит, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 17а. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагмент плиты, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

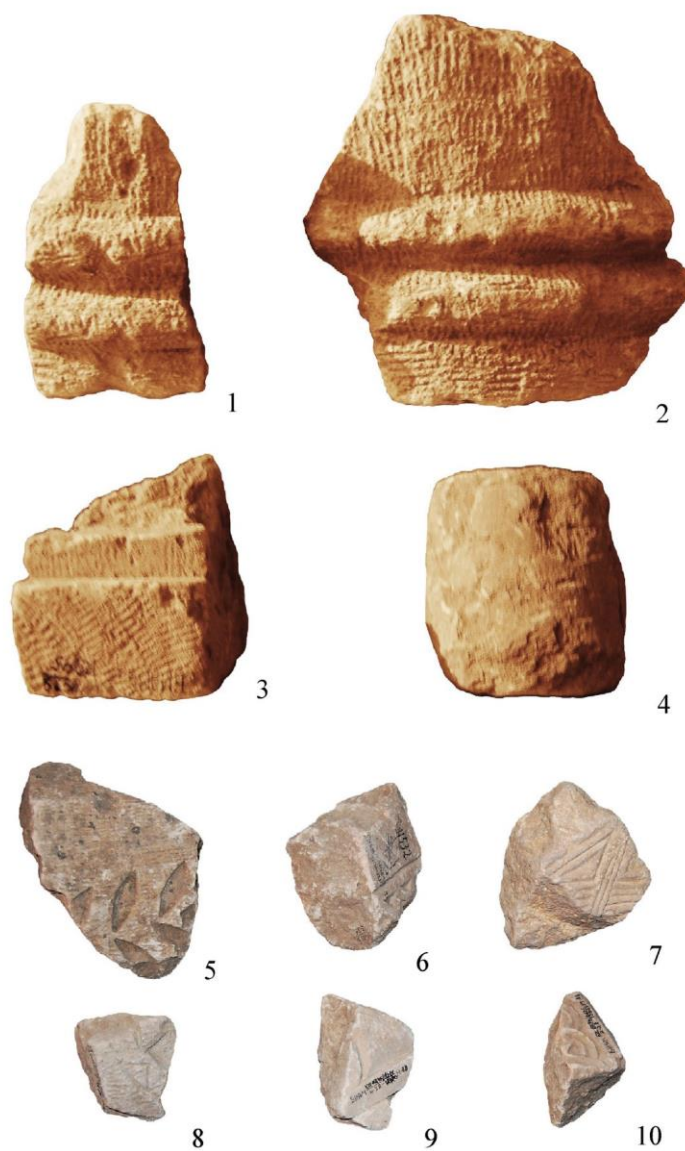

Рис. 18. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагменты плит, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

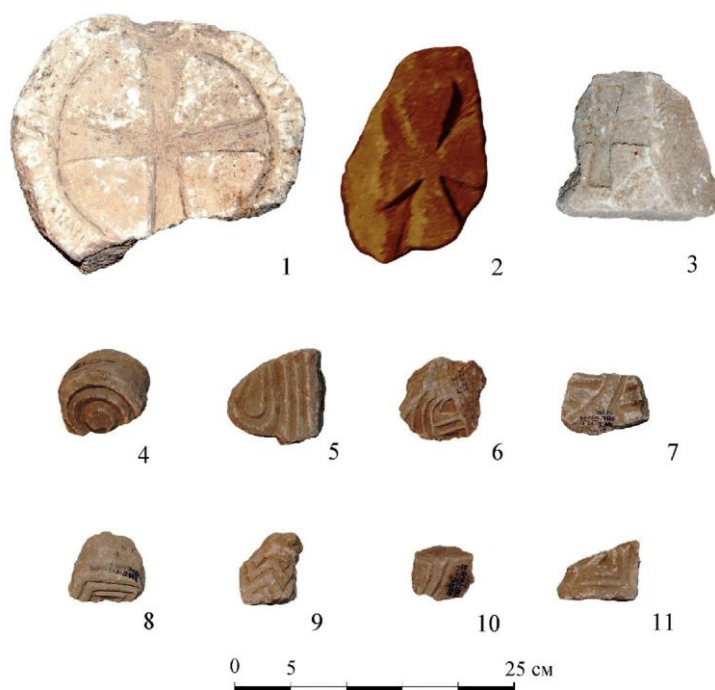

Рис. 18а. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагменты плит, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

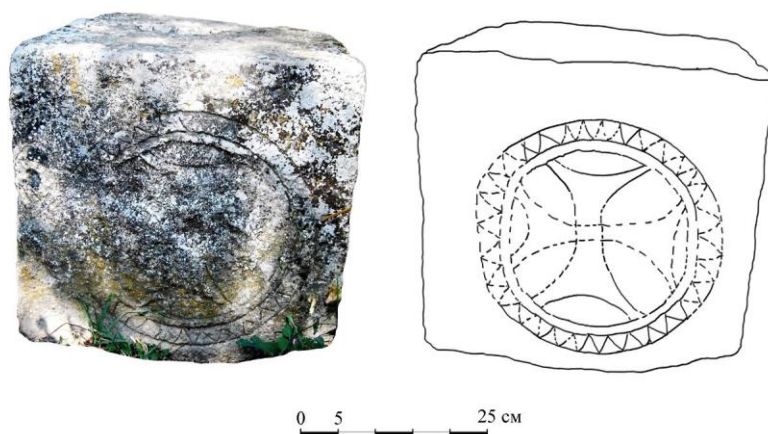

Рис. 19. Мангуп. Архитектурная деталь с изображением креста, известняк (фото Л. Г. Хрушковой, рис. И. Л. Снитко).

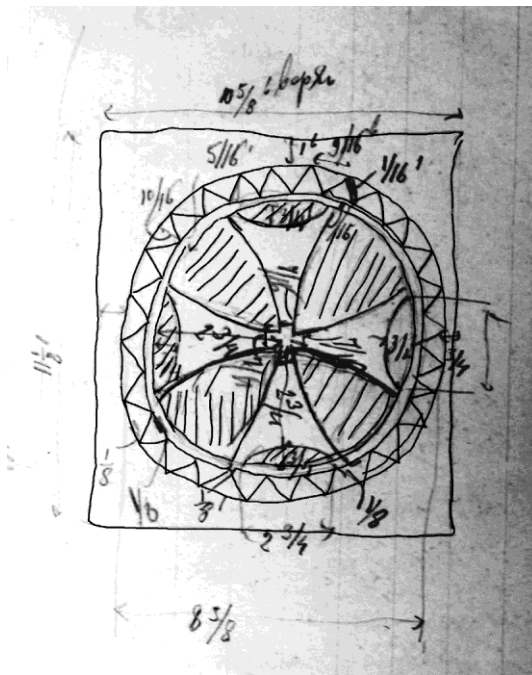

Рис. 20. Херсонес. Архитектурная деталь с изображением креста (рис. М. И. Скубетова).

Рис. 21. Парфениты. Капитель, лицевая сторона, мрамор (по: Н. И. Репникову).

УДК 94(477.75)+502.8+351.853.1+930.253

**ВЫВОЗ ИЗ КРЫМА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК
ЗА РУБЕЖ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ**

Шаманаев А. В.

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: shamanaev@mail.ru*

Статья посвящена проблеме изучения практики перемещения археологических находок из Крыма за рубеж в конце XVIII – начале XX в. Рассматриваются артефакты, найденные на археологических памятниках, как особая группа объектов культурного наследия (движимые культурные ценности). Исследование основано на анализе научных публикаций, записок современников, материалов из архивов Санкт-Петербурга и Севастополя. Имеющиеся данные позволяют установить факты вывоза культурных ценностей за рубеж уже на рубеже XVIII–XIX вв. Особенно активно разграбление памятников археологии и вывоз находок осуществлялись в период Крымской войны. Отмечаются случаи содействия государственных органов Российской империи перемещению культурных ценностей в 1880-х гг. Автор полагает, что проблема вывоза культурных ценностей из Крыма заслуживает более пристального изучения и обозначает возможные направления исследований.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана культурного наследия, история России, Крым.

Изучение вопросов перемещения в прошлом культурных ценностей, в том числе археологических находок, долгое время привлекало внимание исследователей преимущественно в контексте истории музейного дела и коллекционирования [см., напр.: 1, р. 1–11; 2, р. 171–185; 3, р. 169–185; 4, р. 215–224]. В последнее время внимание к этой теме возросло в связи с осознанием рисков утраты недвижимых объектов культурного наследия в условиях политических и военных конфликтов [см., напр.: 5, р. 164–172; 6, р. 387–388; 7, р. 316–331; 8, р. 933–943]. Нужно отметить, что интерес специалистов имеет как теоретический, так и практический характер. Так, с 2014 г. артефакты из коллекций четырех музеев Республики Крым незаконно удерживаются музеем Алларда Пирсона при Амстердамском университете.

По мнению современных исследователей, понятие «культурные ценности» не имеет четко определенной дефиниции, а их классификация не является устоявшейся [9, р. 14–20]. В широком смысле в качестве таковых можно рассматривать всю совокупность значимых материальных и духовных произведений мировой цивилизации [10, с. 21; 11, с. 14]. Однако в международном законодательстве и практике закрепилось понимание «культурных ценностей» как объектов культурного наследия, имеющих свойства движимого имущества. В частности, к ним относят артефакты, существующие вне собственно археологических памятников [9, р. 5; 10, с. 23–27]. «Рекомендация об охране движимых культурных ценностей», принятая ЮНЕСКО 28 но-

ября 1978 г., установила, что к данной категории наследия относятся «все движимые ценности, которые являются выражением или свидетельством творчества человека или эволюции природы и которые имеют ценность с археологической, исторической, художественной, научной или технической точек зрения» (ст. 1.1.а) [12, с. 194–195].

Вопрос о свободе перемещения культурных ценностей является дискуссионным. Так, В. О. Нешатаева выделила два основных подхода к этой проблеме. Идея «культурного интернационализма» (Дж. Мерримэн) допускает возможность контролируемого обмена движимыми ценностями между государствами, нациями, частными лицами. Сторонники «культурного национализма» (Дж. Мустакас, Дж. Кумантос) предлагают рассматривать культурные ценности, прежде всего, как достижения национальной культуры, неотчуждаемые от страны (нации) происхождения [11, с. 19].

Проблема пресечения актов вандализма и хищения артефактов на местах раскопок археологических памятников не была исключительно «крымским» явлением. Как минимум с середины XIX в. она остро осознавалась специалистами, исследовавшими памятники по всему миру [10, с. 24–26; 13, р. 182–184]. Стоит отметить, что в значительном объеме исследований по истории антикварной торговли и коллекционирования предметов старины и искусства в России мало внимания уделяется вопросам формирования собраний археологических находок и вывоза артефактов за рубеж. В основном авторы таких работ обращаются к судьбе художественных произведений и книжных коллекций [14, с. 12–22]. Как правило, антикварный рынок вещей, найденных на археологических памятниках, изучался в контексте практик кладоискательства [15, с. 126]. Однако попытка В. А. Бердинских рассмотреть этот вопрос на уровне монографии оказалась явно неудачной и вызвала справедливую резкую критику [16; 17, с. 172–175].

Проблема незаконной добычи археологических ценностей на памятниках Крыма и вывоза их за рубеж только эпизодически поднималась исследователями. Так, В. Н. Юргевич в обзоре исследований древностей Северного Причерноморья обозначил проблему предотвращения вывоза артефактов иностранными путешественниками [18, с. 34–35]. Судьба объектов историко-культурного наследия полуострова в годы Крымской войны рассматривалась исследователями в связи с анализом военных действий, процессов формирования и развития системы охраны памятников Крыма или научных направлений крымоведения [см., напр.: 19, с. 306–307, 529; 20, с. 165–167; 21, с. 69–72; 22, с. 162; 23, с. 91–98]. Можно выделить статью А. Ю. Аржанова, посвященную раскопкам полковника британской армии У. Монро (1818–1880) в окрестностях Балаклавы. Исследователь рассмотрел вопросы организации работ, их результаты и проследил судьбу некоторых артефактов, добытых в 1855 г. [24, с. 252–263]. Автором настоящей работы были введены в научный оборот документы, характеризующие организацию вывоза культурных ценностей Херсонесского городища в США в 1880-х гг. [25, с. 110–118].

Для изучения проблемы перемещения археологических находок крымских памятников необходимо обращение к широкому кругу источников. Так, ценную информацию дают записки путешественников конца XVIII – начала XIX в. [26]. Сведения

об уничтожении и расхищении древностей полуострова в период Крымской войны содержат воспоминания участников этих событий [27, с. 415–421; 28; 29]. Большое значение для раскрытия темы имеют архивные документы. В частности, подробные данные об организации вывоза мраморных архитектурных деталей из Херсонеса в США имеются в материалах монастыря Св. Владимира в Архиве города Севастополя и делах Святейшего Синода в Российском государственном историческом архиве [30, л. 284–285, 290–290 об.; 31, л. 1, 3–3 об., 7–8 об.].

Нужно отметить, что уже на рубеже XVIII–XIX в. в Крыму сложился рынок антиквариата, на котором шла активная торговля артефактами, добытыми на различных памятниках полуострова. Так, по сведениям английского путешественника Эд. Д. Кларка (1769–1822), посетившего юг России в 1800 г., за несколько рублей в Севастополе можно было купить различные произведения античности [26, р. 207–208]. В начале XIX в. проблема сохранения культурных ценностей Крыма привлекла внимание властей. На основании распоряжения Александра I херсонский военный губернатор (в его административном управлении находилась Таврическая губерния, в состав которой входил Крым) герцог Э. О. де Ришелье (1766–1822) предписал в 1805 г.: *«никому из частных путешественников, Новороссийские губернии посещающих, не дозволяемо было собирать могущих находится там древних редкостей»* (здесь и далее в цитатах сохранены стиль, орфография и пунктуация подлинника. – А. Ш.). Однако этот запрет распространялся только на казенные земли [цит. по: 32, с. 33]. По мнению исследователя конца XIX в. С. Х. Стевена, данное распоряжение не исполнялось и *«в это время составлялось много больших частных коллекций монет и древностей»* [32, с. 36]. Указы 1834 и 1835 гг. регламентировали деятельность Керченского музея древностей и устанавливали, что *«никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древностей на землях казенных и общественных»* [цит. по: 33, с. Разгон, с. 351–352]. Однако эти распоряжения серьезных результатов не дали: расхищение крымских памятников не прекратилось [22, с. 162–166]. Сохранились сведения о существовании в начале XIX в. частных коллекций, в основном нумизматических, включавших находки, сделанные на территории Херсонеса [19, с. 504–505, 514–528].

Периодом масштабного вывоза археологических находок за рубеж стали годы Крымской войны. К 1854 г. на территории Крыма действовали Феодосийский (основан в 1811 г.) и Керченский (с 1826 г.) музеи древностей. Археологическими раскопками были открыты памятники Керчи и Херсонеса-Херсона. Ученые-путешественники выявили десятки археологических комплексов античности и средневековья [19, с. 207–215, 220–226, 290–310, 499–529, 547–557]. Угроза военных действий заставила принять меры по сохранению ценных экспонатов региональных собраний древностей. Хранитель Керченского музея древностей А. Е. Люценко (1807–1884) в апреле 1854 г. отправил из Керчи в Бердянск семь ящиков наиболее ценных экспонатов (античные изделия из золота, часть библиотеки и архива). Другая часть коллекций была вывезена в Екатеринослав [19, с. 304–305; 20, с. 165; 34, с. 140]. По некоторым сведениям, какие-то золотые предметы поступили в Императорский Эрмитаж [35,

с. 105]. В августе 1854 г. хранитель Феодосийского музея древностей Е. Ф. де Вильнев (1803–1879?) отправил из города несколько ящиков с монетами и керамическими изделиями, а также эпиграфические памятники и барельефы в имение майора Ковачко, что в четырех верстах (ок. 4,3 км) от г. Феодосии [20, с. 165]. Эти меры позволили сохранить ценные артефакты от расхищения и вывоза за рубеж.

Во время Крымской войны более других пострадали объекты историко-культурного наследия Севастополя и его окрестностей. Так, уже при высадке на подступах к городу английских войск были повреждены руины средневековой крепости Чембало в Балаклаве [36, с. 108–110]. Остатки крепостных построек союзники использовали как источник камня для балласта коммерческих судов [29, р. 394].

В мае 1855 г. в Балаклаве высадились войска Сардинии. Памятники Чембало привлекли внимание командующего Сардинским экспедиционным корпусом генерала А. Ла Мармора (1804–1878). По его распоряжению из Крыма в Геную были отправлены несколько мраморных плит. Плиты с надписями консулов Варнаво Грилло (1463), Де Оливо (1467), нечитаемой латинской надписью, изображениями гербов были помещены в генуэзском Палаццо Цивико [37, с. 319–320].

Осенью 1855 г. в руки полковника 39 полка У. Монро (1818–1880), известного специалиста-ботаника и антиквара, попала античная монета, найденная солдатом на месте бывшего лагеря французской кавалерии около Балаклавы. У. Монро заинтересовали остатки сооружения, частично разобранные солдатами для обустройства кухни. С согласия командования полковник провел на этом месте раскопки, привлекая к работам ежедневно 50 человек. Им были выявлены остатки круглой в плане постройки, монеты, керамика, мраморные надгробия. У. Монро интерпретировал комплекс как древнегреческий храм, однако Д. Макферсон (1812–1867) определил памятник как руины усадьбы хоры Херсонеса. Артефакты, полученные при раскопках, были отправлены в Англию [28, р. 44–47; 29, р. 394–395]. Вероятно, основная часть коллекции, включающая фрагменты керамических и стеклянных сосудов, изделия из металла, кости и камня, черепицы с клеймами, поступила в фонды Британского музея. Судьба нумизматических материалов не известна. По мнению А. Ю. Аржанова, раскопки были проведены на высоком научном уровне [24, с. 257–261]. По сути их нужно рассматривать как грабительские.

Херсонесское городище оказалось в зоне размещения французской армии. Здесь были разрушены строения киновии Св. Владимира, созданной в 1852 г. [23, с. 96]. При этом, вероятно, были расхищены или уничтожены археологические находки из раскопок иеромонаха о. Василия (Юдина) 1852–1853 гг. и некоторые вещи, полученные в результате исследований 1853 г. А. С. Уварова (1825–1884), хранившиеся в монастыре [19, с. 526–529]. Не исключено, что французы производили какие-то археологические работы. Однако, в отличие от работ англичан, они были менее масштабными [40, с. 120].

Огромный ущерб был нанесен объектам культурного наследия не только Севастополя, но и Керчи, занятой войсками союзников 12 мая 1855 г. Город подвергся разграблению [27, с. 415–421; 41, с. 169–178]. В руки мародеров попали предметы из кол-

лекции Керченского музея древностей. По словам очевидцев, пол музейного зала был на несколько дюймов покрыт осколками стеклянных и керамических сосудов, погребальных урн и статуй, витрины оказались взломанными и разбитыми, полки для экспонатов сорваны и сожжены, многие вещи бесследно исчезли [19, с. 305; 28, р. 41;]. Примечательно, что после того, как этот факт получил огласку в европейской печати, англичане попытались возложить ответственность за грабежи исключительно на турецких солдат [28, р. 42]. Однако, согласно данным из русских источников, британские солдаты и офицеры принимали активное участие в грабежах [41, с. 179].

Англичане воспользовались оккупацией Керчи, построенной на месте античного Пантикапея, для проведения по сути грабительских археологических раскопок. Инициатором их проведения стал английский скульптор Р. Вестмакотт (1775–1856). По распоряжению военного министра лорда Ф. Панмюра (1801–1874) была организована специальная комиссия для организации раскопок и отбора сохранившихся экспонатов Керченского музея с целью пополнения античными древностями собрания Британского музея. В состав комиссии вошли Р. Вестмакотт (III, младший, 1799–1872), Д. Макферсон и майор Крис. Под руководством Д. Макферсона были проведены раскопки нескольких курганов в окрестностях Керчи (в том числе курганной группы «Пять братьев»), а также в самом городе – в районе горы Митридат. Работы продолжались с мая 1855 г. до июля 1856 г. и были прекращены только по требованию русских властей после заключения Парижского мира (1856). Д. Макферсону удалось получить ценную коллекцию артефактов (ювелирные изделия, украшения из бронзы, вазы, терракоты, стеклянные сосуды, монеты, бронзовую гидрию хорошей сохранности и др.), так как он копал ранее не изученные памятники. В частности, в одном из курганов он обнаружил женское погребение с золотым инвентарем (женский бюст, витые серьги, браслеты). Полученные при раскопках вещи, антропологический материал и 47 крупных изделий из мрамора (скульптуры, барельефы, архитектурные детали) были отправлены в Лондон [28, р. 44–97].

Архивные документы позволили установить обстоятельства организации вывоза в 1880-х гг. в США артефактов, найденных на Херсонесском городище. В 1887 г. епископ Таврический (1885–1897) Мартиниан (М. С. Муратовский, 1820–1898) получил запрос из ведомства православного исповедания канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода от 28 января за подписью К. П. Победоносцева (1827–1907) [30, л. 290–290 об.]. Глава Синода спрашивал руководителя Таврической епархии о возможности выслать в США архитектурную деталь одного из херсонесских храмов. Этот своеобразный интерес был вызван тем, что в Чикаго началось строительство англиканской церкви во имя Св. Климента [31, л. 7–8 об.]. Судя по тексту документа, оно осуществлялось на частные пожертвования. Даритель пожелал, чтобы внутреннее убранство нового храма украсил камень из руин Херсонеса, где Св. Климент (легендарный четвертый римский епископ) вел миссионерскую деятельность и принял мученическую смерть. Внимание К. П. Победоносцева к этому случаю, вероятно, было вызвано обращением к нему с этой просьбой протопресвитера англиканской епископальной церкви в Америке, настоятеля кафедрального собора в Давенпорте (штат Айова) [31, л. 1].

Епископ Таврический немедленно переадресовал запрос настоятелю Херсонесского монастыря Св. Владимира. Служители монастыря принимали непосредственное участие в археологических исследованиях Херсонесского городища совместно с Одесским обществом истории и древностей [42, с. 16–23]. 28 февраля в Санкт-Петербург был отправлен положительный ответ с описаниями нескольких архитектурных фрагментов для возможности выбора одного из них [30, л. 284]. Речь шла о трех артефактах: *«первый из породы простых мраморов; длина его 1 арш. <ин> 3 ½ верш. <ка>, ширина 7 верш. <ков>, толщина 5 1/8 верш. <ка>, весу 9 пуд. <ов>. Камень этот может быть распилен во всю длину его, без ущерба для предполагаемой цели и в таком случае вес его уменьшится на половину. Второй камень – небольшой кусок круглой мраморной колонны 6 верш. <ков> в диаметре и ¼ арш. <ина> вышины, весу 1 пуд 23 фунта; с высеченным на колонне крестом и третий – часть мраморной плиты из Иконостаса, в коей обе стороны лицевыя, с остатками высеченных по обеим сторонам крестов – вышины его 7 верш. <ов>, ширина 5 верш. <ов>, а толщина 1 ½ вершка, – весом 29 фунтов»* [31, л. 3–3 об.]. Архитектор собора Дж. Армор остановил свой выбор на фрагменте мраморной колонны с высеченным на ней крестом. Вероятно, чувствуя благожелательное отношение российских властей, архитектор обратился с просьбой о получении еще и детали мраморной плиты, скорее всего, алтарной преграды (в тексте – иконостаса) для украшения алтаря строящегося храма [30, л. 284 об.]. Служители монастыря св. Владимира не только были готовы передать артефакты американской стороне, но и выразили готовность всячески содействовать пересылке вещей за океан: *«Могут быть переданы и все 3-ри камня в распоряжение строителя храма, если роспилка первого (в случае надобности и прозьбы в том) и пересылка его, или всех трех, отнесена будет на счет строителя, а не монастыря»* [31, л. 3 об.].

Можно предположить, что упомянутые архитектурные фрагменты происходили из собрания древностей, хранившихся в Херсонесском монастыре и предназначенные для устройства «Христианского музея» [43, с. 133–144].

В отношении Синода от 21 июня 1887 г. сообщались указания о транспортировке архитектурных деталей в США через Англию. Кроме того, Дж. Армор брал на себя расходы по доставке в сумме 250 рублей [30, л. 284 об. – 285]. Судя по пометке епископа Мартиниана на документе, исполнение поручения Синода было возложено на архимандрита Херсонесского монастыря (3 июля 1887) [30, л. 284]. Вероятно, камни были отправлены в США в августе 1887 г. [31, л. 9–11 об.]. К сожалению, проследить их дальнейшую судьбу пока не удалось.

Можно предположить, что в конце XIX – начале XX в. вывоз археологических находок из Крыма за рубеж не был остановлен. Так, В 1892 г. директор Керченского музея К. Е. Думберг доносил в Археологическую комиссию: *«Керчь – богата памятниками, но в городе отсутствует исторический дух, в основном думают только извлекать наживу. Многие находки попадают в руки путешественников, вывозятся за границу»* [цит. по: 44, с. 140–141]. Показательной является и скандальная история с «тиарой Сайтаферна» [45, р. 165–211].

Необходимо отметить, что российское законодательство об охране историко-культурного наследия имело существенные лакуны, и некоторые аспекты охранной деятельности не были определены юридически. Так, вне сферы законодательной регламентации находился порядок вывоза культурных ценностей за рубеж. Вопрос о принятии мер, препятствовавших свободному и бесконтрольному перемещению национальных исторических и художественных ценностей, неоднократно поднимался общественностью, но так и не был решен [46, с. 118–119; 47, с. 49–50]. В результате зарубежный антикварный рынок регулярно пополнялся предметами старины, вывезенными из России.

Эта проблема весьма остро проявлялась по отношению к памятникам археологии. Несмотря на то, что еще в 1859 г. была создана Императорская Археологическая комиссия, которая должна была изучать и сохранять археологические древности, ее возможности были ограничены, а в сфере контроля за вывозом археологических находок за рубеж вообще не определены [48, с. 142–197]. Однако если художественные произведения, книжные редкости, архивные материалы и др. вывозились за границу преимущественно с ведома и согласия их владельцев, то археологические находки часто попадали в руки иностранных коллекционеров в результате незаконной деятельности грабителей памятников.

Проблема вывоза археологических находок из памятников Крыма за рубеж в конце XVIII – начале XX в. заслуживает пристального внимания исследователей. Ее изучение предполагает поиски архивных документов, анализ каталогов музеев и выставок, антикварных аукционов, записок путешественников. В перспективе осмысление выявленных источников даст возможность установить круг агентов, обеспечивавших перемещение культурных ценностей, выявить группы вещей, интересовавших иностранных коллекционеров, определить способы приобретения и организации транспортировки артефактов, оценить масштабы явления.

Список использованных источников и литературы

1. Feest Ch. European collecting of American Indian artefacts and art / Ch. Feest // *Journal of the History of Collections*. – 1993. – Vol. 5. – № 1. – P. 1–11.
2. Wainwright C. Shopping for South Kensington: Fortnum and Henry Cole in Florence 1858–1859 / C. Wainwright // *Journal of the History of Collections*. – 1999. – Vol. 11, № 2. – P. 171–185.
3. Mason P. A dragon tree in the Garden of Eden : A case study of the mobility of objects and their images in early modern Europe / P. Mason // *Journal of the History of Collections*. – 2006. – Vol. 18, № 2. – P. 169–185.
4. Masci M. E. The birth of ancient vase collecting in Naples in early eighteenth century / M. E. Masci // *Journal of the History of Collections*. – 2007. – Vol. 19, № 2. – P. 215–224.
5. Dauge V. Post-war recovery in Cambodia / V. Dauge // *Museum management and curatorship*. – 1997. – Vol. 16. – № 2. – P. 164–172.
6. Manhart C. The Afghan cultural heritage crisis : UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan / C. Manhart // *American journal of archeology*. – 2001. – Vol. 105. – № 3. – P. 387–388.
7. Wenzel M. Bosnia and Herzegovina : Danger, through social readjustment to cultural property which had survived war / M. Wenzel // *Museum management and curatorship*. – 2001. – Vol. 19. – № 3. – P. 316–331.
8. Stone P. The identification and protection of cultural heritage during the Iraq conflict : A peculiarly English tale / P. Stone // *Antiquity*. – 2005. – № 79. – P. 933–943.

9. Harrison R. *Heritage : critical approaches* / R. Harrison. – London-New-York: Routledge. – 2013. – 268 p.
10. Вилков А. И. Международные конвенции и национальное законодательство в сфере сохранения и защиты культурных ценностей: правовые и правоприменительные аспекты / А. И. Вилков. – М. : РГГУ. – 2009. – 447 с.
- Vilkov A. I. *Mezhdunarodnye konventsii i natsional'noe zakonodatel'stvo v sfere sokhraneniya i zashchity kul'turnykh tsennostey* : Pravovye i pravoprimeritel'nye aspekty / A. I. Vilkov. – M. : RGGU. – 2009. – 447 s.
11. Нешатаева В. О. Культурные ценности: цена и право / В. О. Нешатаева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики. – 2013. – 208 с. – (Серия : Исследования культуры).
- Neshataeva V. O. *Kul'turnye tsennosti: tsena i pravo* / V. O. Neshataeva. – M. : Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki. – 2013. – 208 s. – (Seriya : Issledovaniya kul'tury).
12. Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: конвенции, протоколы, резолюции, рекомендации. – М. : ЮниПринт, 2002. – 223 с.
- Normativnye akty UNESCO po okhrane kul'turnogo naslediya: konventsii, protokoly, rezolyutsii, rekomendatsii. – M. : YuniPrint, 2002. – 223 s.
13. Reid D. M. *Whose pharaohs? Archaeology, museums, and Egyptian national identity from Napoleon to World War I* / D. M. Reid. – Berkeley-London : University of California Press. – 2002. – 410 p.
14. Катагощина М. В. Антикварное дело в России XVIII – первой трети XX века / М. В. Катагощина. – М. : Русский Мир, 2014. – 400 с.
- Katagoshchina M. V. *Antikvarnoe delo v Rossii XVIII – pervoy treti XX veka* / M. V. Katagoshchina. – M. : Russkiy Mir, 2014. – 400 s.
15. Формозов А. А. Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
- Formozov A. A. *Stranitsy istorii russkoy arkheologii* / A. A. Formozov. – M. : Nauka, 1986. – 240 s.
16. Бердинских В. А. История кладоискательства в России / В. А. Бердинских. – М. : Захаров, 2005. – 240 с.
- Berdinskikh V. A. *Istoriya kladoiskatel'stva v Rossii* / V. A. Berdinskikh. – M. : Zakharov, 2005. – 240 s.
17. Щавелев С. П. [Рец. на] : Бердинских В. А. «История кладоискательства в России». М. : Захаров, 2005. 240 с. / С. П. Щавелев // Российская археология. – 2006. – № 4. – С. 172–175.
- Shchavelev S. P. [Rets. na] : Berdinskikh V. A. «Istoriya kladoiskatel'stva v Rossii». M. : Zakharov, 2005. 240 s. / S. P. Shchavelev // Rossiyskaya arkheologiya. – 2006. – № 4. – S. 172–175.
18. Юргевич В. Н. Об археологических изысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей / В. Н. Юргевич // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1886. – Т. 14. – С. 27–51.
- Yurgevich V. N. *Ob arkheologicheskikh izyskaniyakh i otkrytiyakh v Yuzhnoy Rossii, predshestvovavshikh uchrezhdeniyu Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* / V. N. Yurgevich // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. – 1886. – T. 14. – S. 27–51.
19. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v)* / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – 676 s.
20. Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальный этап Феодосийского музея древностей. 1771–1871 / И. В. Тункина. – Киев : Болеро, 2011. – 240 с.
- Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nyy etap Feodosiyskogo muzeya drevnostey. 1771–1871* / I. V. Tunkina. – Kiev : Bolero, 2011. – 240 s.
21. Крестьянников В. В. Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны / В. В. Крестьянников // Sacrum et Profanum : Культ святых мест в древних и современных религиях / Под. ред. Ю. А. Бабинова. – Севастополь : Изд. дом «Максим», 2005. – Вып. 1. – С. 69–72.
- Krest'yannikov V. V. *Vozrozhdenie Sevastopol'skogo blagochiniya i monastyrey posle Krymskoy voyny* / V. V. Krest'yannikov // Sacrum et Profanum : Kul't svyatykh mest v drevnikh i sovremennykh religiyakh / Pod. red. Yu. A. Babinova. – Sevastopol' : Izd. dom «Maksim», 2005. – Vyp. 1. – S. 69–72.

22. Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи / Н. Ф. Федосеев // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 162–166.
- Fedosseev N. F. Pantikapey i «okhrana pamyatnikov» v Kerchi // Istoricheskoe nasledie Kryma / N. F. Fedosseev. – 2005. – № 9. – S. 162–166.
23. Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый угол» : Церковное кривописание (1837–1920) / В. В. Калиновский / Под. ред. А. А. Непомнящего. – Киев ; Симферополь : Антика, 2012. – 340 с. – (Серия : «Библиография кривописания», вып. 18).
- Kalinovskiy V. V. «Drevnostey – i zamechatel'nykh, i interesnykh, i krasivyykh – nepochatyy ugolok» : Tserkovnoe krymovedenie (1837–1920) / V. V. Kalinovskiy / Pod. red. A. A. Nepomnyashchego. – Kiev ; Sifmeropol' : Antikva, 2012. – 340 s. – (Seriya : «Biibliografiya krymovedeniya», vyp. 18).
24. Аржанов А. Ю. Раскопки полковника Манро на Гераклеяском полуострове во время Крымской войны 1854–56 годов / А. Ю. Аржанов // Древности. – 2012. – Вып. 11. – С. 252–263.
- Arzhanov A. Yu. Raskopki polkovnika Manro na Gerakleyskom poluostrove vo vremya Krymskoy voyny 1854–56 godov / A. Yu. Arzhanov // Drevnosti. – 2012. – Vyp. 11. – S. 252–263.
25. Шаманаев А. В. Вывоз из Херсонеса российских культурных ценностей за рубеж в XIX в. / А. В. Шаманаев // Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2007. – № 49. – Вып. 13. – С. 110–118.
- Shamanaev A. V. Vyvoz iz Chersonesa rossiyskikh kul'turnykh tsennostey za rubezh v XIX v. / A. V. Shamanaev // Izv. Ural. gos. un-ta. Seriya 2 : Gumanitarnye nauki. – 2007. – № 49. – Vyp. 13. – S. 110–118.
26. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first : Russia, Tahtary and Turkey / E. D. Clarke. – London : T. Cadell and W. Davies. – 1816. – Vol. 2. – 546 p.
27. Воронов И. Занятие Керчи неприятелем в Крымскую войну / И. Воронов // Русская старина. – 1908. – Т. 134. – С. 415–421.
- Voronov I. Zanyatie Kerchi nepriyatelem v Krymskuyu voynu / I. Voronov // Russkaya starina. – 1908. – T. 134. – S. 415–421.
28. McPherson D. Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosphorus / D. McPherson. – London : Smith, Elder & Co. – 1857. – 132 p.
29. Russell W. H. The war from the death of lord Raglan to the evacuation of the Crimea / W. H. Russell. – London : G. Routledge & Co. – 1856. – 486 p.
30. Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя (ГАГС), ф. 19, оп. 1, д. 10. О производстве археологических раскопок в местности древнего Херсонеса, л. 284–285, 290–290 об.
- Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Arkhiv goroda Sevastopolya (GAGS), f. 19, op. 1, d. 10. O proizvodstve arkhologicheskikh raskopok v mestnosti drevnego Khersonesa, l. 284–285, 290–290 ob.
31. ФКУ «Российский государственный исторический архив» (РГИА), ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода), оп. 57, отделение I, стол 1, д. 27. По сообщению доктора богословия Холь о постройке во имя Св. Климента храма в городе Чикаго в Америке, л. 1, 3–3 об., 7–11 об.
- FKU «Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv» (RGIА), f. 797 (Kantselyariya ober-prokurora Svyateyshego Sinoda), op. 57, otdelenie I, stol 1, d. 27. Po soobshcheniyu doktora bogosloviya Khol' o postroyke vo imya Sv. Klimenta khrama v gorode Chikago v Amerike, l. 1, 3–3 ob., 7–11 ob.
32. Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии / А. Х. Стевен // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1891. – № 13. – С. 33–54.
- Steven A. Kh. Dela arkhiva Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, odnosyashchiesya do razyskaniya, opisaniya i sokhraneniya pamyatnikov stariny v predelakh Tavricheskoy gubernii / A. Kh. Steven // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. – 1891. – № 13. – S. 33–54.
33. Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII – пер. пол. XIX в.) / А. М. Разгон // Очерки истории музейного дела в СССР / Под ред. А. М. Разгон, С. А. Каспаринская-Овсянникова. – М. : Советская Россия, 1971. – С. 291–365.
- Razgon A. M. Okhrana istoricheskikh pamyatnikov v Rossii (XVIII – per. pol. XIX v.) / A. M. Razgon // Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR / Pod red. A. M. Razgon, S. A. Kasparinskaya-Ovsyannikova. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1971. – S. 291–365.

34. Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. / К. К. Герц // Герц К. К. Собрание сочинений. – СПб. : Тип. В. Безобразова, 1898. – Вып. 2. – 152 с.
- Gerts K. K. Istoricheskiy obzor arkhologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiya do 1859 g. / K.K. Gerts // Gerts K. K. Sbranie sochineniy. – SPb. : Tip. V. Bezobrazova, 1898. – Vyp. 2. – 152 s.
35. Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства / И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. – СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1889. – Вып. 1. Классические древности Южной России. – 119 с.
- Tolstoy I. I. Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva / I. I. Tolstoy, N. P. Kondakov. – SPb. : Tip. Ministerstva putey soobshcheniya, 1889. – Vyp. 1. Klassicheskie drevnosti Yuzhnoy Rossii. – 119 s.
36. Шавшин В. Г. Английская армия в осаде Севастополя / В. Г. Шавшин // Достойный поклонения. Восточная (крымская) война 1853–1856 годов : Первая героическая оборона Севастополя / Сост. В. В. Крестьянников. – Севастополь : Арт-Политика, 2005. – С. 107–118.
- Shavshin V. G. Angliyskaya armiya v osade Sevastopolya / V. G. Shavshin // Dostoinnyy pokloneniya. Vostochnaya (krymskaya) voyna 1853–1856 godov : Pervaya geroicheskaya oborona Sevastopolya / Sost. V. V. Krest'yannikov. – Sevastopol' : Art-Politika, 2005. – S. 107–118.
37. Юргевич В. Н. Две генуэзские надписи из Балаклавы / В. Н. Юргевич // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1879. – Т. 11. – С. 319–320.
- Yurgevich V. N. Dve genuezskie nadpisi iz Balaklavy / V. N. Yurgevich // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. – 1879. – T. 11. – S. 319–320.
40. Марков Е. Л. Очерки Крыма : Картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – Киев : Стилос, 2006. – 512 с.
- Markov E. L. Ocherki Kryma : Kartiny krymskoy zhizni, istorii i prirody / E. L. Markov. – Kiev : Stilos, 2006. – 512 s.
41. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя / Н. Ф. Дубровин. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1900. – Т. 3. – 480 с.
- Dubrovin N. F. Istoriya Krymskoy voyny i oborony Sevastopolya / N. F. Dubrovin. – SPb. : Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1900. – T. 3. – 480 s.
42. Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927) / К. Э. Гриневиц. – Севастополь : Херсонесский музей. – 1927. – 56 с.
- Grinevich K. E. Sto let chersonesskikh raskopok (1827–1927) / K. E. Grinevich. – Sevastopol' : Khersonesskiy muzey. – 1927. – 56 s.
43. Шаманаев А. В. Проект создания «Христианского музея» в Херсонесе во второй половине XIX в. / А. В. Шаманаев // Изв. УрФУ. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 3 (154). – С. 133–144.
- Shamanaev A. V. Proekt sozdaniya «Christianskogo muzeya» v Chersonese vo vtoroy polovine XIX v. / A. V. Shamanaev // Izv. UrFU. Seriya 2 : Gumanitarnye nauki. – 2016. – T. 18. – № 3 (154). – S. 133–144.
44. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями / В. Н. Боровкова. – Керчь : Благотворительный фонд «Деметра», 1999. – 159 с.
- Borovkova V. N. Kollektionery i trgovtsy kerchenskimi drevnostyami / V. N. Borovkova. – Kerch' : Blagotvoritel'nyy fond «Demetra», 1999. – 159 s.
45. Duchêne H. “Nous n'étions pourtant pas si bêtes de croire à la tiare!” – Edmond Pottier, Salomon Reinach: deux dans l'épreuve / H. Duchêne // Journal des savants. – 2005. – Vol. 1. – № 1. – P. 165–211.
46. Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) / А. М. Разгон // История музейного дела в СССР. Тр. НИИ музееведения. – М. : Гос. изд. культурно-просветительной лит-ры, 1957. – Вып. 1. – С. 73–128.
- Razgon A. M. Okhrana istoricheskikh pamyatnikov v dorevolutsionnoy Rossii (1861–1917) / A. M. Razgon // Istoriya muzeynogo dela v SSSR. Tr. NII muzevedeniya. – M. : Gos. izd. kul'turno-prosvetitel'noy lit-ry, 1957. – Vyp. 1. – S. 73–128.
47. Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы / Х. М. Турьинская. – М. : Б. и., 2001. – 124 с.

Tur'inskaya Kh. M. Muzeynoe delo v Rossii v 1907–1936 gody / Kh. M. Tur'inskaya. – M. : B.i., 2001. – 124 s.

48. Лебедев Г. С. История отечественной археологии : 1700–1917 гг. / Г. С. Лебедев. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. – 464 с.

Lebedev G. S. Istoriya otechestvennoy arkheologii : 1700 – 1917 gg. / G. S. Lebedev. – SPb. : Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1992. – 464 s.

Shamanaev A. V. The Crimean archaeological finds moving to abroad in the 18th– early 20th century: the problems and perspectives of study / A. V. Shamanaev // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 163–173.

The article is devoted to the study of the practice Crimean the archaeological finds moving to abroad in the late 18th – early 20th century. The author examines the archaeological artifacts as a special group of cultural heritage (movable cultural property). The study is based on an analysis of scientific publications, memoirs and archives documents (St. Petersburg and Sevastopol). There are facts an export of cultural property abroad as early as the end of 18th – early 19th centuries. The author demonstrates the intensification archaeological site pillage and artifacts removal out during the Crimean (Eastern) War. Besides, there are facts of cultural property moving under the promotions of Russian Empire authorities in the 1880^s. The author believes the study of Crimean cultural values export are needs the deeper analysis.

Keywords: cultural heritage, cultural heritage protection, history of the Russia, Crimea.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ** – Античная древность и средние века (Свердловск)
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия (Москва)
БИ – Боспорские исследования (Симферополь; Керчь)
БФ – Боспорский феномен (Санкт-Петербург)
БЧ – Боспорские чтения (Керчь)
ВВ – Византийский временник (Москва)
ВДИ – Вестник древней истории (Москва)
ГКУ ГАРК – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Республики Крым» (Симферополь)
ГМЗХТ – Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (Санкт-Петербург)
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИАК – Известия Археологической Комиссии (Санкт-Петербург)
ИАК РАН – Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
ИВР РАН – Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)
ИКОГО – Известия Крымского отделения Географического общества Союза ССР (Симферополь)
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва)
КФУ имени В. И. Вернадского – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)
МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва; Ленинград)
НА ГМЗ ХТ – Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)
НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма РАН (Симферополь)
ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии (Санкт-Петербург)
РАН – Российская академия наук (Москва)
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
СА – Советская археология (Москва)
САИ – Свод археологических источников (Москва)
ССПК – Старожитності степового Причорномор'я і Криму (Запоріжжя)
ТА – Таврическая академия КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
ТНУ – Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)
ТОКДП – Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора

ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия (Симферополь)

ABV – Beazley J.D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956. – 851 p.

CVA Compiegne, Musée Vivenel, 3 – Corpus Vasorum Antiquorum France. Musée Vivenel / Flot M. Paris, 1924. – 44 p.

CVA Museo Nazionale di Napoli, V – Corpus Vasorum Antiquorum Italia, LXIX, Museo Nazionale di Napoli, V. 1995. – 53 p.

IOSPE – Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Лейбенсон
Юлия Тарасовна**

аспирант кафедры истории древнего мира и Средних веков исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

**Непомнящий
Андрей Анатольевич**

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

**Петрова
Элеонора Борисовна**

доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

**Пономарев
Леонид Юрьевич**

независимый исследователь, археолог (Керчь, Российская Федерация).

**Прохоров
Дмитрий Анатольевич**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

**Сорочан
Сергей Борисович**

доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории древнего мира и средних
веков исторического факультета
Харьковского национального
университета
им. В. Н. Каразина (Харьков, Украина).

**Спивак
Игорь Александрович**

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории древнего мира
и средних веков исторического
факультета Таврической академии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского (Симферополь,
Российская Федерация).

**Туровский
Евгений Яковлевич**

кандидат исторических наук, главный
научный сотрудник Государственного
историко-археологического музея-
заповедника «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Российская Федерация).

**Федосеев
Николай Федорович**

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
археологии Крыма Российской
академии наук (Симферополь,
Российская Федерация).

**Хрушкова
Людмила Георгиевна**

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории Церкви
исторического факультета Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова (Москва,
Российская Федерация).

**Шаманаев
Андрей Васильевич**

кандидат исторических наук, доцент
кафедры археологии и этнологии
департамента «Исторический
факультет» Института гуманитарных
наук и искусств Уральского
федерального университета
(Екатеринбург, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Лейбенсон Ю. Т.

Об этническом происхождении философов –
выходцев из Северного Причерноморья 3

Непомнящий А. А.

Малоизвестные страницы деятельности Русского музея
императора Александра III: кримоведение 27

Петрова Э. Б.

Тит Ванцетти и его «Путешествие в Крым,
предпринятое осенью 1835 года» 39

Прохоров Д. А.

Документы по истории «пещерного города»
Чуфут-Кале в Государственном архиве
Республики Крым (дореволюционный период)..... 75

Сорочан С. Б.

К вопросу об облике городищ-полисм
и «кастра племен» в окрестностях византийского
Херсона во второй половине VII – первой половины IX века 91

Спивак И. А.

О запрете винопития в исламе..... 101

Туровский Е. Я.

О датировке херсонесского декрета в честь
Сирииска, сына Гераклида 113

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю.

Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи
(историографический обзор)..... 124

Хрушкова Л. Г.

Ранневизантийские капители
и другие элементы архитектурного декора
из Юго-Западного Крыма 137

Шаманов А. В.

Вывоз из Крыма археологических находок
за рубеж в XVIII – начале XX века: перспективы
исследования проблемы 163

Сведения об авторах 176